

**«ПИСЬМА ИЗ ПЕРСИИ» 1828 ГОДА
СЕКРЕТАРЯ РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА КАРЛА АДЕЛУНГА
В ПОЛНОМ ПЕРЕВОДЕ**

*(Вступительная статья, подготовка текста,
перевод и комментарии Е. В. Юдиной и И. М. Могилевич)*

Аннотация: Полный перевод писем Карла Аделунга, второго секретаря посольства, возглавляемого А. С. Грибоедовым, выполнен впервые. Ранее (1946 г.) был опубликован перевод менее четвертой части всего объема писем; он имеет неточности и ошибки, устраненные в настоящем переводе. Письма адресованы в Петербург Федору Павловичу Аделунгу, отцу автора; они написаны по дороге в Тифлис, во время комплектования посольства в Тифлисе и дальнейшего следования через Ереван в Тебриз. Кроме путевых впечатлений по маршруту следования и в Закавказье, письма содержат бытовые и этнографические черты жизни на недавно завоеванных Россией территориях, упоминания множества военных и чиновников Закавказья, сведения о первых годах существования трех немецких колоний в Грузии и рутинных подробностях функционирования дипломатической миссии. Помимо этого, письма в целом представляют собой роман воспитания.

Ключевые слова: Русско-персидская и Русско-турецкая война; 1828 г.; взаимодействие исламского и христианского мира в Закавказье; Тифлис; Ереван; Тебриз; А. С. Грибоедов; К. Ф., Ф. Ф., А. Ф., Н. Ф., Ф. П. Аделунги; Е. Р., М. Е., П. Е., Ф. Е. Коцебу.

Abstract: Karl Adelung was the second secretary of the embassy headed by A. S. Griboedov. This is the first full translation of Karl Adelung's letters. The previously published translation of these letters (dated to 1946) covered only less than the quarter of the letters' text and contained several inaccuracies which are corrected in our publication. K. Adelung addressed these letters to his father, Fyodor Pavlovich Adelung. He wrote these letters on his trip to Tiflis (Tbilisi), during the embassy recruitment period in Tiflis and while he was travelling to Tabriz through Erivan (Yerevan). Apart from the Adelung's impressions about the terrain through which his road ran and about the Transcaucasia, the letters also contain the notes on ethnography and material culture of the communities inhabiting the territories recently conquered by Russian Empire. The letters also mention many military officers and officials of Transcaucasia, the details of diplomatic mission's routine and the information about the first years of three German colonies in Georgia. Besides this, the letters can be regarded as an 'Bildungsroman'.

Key-words: Russo-Persian War; Russo-Turkish War; 1828 year; the Islamic-Christian relations in Transcaucasia; Tiflis; Erivan; Tabriz; A. S. Griboedov; the Adelungs: K. F., F. F., A. F., N. F., F. P.; the von Kotzebues: E. R, M. E, P. E., F. E.

Вся беда в том, что мемуаристы и историки (вне зависимости от степени их честности) являются или художниками, фантастически преобразующими наблюдаемую жизнь, или посредственностями (более частый случай), бессознательно искажающими реальность, подгоняя ее под свои банальные и примитивные представления. В лучшем случае мы можем составить собственное мнение об историческом лице, если владеем тем, что написано им самим, — особенно в форме писем, дневников, автобиографии и т. д.

*В. В. Набоков*¹

«Briefe aus Persien» («Письма из Персии», встречаются также названия «Персидские письма», «Письма к отцу») второго секретаря русского посольства в Персии 1828 г. Карла Аделунга являются одним из базовых источников для всех, пишущих о А. С. Грибоедове. Не претендуя на исчерпывающую библиографию, укажем на популярные биографии драматурга и дипломата² и на академические издания.³ Между тем написанные по-немецки «Письма из Персии» не публиковались ни в оригинале, ни в виде полного перевода на русском языке. В 1946 г. О. И. Попова опубликовала русский перевод 18 извлечений из писем К. Аделунга — отрывков, имеющих, по мнению публикатора, отношение к Грибоедову.⁴

Двадцать одно письмо К. Аделунга (почти 180 страниц почтового формата) хранятся в специально для них изготовленной темно-лиловой сафьяновой папке с позолотным тиснением «Briefe aus Persien von Karl Adelung. 1828» и изящным кантом по периметру.⁵ Они написаны антиквой, а не куррентом, с орфографическими и стилистическими ошибками, что свидетельствует, как и обращение к русскому языку для

¹ *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 551. Далее — *Набоков*.

² Например: *Дмитриев С. Н.* Последний год Грибоедова: Триумф. Любовь. Гибель: Историческое расследование. М., 2017 (далее — *Дмитриев*); *Kelly L.* Diplomacy and Murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russia's Mission to the shah of Persia. NY, 2006.

³ Например: *Тархова Н. А.* Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790—1829. М., 2017 (далее — *Тархова*); *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 3. СПб., 2006 (далее этот том — *ПСС*); *Пиксанов Н. К.* Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова. 1791—1829. М., 2000 (далее — *Пиксанов*); *Kneip J. R.* A. S. Griboedov: His Life and Work as a Russian Diplomat, 1817—1829. Dissertation Ph. D. Ohio, 1976.

⁴ *Попова О. И.* Грибоедов в письмах К. Ф. Аделунга отцу // Литературное наследство. Т. 47/48: А. С. Грибоедов / Отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. М., 1946. С. 243—264.

⁵ РО ИРЛИ РАН, ф. 457, № 18.

обозначения некоторых реалий, о том, что автор вырос в русской языковой среде. Письма, отправленные из Еревана (№ 15 и 16) и Тебриза (№ 17–20), несут следы окуливания на противочумных карантинах. Кроме писем Карла Аделунга, в папке хранятся клочок бумаги с карандашным любительским рисунком (спящая в кресле раскормленная собачка) и листок со старательно выписанными детской рукой несколькими строками по-гречески: «Несправедливая смерть возлюбленного сына прекрасного человека генерала Аделунга потрясла наше сердце! И Святой Бог да утешит его».⁶ Очевидно, это соболезнование (возможно, написанное К. Д. Ламбросом, подростком-сиротой, жившим в семье статского советника Аделунга и не нашедшим эквивалента чину своего опекуна в древнегреческом) тронуло горевавшего, и он присоединил его к письмам родного сына. В папку вложены и 4 листа писчего формата,⁷ на которых текст написан немецкой скорописью и тематически не связан с письмами К. Аделунга. «Письма из Персии», как и некоторые другие материалы небольшого фонда Ф. П. и Н. Ф. Аделунгов ИРЛИ РАН, были приобретены в 1919 г. Б. Л. Модзалевским⁸ у вдовы племянника Карла Аделунга Николая Николаевича Аделунга⁹ (см. Схему на с. 112).

Сравнение этих писем и опубликованных переведенных отрывков из них выявило в последних не только неточности (в датах, топонимах, именах), но и смысловые ошибки. Однако побудило выполнить полный перевод не только желание исправить это, но и стремление ввести в научный оборот новую информацию о Кавказе и Закавказье начала XIX в. Речь идет о не включенных в публикацию 1946 г. темах: о работе администрации Кавказской линии, о состоянии дорог, торговли и бытовых особенностях движения по маршруту Петербург – Тифлис, о быте и безопасности переселенцев из центральных областей России и Германии, стоимости жизни и санитарном состоянии Тифлиса, бытовавших слухах, спектаклях любительского армейского театра, картинах жизни недавно завоеванных персидских городов и деревень, экипировке путешественников.

⁶ Перевод сотрудника Института восточных рукописей РАН (далее – ИВР РАН) Максима Владимировича Фионина.

⁷ РО ИРЛИ, ф. 457, № 18, л. 55–57 об.

⁸ Стоимость приобретаемого архива составила одну тысячу рублей. В то время, из-за приближения фронта к Петрограду, на эти деньги можно было купить 4,5 кг картофеля или 1,5 кг сахара (*Сомов К. А. Дневник 1917–1923. М., 2017. С. 342*).

⁹ Дело фонда Аделунгов Федора Павловича и его сына Николая Федоровича (ф. 457, л. 1). *Аделунг Николай Николаевич (1859–1917)* родился и получил образование в Германии, участвовал добровольцем в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., приехал работать в Россию в 1897 г. энтомологом Зоологического музея ИАН. Историк науки. Он умер от сердечного приступа; его вдова получила в ИАН деньги на похороны и далее обращалась за пособием в конце 1918 г. (Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее – СПФ АРАН), ф. 4, оп. 4, № 4, л. 8–11 об., 103, 120, 154).

«Письма из Персии» вступают в своеобразный диалог с другими текстами лиц, побывавших в тех же местах и примерно в то же время: «Путешествием в Арзрум» 1829 г. Пушкина и путешествиями его героев, персидскими записками 1817 г. и 1826 г. М. Е. Коцебу¹⁰ и записками 1826 г. — Ф. Ф. Бартоломея.¹¹ Слог и сюжеты писем К. Ф. Аделунга заметно отличаются от написанного двумя последними упомянутыми авторами, не говоря уже о южном дневнике П. И. Кёппена 1827—1829 гг., клонящемся к форме ежедневника,¹² архаичном по стилю, академичном по сюжетам и почти лишенном эмоционального обаяния. Неопубликованные воспоминания В. Н. Григорьева,¹³ зафиксированные 40 лет спустя после событий, хронологически неточны и гораздо менее информативны.

Перед читателем писем К. Аделунга разворачивается увлекательное и художественное повествование не только о путешествии героя, но и его взрослении. В путь отправился 25-летний интеллигентный, интересующийся естественной историей и немного инфантильный молодой человек, впервые покинувший родительский дом. Он любит музыку и театр, но почему-то мечтает о Востоке¹⁴ (хотя восточными языками не владеет); в дороге он с собой берет французский роман середины XVIII в. Его спутник в поездке и сослуживец (первый секретарь посольства И. С. Мальцов) младше его на 4 года, но гораздо практичнее. Казалось бы, долгое заточение в экипаже и гостинице неизбежно приведет к сближению молодых людей, но к концу дороги, задолжав своему спутнику изрядную сумму, он совершенно от него отдалился: Карлу с его тонкой наблюдательностью и богатым воображением его коллега кажется суховатым, излишне рациональным и не способным к эмоциональному сопереживанию.

До отъезда из Петербурга К. Аделунг занимал мелкую должность в МИД, даже не упоминаемую в календарях. Дорогой Карл Федорович

¹⁰ Записки М. Е. Коцебу были опубликованы в 1819 г. хлопотами его отца, драматурга и писателя Августа Коцебу на французском, немецком и английском языках — см.: *Kotzebue M. Narrative of a Journey into Persia, in the Suit of the Imperial Russian Embassy in the Year 1817.* London, 1819 (далее — *Kotzebue*). В 1901 г. (40 лет спустя после смерти автора) в «Кавказском сборнике» была опубликована статья: *Коцебу М. Е. Описание вторжения персиян в Грузию в 1826 г.* // Эл. ресурс, дата доступа 11 авг. 2020 г. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Kotsebu_M_E/red.htm.

¹¹ *Бартоломей Ф. Ф. Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 г.* // Русская Старина. 1904. Т. 118, кн. 4. С. 3 (далее — *Бартоломей*).

¹² СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 145 и 146.

¹³ ОР РНБ, ф. 225, № 5.

¹⁴ Близко знавший всех Аделунгов П. И. Кёппен (см. Схему на с. 112) предположил, что Карл хотел собрать материал о путешествии Афанасия Никитина (тверского купца, описавшего свое посещение Персии и индийских княжеств в 1466—1472 гг.). По его мнению, Карл мог бы стать или литератором, или ученым. Несомненно одно: «Он столь сильно, столь ревностно стремился в Персию, столь усердно приготавливал свой отъезд...» (СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 145, л. 54).

планировал осматривать достопримечательности, о которых читал в книгах выдающейся библиотеки своего отца, но мало что смог разглядеть из коляски, которую покидал совсем ненадолго. Примечательно его восприятие Москвы, где он провел три дня: город, выгоревший 16 лет назад, показался Карлу Федоровичу более нарядным и благоустроенным по сравнению с Петербургом. Но вот К. Аделунг закончил чтение романа, определенного В. В. Набоковым как «полная белиберда», потерял очки и начал меняться — теперь он уже не жалуется на холодные июньские ночи, назойливых насекомых и свои рыночные промахи, а пишет о просторном мире, полном новыми вкусами, цветами, запахами, видами, бытом, другими историями и самыми разнообразными людьми: кочующими калмыками и возвращающимися с войны кавалеристами; дорожными строителями-осетинами, красавицами-чеченками и немецкими проповедниками с их паствой — колонистами-виноградарями; грузинскими князьями, крестьянами и банщиками; российскими генералами, чиновниками и их женами; персидскими принцами, ханами, администраторами и беженцами; знакомыми из Ревеля, Петербурга и Павловска. О присущем К. Аделунгу остром взгляде и литературном даре свидетельствует то, что по мере вживания в мультикультурную среду Закавказья его письма насыщаются местными топонимами и иранизмами. Он не просто обозначает чужого, а узнает в иноплеменниках грузин, армян, курдов, чеченцев, азербайджанцев, осетин, калмыков. Как в сочиненном романе, в письмах нагнетается интерес, предвзятое появление Нины Александровны Чавчавадзе, а ее венчание и свадьбу автор пропустил, так как прихворнул и остался дома.

Карл Федорович любит шутить и в последних письмах иронией маскирует осуждение некоторых административных распоряжений. Из неумехи, с трудом управляющегося с рекомендательными письмами, он превратился в инициатора розыска плененных немецких колонистов и не только в азартного, но и расчетливого коллекционера, выполнившего поручения отца, касающиеся Учебного отделения восточных языков при МИД (далее — УОВЯ). Очень современным кажется мультикультурализм К. Аделунга: он не только организует сбор средств на строительство церкви в немецкой колонии пиетистов, его искренне огорчает варварское обращение с древними христианскими церквями Закавказья и переоборудование мечети в православный храм в завоеванном Ереване.

У Карла Федоровича были далекие планы, связанные с работой для Закавказской компании Завелейского — Грибоедова, и он взялся за изучение персидского языка. Путешествие не уменьшило привязанность Карла Федоровича к семье, дому, друзьям и сослуживцам — просто он настолько возмужал, что его любви и симпатий хватает для целого мира. Его письма напоминают роман воспитания, в конце которого юноша исчезает и появляется — мужчина.

Публикуемые письма по жанру относятся к путевым дневникам, но имеют более причудливую структуру: в некоторых письмах (№ 9–16) рассказ о «сегодня» прерывается вставками из дневника К. Аделунга, относящимися к практически ежедневной фиксации периода с 26 июня по 12 сент. 1828 г. К. Аделунг, пользовавшийся при написании писем своим дневником, называл и эти свои письма «дневником». Вслед за ним так эти письма называл и его отец.¹⁵ В одном из последних писем (№ 18) Карл Федорович сообщил, что дневник его в Шуше (по-видимому, его он отдал на хранение пастору, с которым сблизился в колонии Элизабетталь).

Полезно взглянуть на письма Аделунга как на исторический документ. Жанр семейной переписки должен снять сомнения в ангажированности автора и умышленности его текста; да вот можно ли доверять автору, чья фамилия, по известному выражению,¹⁶ «не оканчивается на -ов»? К сожалению, до сих пор в плаще патриотизма выступает нежелание обратиться к новым источникам, ведь объяснить неудачу дела «немецким засильем» на российской дипломатической службе или «английскими происками» нетрудно и, главное, привычно и объясняющему, и внимающим. К сожалению, даже в недавних работах о посольстве Грибоедова принято сетовать на засилье иностранцев в МИД первой половины XIX в., а не проводить совокупный анализ источников.¹⁷ Письма К. Аделунга демонстрируют, насколько русскими было

¹⁵ В письме, посланном из Петербурга на Кавказ П. И. Кёппену, Ф. П. Аделунг писал буквально за неделю до гибели сына: «Перс Карл в настоящее время в Тегеране, в своем последнем письме он уверяет, что очень счастлив и доволен. Его дневник <...> чрезвычайно интересен. Вы прочтете его этим летом...» (СПФ АРАН, ф. 30, оп. 3, № 1, л. 25).

¹⁶ *Меньков П. К.* Записки. Т. 1: Дунай и немцы. СПб, 1898. С. 252.

¹⁷ В качестве нескольких примеров, обычно исключаемых из анализа гибели миссии Грибоедова, можно указать на следующие. Организаторами российской школы подготовки национальных кадров драгоманов (переводчиков с восточных языков) были стамбульский потомок генуэзцев, перешедший из французского подданства в российское *Фонтон Антон Антонович* (1780–1864) и немец Ф. П. Аделунг. Консулом в Персию Ермолов, тогда всесильный командующий отдельным Кавказским корпусом, назначил серба венецианского происхождения. В подготовленных к печати Вал. А. Жуковским, но не изданных письмах французского инженера на персидской службе Б. Семино отмечено отдаление англичан (советников и дипломатов) от шаха и наследного принца после поражения под Мианом (РО ИВР РАН, ф. 17, оп. 1, № 43, л. 17 об.—18, 37–39). Английские дипломаты в самом начале Персидской войны 1826 г. добились у шаха освобождения арестованного в Тебризе посольства А. С. Меншикова и в янв. 1829 г. вызволили из заточения уцелевшего в тегеранской резне И. С. Мальцова. Свою беременную жену Грибоедов оставил в Тебризе в декабре 1828 г. на попечении английского посланника Дж. Макдональда. Английские миссии в Афганистане неоднократно истребляла толпа солдат и горожан, недовольных англичанами. Так погибли: в 1841 г. — миссия А. Бёрнса; в 1879 г. — миссия П. Каваньяри. В неизданных многословных дневниках В. А. Косаговского приведены не только воспоминания очевидца (69 лет спустя) о нападении

множество офицеров и чиновников, хотя и с удовольствием говоривших и писавших по-немецки (письмо № 11), но не менее виртуозно владевших «российским» языком. Карл Федорович, родившийся в Петербурге и дальше Павловска и Ревеля от него не отъезжавший, во всех своих письмах смотрит и рассуждает о России как о родной стране. Например, он тонко почувствовал неблагополучие деревень черноземной России (письмо № 7: «Но деревни становятся все более бедными, дома просто печальны и убоги, хотя это и не хижины, крытые соломой.... Это производит впечатление трагическое; вообще я имел совершенно другое представление о России — такого жалкого зрелища я не мог бы себе представить, особенно на центральной дороге. Я не мог не удивляться этому, и особенно тому, что я никогда об этом не слышал»). Карл Федорович попадает в болезненную точку, которой не касались в официальных корреспонденциях, и сообщает, что стоявшие в устье Аракса уланы потеряли около 85% своего состава от болезней (письмо № 9). Полный перевод писем позволяет читателю вывести свое суждение о национальном сознании К. Аделунга — нам он кажется молодым россиянином, тесно связанным с историей, культурой и природой России. Таким образом, «Письма из Персии», дающие возможность проникновения во внутренний мир их автора, еще раз напоминают о том, что множество лиц российской истории, науки и культуры, чьи фамилии «не на -ов», не «вносили вклад» как люди со стороны, а мыслили и действовали как россияне.

Письма К. Аделунга создают совершенно новое представление о положении немецких переселенцев (колонистов) в Закавказье. Пиетисты, всего 10 лет как обосновавшиеся в десятке закавказских колоний, не прозябали и не замкнулись в своем «расколе» (как показано во многих отечественных работах), а хозяйственно процветали и были открыты общению. Их переселение было высочайше одобрено во время Венского конгресса 1815 г.: Александр I, встретившись с представителями лютеран-сепаратистов и ознакомившись с их учением, разрешил их переселение на Кавказ. Около полутора тысяч семей с немалыми трудностями добрались до назначенных в Грузии и Азербайджане мест. Эту часть немецких переселенцев в эмиграцию двигали не только экономические и социальные трудности, возникшие на их родине, но и их вероучение. Пиетисты мечтали об объединении всех христианских церквей; Россия представлялась им достаточно веротерпимой, а Кавказ находился гораздо ближе к горе Арарат и Палестине (их конеч-

на миссию Грибоедова (РО ИВР РАН, ф. 30, оп. 1, № 3, л. 375—380), но и описана привычная для персидской «народной демократии» техника разгрома обороняемого строения с крыши как способ выражения «народного недовольствия», которое автор дневников наблюдал в Тегеране в мае 1900 г. (Там же, № 6, л. 130—150). Еще в 1830—1840 гг. из карательных горных экспедиций русские офицеры приводили в штаб Корпуса в Ставрополь телеги с головами убитых немирных горцев (см.: Филиппсон Г. И. Воспоминания. М., 1885. С. 102).

ным целям), чем родное Вюртембергское королевство. В свою очередь, русская администрация, организуя переселение немецких крестьян и ремесленников, надеялась внедрить с их помощью новые европейские приемы ведения сельского хозяйства, развить ремесла в недавно присоединенном Закавказье и христианизировать мусульманское население. Такие крупные администраторы, как М. С. Воронцов, А. П. Ермолов, К. Х. Бенкендорф, способствовали переселению пиетистов и организовывали их прием в Крыму и Закавказье. В отличие от большинства современных работ, базирующихся на анализе официальных документов и констатирующих трудности и небольшую успешность новых поселений, свидетельство К. Аделунга фиксирует благополучие поселенцев и позитивное настроение колонистов.

Дают «Письма из Персии» и небольшой новый штрих к глубоко разработанной декабристской теме. Отправленный на Кавказ «кровью врагов смывать» позор, покрывший лейб-гвардию (далее ЛГ), Сводный полк, сформированный из вышедших на площадь нижних чинов Московского и Гренадерского полков и Флотского экипажа, включал и младших офицеров, с декабристскими организациями не связанных и к следствию не привлекавшихся. Двое из них — Н. И. Веригин и Р. Р. Ховен — неоднократно упоминаются в письмах К. Аделунга.

Разумеется, в письмах, оборвавшихся за месяц до гибели посольства, не может содержаться описание его гибели.¹⁸ В этих письмах, полных энергии и оптимизма, нет даже предчувствия смерти (письмо № 18). В этом они противоречат многочисленным воспоминаниям друзей Грибоедова, после гибели посольства рассказавших о мрачных предчувствиях посла и даже припомнивших имя им якобы указанного будущего убийцы. Может ли полный перевод дать что-то новое исследователям разгрома миссии? Да, некоторую контекстную информацию — может.

¹⁸ Тут молодцом оказался первый секретарь посольства И. С. Мальцов, один из четырех уцелевших во время уничтожения миссии. Он укрылся (в буквальном смысле, в ковре или сундуке) почти на три часа бойни, но описал картину гибели сотрудников, в том числе и К. Аделунга. Проведя после этого 20 дней под персидской охраной (по сути, между жизнью и смертью), в своем рапорте начальству он фактически изложил ход событий, представленных персидской стороной (*Берже Ад. П. Смерть А. С. Грибоедова // Русская Старина. 1872. Т. 6, кн. 8. С. 163–207*). Выдержка не оставила И. С. Мальцова и в ответе на письмо Ф. П. Аделунга — он практически повторил свое официальное донесение: «Я тщетно старался добыть какие-либо подробности о его смерти; все, что мною узнано, заключается в том, что он искал спасения в бане, при посольском доме, где и пал под ударами кинжалов» (*Русская Старина. 1877. Т. 11, кн. 9. С. 277*). Источники своей информации по данному вопросу, как истинный дипломат, И. С. Мальцов не раскрыл. Схожие подробности (баню и кинжалы) упомянул и 40 лет спустя в своих воспоминаниях В. Н. Григорьев, узнавший о гибели посольства в феврале 1829 г. в Нахичевани от приехавшего туда Тавризского консула К. А. Амбургера (РО РНБ, ф. 225, № 5, л. 49 об.).

До сегодняшнего дня из работы в работу повторяется старая (и в начале XIX в. политически оправданная) версия причин расправы с посольством: английские интриги и неискушенность Грибоедова в восточном этикете.¹⁹ Относительно первой причины письма К. Аделунга хранят молчание, если не считать сильного и положительного его впечатления от Аббас-Мирзы,²⁰ наследного принца, пригласившего для модернизации страны иностранных специалистов и отправлявшего своих соотечественников для обучения в Англию. Можно предположить, что наблюдательный Карл почувствовал трагизм положения наследного принца: военное поражение, отсутствие средств для выплаты контрибуции и угроза отца-шаха назначить другого наследника.

А вот относительно условий профессиональной деятельности дипломатов письма весьма красноречивы. Из них мы узнаем, какими небольшими средствами располагало посольство при очень сильной дороговизне в Закавказье. Это приводило к необходимости найма сотрудников прямо на месте (из Петербурга приехали, кроме самого посла, только два секретаря,²¹ явно недостаточно подготовленные). Грибоедов, сам обучившийся дипломатическим премудростям, как и восточным языкам, самостоятельно, в процессе 10-летней дипломатической работы, иронизировал по поводу уровня подготовки переводчиков из УОВЯ («юные ориентальные дипломаты, которые цветут здесь как сонные воды, в бездействии»²²) и предпочел взять в Персию таких же, как и он сам, драгоманов-практиков и немало мультилингвов из закавказских христиан, желавших отыскать своих близких среди пленников и рабов в Персии. С одной стороны, личный интерес усиливал успех розыска; но он же мог заставить переступить порог до-

¹⁹ Любопытно указать на возможный источник, давший подобное толкование. В свите персидского «извинительного» посольства находился бывший офицер-топограф французской армии Бартелеми Семино, долго и надежно служивший как консультант, топограф и инженер у наследного принца Аббас-Мирзы и ненавидевший англичан. В 1829 г., болтая в Тифлисе с одним из сосланных декабристов, он не только хвастал полученным российским орденом (ответный дипломатический дар участникам извинительной миссии) и российским пенсионом (цена его вербовки), но и аудиенцией у российского императора, которому он изъяснил «английский след» в тегеранской трагедии. По словам большого патриота Франции Семино, англичане ненавидели Грибоедова за его «надменность» (см.: *Гангелов А. С. Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангелова. М., 1888. С. 165–167, далее — Гангелов*).

²⁰ *Аббас-Мирза (1789–1833)* — наследный принц Персии с 1816 г.; с 1799 г. — наместник Адербиджана, с 1805 г. — Адербиджана и Карабаха, с 1833 г. — и Хорасана. Отец 26 сыновей и 22 дочерей. Автор персидской модернизации. Имел сложные отношения как с отцом и братьями, так и с европейскими дипломатами.

²¹ Таким же малочисленным было в 1839 г. и английское посольство в Персии: посол *МакНейл*, помощник и секретарь (все трое свободно владели персидским и обходились без переводчиков). См.: *Толстой В. С. Сер Джон Макнил // Русский Архив. 1874. Кн. I. С. 884. Далее — Толстой*.

²² Грибоедов — Родофиникину. Письмо от 10 июля 1828 г. // ПСС. С. 210—212.

зволненной в чужой стране активности.²³ Та же самая экономия заставляла персонал посольства жить рядом с уже отысканными пленниками,²⁴ что утомляло дипломатов, являлось поводом для пересудов²⁵ и позволяло посторонним и видеть, и слышать то, что должно было быть известно только узкому кругу.

Даже вполне демократически воспитанный и скрупулезно отмечающий свои траты К. Аделунг вышел за рамки полученного в Петербурге полугодового жалованья, чуть ли не доезжая Тифлиса (его годовой оклад — 350 голландских червонцев,²⁶ или 1120 рублей серебром, или 4144 рублей ассигнациями) и занимал деньги даже у своего начальника (письма № 17, 19); что же говорить о переводчиках консульства или штаба Корпуса, чье годовое содержание чуть превышало 2 тысячи рублей.²⁷ Видимо, вопросы экономии средств были совсем не последними при принятии решений при развертывании и передвижении миссии. Из письма № 18 мы узнаем, что петербургское начальство экономило не только на жалованьи сотрудников, но и на почтовых расходах — необходимые для работы книги отказывались принять в официальную почту. Грибоедов также считал зарплаты сотрудников недостаточными.²⁸

Для работы посольства, кроме сотрудников и денежного обеспечения, необходимы полномочные документы, оборудование, справочники и, разумеется, дипломатические подарки. Как известно из переписки Грибоедова, миссию настолько торопливо отправили из Петербурга, что своих полномочных грамот он дождался в Тифлисе только 12 июля 1828 г.²⁹ Имущество посольства и дипломатические подарки (вместе с некоторыми тяжелыми личными вещами служащих) двигались сложным сухопутно-водным путем до Астрахани, а потом, по плану

²³ Das Ausland. 1830.18.X. № 289. S. 1162—1163. Например, одного из переводчиков миссии, *Дадашева Василия* (?—1829), несколькими годами ранее удаляли из тебризского консульства по требованию персидской стороны за «конфликтное поведение» (Das Ausland. 1830. 16.XII. № 289. S. 1155).

²⁴ Грибоедов — Нессельроде. Письмо от 23 окт. 1828 г. // ПСС. С. 264—266.

²⁵ *Толстой*. С. 895.

²⁶ *Дмитриев*. С. 350.

²⁷ Годом ранее, в 1827 г., английская миссия в Персии пыталась переманить служащего у Аббас-Мирзы француза Б. Семино на должность консульского переводчика и помощника инженера с годовым жалованьем в 1200 дукатов (РО ИВР РАН, ф. 17, оп. 1, № 43, л. 17 об.), а годом позже, в 1829 г., он стал получать как российский осведомитель по 120 дукатов в год (*Балащенко Ю. Д.* К вопросу о составе искупительного посольства Хосров Мирзы в 1829 году в Россию // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов востока. М., 1986. Ч. 1. С. 105).

²⁸ Грибоедов — Паскевичу. Письмо от 12 нояб. 1828 г. // ПСС. С. 281—282.

²⁹ Грибоедов — Родофиникину. Письмо от 12 июля 1828 г. // ПСС. С. 214—215. Возможно, такая поспешность диктовалась не только начавшимся наступлением на территории европейской Турции, но и печальным опытом отложенного на будущее исполнения Гюлистанского договора 1813 г., подписанного по итогам Русско-персидской войны 1804—1813 г.

Грибоедова, в Зензели,³⁰ Ставрополь и Тифлис.³¹ По ошибке из Астрахани груз прибыл в Ленкоран и осел в глухом порту, что потребовало от посольства усилий по его розыску.³² Подарки добрались до Казвина к моменту гибели посольства и вернулись в Тебриз в апреле 1829 г.³³ Как известно, отсутствие соответствующих статусу российского посланника даров не осталось незамеченным в Тегеране.³⁴

Из писем Аделунга известно, что дипломаты уделяли много времени розыску и возвращению на родину плененных в Закавказье. Важнейшей обязанностью Грибоедова было ускорение выплаты контрибуции.³⁵ Кроме этого, согласно поручению, инспирированному академиком Френом и профессором Сенковским и высочайше одобренным, дипломатов обязывали собирать рукописи и книги по академическому списку.³⁶ И, наконец, по требованию Военного министерства, дипломаты должны были собирать разведывательную информацию.³⁷ Можно ли было исполнить все эти поручения втроем и с теми ограниченными ресурсами, которыми располагала миссия? В письме К. Аделунга № 16 говорится о большой работе продолжительностью в 4–5 месяцев, которую необходимо проделать в Тебризе; однако миссия покинула город через несколько недель по требованию петербургского начальства.

Хотя пояснения к событиям, именам и топонимам, встречающимся в письмах, приведены в комментариях, необходимо дать некоторые разъяснения, касающиеся семьи К. Ф. Аделунга и состояния русского востоковедческого образования первой четверти XIX в.

Адресатом писем является отец Карла Аделунга — Федор Павлович Аделунг, однако обращены они ко всей семье (см. Схему на с. 112); письма пересылают или переписывают для находящихся в отъезде, а также для ближнего круга друзей семьи.

Мать Карла Аделунга — Фридерика Вильгельмина Анна Мария³⁸ Раль (1778–1848) — принадлежала не к «банкирской» ветви этой известной семьи (Александр Александрович Раль — придворный банкир с 1796 по 1817 г.), а к военной. Ее отец, Христиан Фридрих (Федор Гри-

³⁰ Грибоедов — Родофиникину. Письмо от 10 июля 1828 г. // ПСС. С. 210–212.

³¹ Грибоедов — Булгарину. Письмо начала июня 1828 г. // ПСС. С. 144–145.

³² *Дмитриев*. С. 521.

³³ *Дмитриев*. С. 670.

³⁴ *Das Ausland*. 1830. 18.X. № 291. S. 1163.

³⁵ Грибоедов — Нессельроде. Письмо от 20 окт. 1828 г. // ПСС. С. 253–259.

³⁶ СПФ АРАН, ф. 1, оп. 2-1828, № 23, л. 46–50 об. Ироничная реакция Грибоедова на это поручение известна из его ответа академику Френу // ПСС. С. 145–146.

³⁷ *Кривопапов А. А.* Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019. С. 117–118.

³⁸ В прошении 1839 г. о принятии подданства Российской империи Федор Павлович назвал жену Феодорой (СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 14). Уже после смерти мужа, в 1845 г., вдова именуется Фридерикой Федоровной (ЦГИА СПб, ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 43).

горьевич) Раль, в составе армий разных стран участвовал во множестве войн и перешел в русскую службу в 1770 г. Он дослужился до звания генерал-майора артиллерии и оставил многочисленное потомство — семь сыновей (все служили в российской армии и пятеро из них приняли участие в войне 1812—1814 гг.) и пять дочерей.³⁹ С Ф. П. Аделунгом Фридерика Раль обвенчалась 20 ноября 1799 г.⁴⁰ После гибели сына Карла в Тегеране она с мужем, как и мать Грибоедова, принимала извинения от внука персидского шаха Хосров-Мирзы во время его «извинительного» посольства летом 1829 г.⁴¹

Первенец в семье Аделунгов — Фридрих Иоганн (1800 — после 1859), обучался в Петришуле (где ранее училась его мать), а затем три года (1814—1816) — в Санкт-Петербургской Губернской гимназии, после шестого (предпоследнего) класса которой поступил юнкером в 4-й Пионерный батальон. Он получил высшее специальное образование в Инженерном училище,⁴² а с 1821 г. служил в ЛГ Саперном батальоне.⁴³ Трудно удержаться от предположения, что Инженерное училище рекомендовал куратор этого заведения и бывший ученик его отца великий князь Николай Павлович. Сильное влияние на Фридриха Аделунга, подростка времен наполеоновских войн, оказали, по всей вероятности, братья его матери — недаром своего единственного сына он назвал именем дяди, Сергея Федоровича Раля, погибшего в Русско-шведскую войну 1808—1809 гг.⁴⁴ Во время декабрьского мятежа 1825 г. Саперный батальон благополучно произвел переприсягу Николаю Павловичу и более суток нес охрану императорской семьи в Зимнем дворце. Поручик Ф. Ф. Аделунг с небольшим караулом стоял у кабинета императора Николая I.⁴⁵ В апреле 1828 г. Саперный батальон через Дунайские княжества походом двинулся к Варне, после взятия которой за работы по минированию Ф. Ф. Аделунг получил повышение в чине, два ордена и ревматизм. Зимой 1828—1829 г. он лечился в Тульчине.⁴⁶ Уже в начале весны 1829 г., из-за нехватки военных инженеров, по выбору нового шефа батальона в. к. Михаила Павловича пять офицеров, и среди них и штабс-капитан Аделунг, были прикомандированы к войскам, безуспешно пытавшимся взять крепость Силистрию.⁴⁷ Там Фе-

³⁹ Ляхов Ю. Б. Род фон Ралль. С. 3. // Сайт Светланы Мрочковской-Балашовой. Эл. ресурс, дата доступа: 11 авг. 2020 г., <http://www.pushkin-book.ru/id=521.html>, далее — Ляхов.

⁴⁰ ЦГИА СПб, ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 45—46.

⁴¹ *Veilage zur Allgemeinen Zeitung*. 1830. 29.I. № 29. S. 115.

⁴² *Максимовский М. С.* Исторический очерк развития Главного Инженерного училища 1819—1869. СПб., 1869. С. 63 2-й паг.

⁴³ ЦГИА СПб, ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 11—32.

⁴⁴ Ляхов.

⁴⁵ *Волькенштейн А.* История лейб-гвардии Саперного батальона 1812—1852. СПб., 1879. С. 28—29. Далее — *Волькенштейн*.

⁴⁶ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 3, № 1, л. 25.

⁴⁷ *Волькенштейн*. С. 116.

дор Федорович за «отличное мужество и деятельность» при производстве траншейных работ был дважды награжден и получил контузию почек, после чего был переведен в штаб командующего Дибича.⁴⁸ Самое активное участие принял капитан Ф. Ф. Аделунг и в Польской кампании (подавлении Польского восстания 1830—1831 гг.), за что получил наградную полусаблю «за храбрость».⁴⁹ После 1846 г. кавалер ордена Св. Георгия IV степени (по выслуге) генерал-майор Ф. Ф. Аделунг стал инспектором Корпуса лесничих, а с 1859 г. — вице-директором Лесного департамента.⁵⁰

Старшая сестра Карла Аделунга, Александрина (1802—1872), в 1830 г. вышла замуж за Петра Ивановича Кёппена (1793—1864). Давний друг семьи Аделунгов и сотрудник в некоторых работах главы этого дома, П. И. Кёппен был журналистом, лингвистом, палеографом, географом, историком, статистиком, археологом, этнографом, адъюнктом АН, а затем и полным академиком. После свадьбы и отъезда Кёппенов к месту службы в Крым Александрина стала активным помощником мужа — она вела метеорологические и фенологические наблюдения; беременная, в 1830 г. работала в холерном карантине Симферополя.⁵¹ Никто из сыновей выдающегося ученого Федора Павловича Аделунга ученым не стал; а вот его внуки — Кёппены (как и один из сыновей Николая Федоровича Аделунга, энтомолог Николай Николаевич Аделунг) оказались незаурядно одарены в этой сфере. Федор Петрович Кёппен — член-корреспондент Императорской Академии наук (далее — ИАН), ботаник, энтомолог и библиограф. Алексей Петрович Кёппен — горный инженер-практик и разведчик недр Сахалина, пионер в теории и практике охраны труда на шахтах, успешный предприниматель и журналист, прозорливо указавший на зависимость успехов добычи сырья от развития инфраструктуры и законодательства страны. Владимир Петрович Кёппен — российско-немецкий географ и метеоролог, основатель научной климатологии (его классификацией климатов пользуются и сегодня).

Александр Федорович Аделунг (1805—1868), младший брат Карла, учился в Санкт-Петербургской Губернской гимназии в одном с ним классе⁵² и окончил ее в декабре 1822 г. Прослужив пару месяцев канце-

⁴⁸ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 3, № 1, л. 29.

⁴⁹ *Волькенштейн*. С. 169—170.

⁵⁰ Адрес-календарь или Общий штат Российской империи на 1847 г. СПб, 1847. Ч. 1/2. С. 255.

⁵¹ *Кёппен Ф. П.* Биография П. И. Кёппена // Сб. Отд-ния рус. языка и словесности ИАН. 1911. Т. 89. №5. С.152.

⁵² Список учеников С.-Петербургской Губернской Гимназии, получивших за отличное благонравие и прилежание к наукам похвальные листы // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1817. № XLIII. Ч. 1. С. 270—279. По-видимому, своих трех старших мальчиков Аделунги отдали в открытую в 1805 г. Губернскую гимназию для погружения в русскую языковую среду. Об их академических успехах есть данные только за 1816 г.: Федор (Фриц) последний

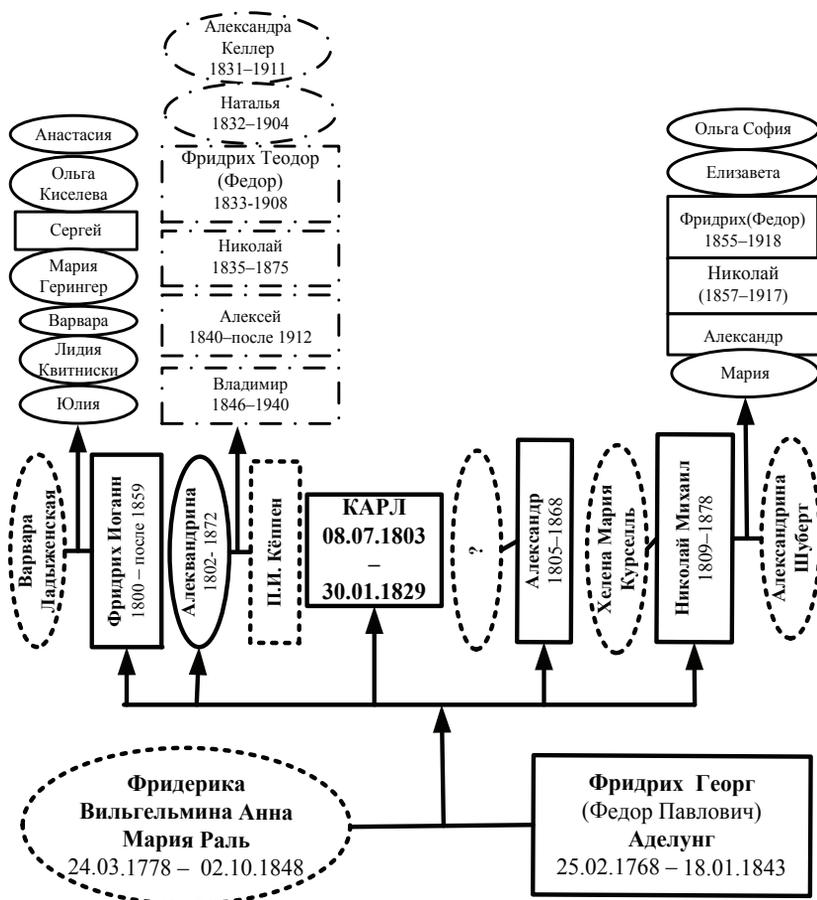

Схема родственных связей Аделунгов.

В овалах — имена женщин; в прямоугольниках — мужчин. Сплошные линии — урожденные Аделунги; пунктирные — вошедшие в семью через брак; штрих-пунктирные — внуки Кёппены.

ляристом в департаменте Путей сообщения МВД, Александр Федорович получил сходное назначение в МИД. Через полгода службы в его ведение перешла библиотека Коллегии иностранных дел, и только через 3 года он стал переводчиком в этом министерстве. Еще через 3 года, спустя несколько месяцев после гибели Карла, Александр Аделунг получил место в Вене — третьим секретарем посольства. До позиции

в рейтинге пятиклассников, Александр — 28-й из 52 третьеклассников, а Карл даже не включен в рейтинг. Возможно, эти показатели демонстрируют не особенности их развития, а являются результатом еще недостаточного освоения ими языка.

младшего секретаря посольства он добирался почти 6 лет, а генеральным консулом в Данциге был с 1849 г. до своей ранней смерти.⁵³

Самый младший, пятый ребенок в семье, Николай Михаил Аделунг (1809—1879), получил при крещении в восприемники сразу двух великих князей — Николая и Михаила Павловичей,⁵⁴ чьим преподавателем уже более 5 лет состоял его отец. Наверное, как младший, Николай Федорович был особенно любим и близок отцу. После кончины отца сын переиздал фундаментальный труд отца,⁵⁵ получивший 14-ю Демидовскую премию 1845 г., дополнив его вторым томом по заметкам отцовского архива. Николай Федорович регулярно оказывал отцу помощь в работе (по крайней мере техническую) — его рукой сделан перевод с немецкого статьи Ф. П. Аделунга «Иностранные путешественники в России» («Reisende in Russland»), предназначенный для дальнейшей работы с текстом.⁵⁶ В январе 1828 г. Николай Аделунг поступил в УОВЯ, проучился 11 месяцев и был вынужден оставить учебу из-за болезни глаз.⁵⁷ Далее Николая Федоровича ждали почти такие же перемещения в МИД, как и его брата Александра: канцелярист, переводчик, дипломатический курьер. В тридцать лет он стал служить по особым поручениям (иностранный корреспондент и литература) в департаментах Военных поселений, потом Путей сообщения, затем Военно-походной по флоту канцелярии.⁵⁸ Наконец, только в 37 лет Николай Федорович, до этого известный только как ипполог-любитель,⁵⁹ нашел место по душе и способностям: он стал секретарем будущей королевы Вюртембергской великой княгини Ольги Николаевны. В Штутгарте он создал свою семью: овдовев после недолгого первого брака в 1846 г., в 1848 г. он женился на дочери генерала Ф. Ф. Шуберта Александре Федоровне.

Отец семейства, Федор Павлович (Фридрих Георг) Аделунг (1768—1843), был племянником известного немецкого филолога, историка и библиотекаря саксонского курфюрста Иоганна Христофа Аделунга (1732—1806), который воспитывал его с 12 до 19 лет.⁶⁰ После окончания Лейпцигского университета (философия и право) Ф. П. Аделунг с ученой целью посетил Вену, Рим, Палермо, Неаполь, где работал в крупнейших библиотеках, включая Ватиканскую, занимаясь старонемецкими рукописями и книгами. В 1793 г. он побывал в Петербурге,

⁵³ ЦГИА СПб., ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 33—36 об.

⁵⁴ Там же, л. 51—52.

⁵⁵ Книга «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений Фридриха Аделунга» вышла на немецком языке и была переведена на русский в 1864 г.

⁵⁶ СПФ АРАН, ф. 89, оп. 1, № 54.

⁵⁷ РО ИРЛИ, ф. 457, № 19, л. 1.

⁵⁸ ЦГИА СПб., ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 37—42 об.

⁵⁹ РО ИРЛИ, ф. 457, № 19, л. 12—12 об.

⁶⁰ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 42.

а в 1794 г., вместе с графом Георгом Броуном (сыном рижского генерал-губернатора Ю. Ю. Броуна), почти год путешествовал по Германии и Нидерландам. В 1795 г., после присоединения герцогства Курляндского к России, стал секретарем магистрата в Митаве,⁶¹ в которой генерал-губернатором был барон П. А. Пален.

В 1797 г. Ф. П. Аделунг переехал в Петербург⁶² со своим шефом — бароном Паленом, а в 1800 г. из домашнего секретаря барона превратился в государственного служащего — он стал цензором Санкт-Петербургского немецкого театра.⁶³ В 1801 г. Федор Павлович стал одним из основателей Филармонического общества.⁶⁴ (Наверное, свою музыкальность Карл Аделунг унаследовал от отца, посещавшего музыкальные собрания барона А. А. Раля и устраивавшего благотворительные филармонические концерты в пользу бесплатной Глазной клиники В. В. Лерхе.⁶⁵) Ф. П. Аделунг был азартным коллекционером. Из своего итальянского путешествия он привез ценную коллекцию: приобретенные у него в 1804 г. 2477 листов эстампов, гравюр и акварелей XVI—XVIII вв. легли в основу музея открывающегося Харьковского университета.⁶⁶ В этом же южном путешествии стала складываться и нумизматическая коллекция Ф. П. Аделунга, часть которой была приобретена вдовствующей императрицей Марией Федоровной, а часть (после смерти ученого) — Императорским Эрмитажем.⁶⁷ Библиотека Аделунга также была знаменита (4023 печатные книги), удостоилась специальной статьи сразу после смерти ученого в 1843 г.⁶⁸ и частями вошла в состав библиотек ИАН и ИПБ. Возможно, все эти собрания отнимали значительную часть семейного бюджета — ведь все исследования, публикации и собрания Федор Павлович вел на собственный счет, а заработки его официальной службы роскошными не назвать. Наверное, именно этим можно объяснить высочайшее участие в материальных проблемах семьи Аделунга: в 1835 г. Федору Павловичу были пожалованы 10 тысяч рублей для уплаты долгов, а после его смерти

⁶¹ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 48, л. 42.

⁶² РО ИВР РАН, ф. 1, оп. 1, № 14, л. 21—22.

⁶³ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 16.

⁶⁴ *Козырева М. Г.* Придворный банкир А. Ралль // Немцы в России = Die deutschen in Russland: Петерб. немцы / Под ред. Г. И. Смагина. СПб., 1999. С. 208.

⁶⁵ ЦГИА СПб., ф. 201, оп. 1, д. 3, л. 1, 5, 11, 20, 30 об.

⁶⁶ *Титарь В. П.* К вопросу о коллекции Ф. Аделунга и «художниках», присланных В. Н. Каразиным в Харьковский университет // Сайт «Откуда родом» департамента генеалогии Харьковского частного музея городской усадьбы. Эл. ресурс, дата доступа: 11 авг. 2020 г., <http://otkudarodom.ua/ru/k-voprosu-o-kollekcii-f-adelunga-i-hudozhnikah-prislannyh-v-n-karazynym-v-harkovskiy-universitet-v-p.>

⁶⁷ *Спаский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 128—129, 139—142, 146, 168, 218. Далее — *Спаский*.

⁶⁸ *Шегрен А. И.* О книгах и рукописях Ф. П. Аделунга // С.-Петербургские ведомости. 1844. № 231 и 232.

в 1843 г. его вдове в виде исключения была назначена повышенная пенсия в 4 тысячи рублей.⁶⁹

В 1802 г. Федор Павлович стал помощником управляющего благотворительными заведениями Петербурга и проработал в императорском Человеколюбивом обществе почти 25 лет. В 1805 г. он стал помощником редактора в Комиссии составления законов. В 1803 г. Федор Павлович был принят одним из преподавателей (а с 1811 г. — наставником) младших сыновей Павла I — семилетнего Николая и пятилетнего Михаила Павловичей.⁷⁰ Ф. П. Аделунг преподавал им мифологию, античное военное дело и мораль на немецком, французском и латыни, причем в случае сложной латыни переводил первоисточник на немецкий, а затем обсуждал с учениками уже перевод.⁷¹ В 1811—1812 гг. он преподавал в Гатчине историю и археологию великой княжне Анне Павловне; на его лекциях присутствовала и вдовствующая императрица.⁷² Важно отметить, что последняя, известная своим живым интересом к образованию детей (и не только собственных), не оборвала контактов с Ф. П. Аделунгом и после окончания учения своих детей — Ф. П. Аделунг подносил императрице не только свои труды, но и сочинения своих друзей,⁷³ и некоторое время в 1812 г. официально «состоял при императрице».⁷⁴

В 1819 г., в связи с совершеннолетием своих августейших учеников, Федор Павлович получил место в Коллегии иностранных дел — экспедитором (начальник отделения) немецкого языка, а в 1824 г. возглавил созданное за год до этого УОВЯ;⁷⁵ и это было такое место службы, на котором Ф. П. Аделунг смог реализовать и свои исследовательские, и организаторские способности. Его труды были оценены начальством — в 1835 г., приняв подданство России, Федор Павлович занял пост старшего советника МИД.⁷⁶ По словам министра К. В. Нессельроде, старшие советники производили важнейшие политические и секретные дела под его личным руководством; а «их занятия требовали особенных знаний, способностей и трудов...».⁷⁷

⁶⁹ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 17 об. и 32.

⁷⁰ Там же, л. 15 об., 42.

⁷¹ *Пятниковский А. П.* Сочинение великого князя Николая Павловича о Марке Аврелии (Письмо к профессору морали Аделунгу) // Русская Старина. 1874. Т. 9. С. 252—257.

⁷² СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 42.

⁷³ Там же, № 139, л. 5.

⁷⁴ ЦГИА СПб., ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 5.

⁷⁵ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 16 об.—17; АИВР РАН, ф. 17, оп. 1, № 183, л. 1; ЦГИА СПб., ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 6 об.

⁷⁶ Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902. С. 4.

⁷⁷ *Тупицын О. М.* К вопросу о «немецком засилье» и «невежестве» в МИД России второй четверти XIX в. // Русский сборник. Исследования по истории России. /Под ред. О. Р. Айрапетова и др. М., 2009. Т. 4. С. 41. Эл. ресурс, дата доступа 11 авг. 2020 г., <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=>

Однако главными занятиями Федора Павловича были науки: лингвистика, история, источниковедение. Сравнительной лингвистикой Ф. П. Аделунг начал заниматься еще в свой первый приезд в Петербург в 1793 г., причем включился в ученые труды Екатерины II. Современные исследователи дискутируют о реальном вкладе августейшего соавтора в «Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787–1789);⁷⁸ однако современники Ф. П. Аделунга, собравшись в 1821 г. литографически издать факсимиле рукописей императрицы по этой теме, обратились к содействию Аделунга,⁷⁹ так как он трудился над частью «словаря языков народов американской и гиперборейской расы северо-западной Америки и северо-восточной Азии».⁸⁰ И хотя усилия Ф. П. Аделунга по отысканию истоков славянских языков в санскрите и конструировании единого праязыка сегодня поддерживают немного ученых, два века назад эти разыскания легли в фундамент новой науки — лингвистики. Изданные Федором Павловичем санскритские тексты, хранящиеся в Императорской ПБ, расширили источниковедческую базу европейских ученых. Ф. П. Аделунг опубликовал много работ по российской истории, в том числе востребованный и сегодня сборник описаний средневековой Руси иностранными путешественниками.⁸¹ Знаком академического признания научных трудов Ф. П. Аделунга служат звания члена-корреспондента ИАН (с 1809 г.) и почетного академика ИАН (с 1838 г.). О моральном авторитете ученого свидетельствует факт избрания 37-летнего Ф. П. Аделунга в церковный Совет Петрикирхе, членом которого он оставался до конца жизни, а в 1833 г. стал его председателем.

Потребности текущей политики (торговая и военная ориентации на восточные направления) первой четверти XIX в. требовали специалистов не только классического востоковедения, но и практического. Таких специалистов начали готовить внутри системы МИД: перешедший в 1799 г. в российское подданство из французского А. А. Фонтон, российский дипломат, написал в 1820 г. проект,⁸² а грек, профессор турецкого языка Г. М. Влангали в течение первого (1823 г.) года руководил работой Учебного отделения, куда перешли преподавать Деманж, Шармуа и Топчибашев.⁸³ Вначале в УОВЯ принимали соискателей

0ahUKewjFsaTv_vbKAhXFPZoKHcboC-UQFggbMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.iarex.ru%2Fbooks%2Fbook36.pdf&usg=AFQjCNEf6NuUWCJg4w6OoKjNTFTB2jQ76w&sig2=2QZblE6ECkGLg3EikarfjQ&bvm=bv.114195076,d.bGs&cad=rjt.

⁷⁸ *Ивинский А. Д.* Екатерина II и «Сравнительные словари всех языков и наречий» // *Русская речь.* 2016. № 5. С. 75–81.

⁷⁹ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 3, № 51, л. 1а–1а об.

⁸⁰ ОР РНБ, ф. 7, № 141.

⁸¹ *Аделунг Ф. П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864.

⁸² РО ИВР РАН, ф. 1, оп. 1, № 189, л. 9.

⁸³ Сайт МИД РФ. Раздел «Летопись дипломатической жизни МИД России в 1802–1856 гг.». Эл. ресурс, дата доступа: 11 авг. 2020 г.: <https://idd.mid.ru/letopis->

с университетским образованием (в том числе востоковедов⁸⁴), обучали арабскому, персидскому и турецкому языкам, основам дипломатической службы, географии, статистике и истории Востока (последние три предмета читали на французском). Обучение было двухгодичным, число студентов, находящихся на полном пансионе, получавших стипендию и носивших мундиры МИДа, ограничивалось шестью.⁸⁵ Отъезд Влангали к штабу действующей в Закавказье армии освободил место начальника, и в 1824 г. его занял Ф. П. Аделунг, руководивший Отделением до своей кончины в 1843 г. Все попытки Федора Павловича расширить число преподаваемых языков (включить китайский, японский и хинди) оказались неуспешными. При нем в Отделении стала комплектоваться (покупками и дарами) библиотека, включая современные деловые бумаги, а также и нумизматическое собрание; расширили круг изучаемых предметов (нумизматика, каллиграфия, итальянский, английский языки).⁸⁶ Много сил отдавал Ф. П. Аделунг подбору преподавателей (и профессоров, и их ассистентов); и если блестящего Шармуа он получил «в наследство» от закрытого на время университета, то ему на смену в 1839 г. Федор Павлович пригласил не менее даровитого педагога — араба из Египта — шейха Мухаммад-Айяд Антави, а университет смог переманить последнего только 9 лет спустя, уже после смерти Аделунга.⁸⁷ После Ф. П. Аделунга УОВЯ успешно развивалось, на его базе шла подготовка переводчиков и для Военного министерства (Военный институт иностранных языков);⁸⁸ после преобразования в 1917 г. Отделение стало более массовым институтом, включающим все основные мировые языковые направления.

Среди рабочих бумаг и писем Федора Павловича Аделунга есть незаглавленный и недатированный листок — автограф Ф. П. Аделунга с эпитафией на немецком языке,⁸⁹ переведенной Владимиром Корневым следующим образом:

Заботой, советом и делом, неиссякаемой добротой
Ты всегда был готов помочь, и где мог — помогал с удовольствием.
Ты набожен был, светел и с христианской совестью,
Благодарен, предан и жизнерадостен пред лицом Господа.
Образ твоей любви, ее верность и неустанное стремление
навек будут жить в наших сердцах — так же, как и чувство скорби.

diplomaticeskoj-sluzby/-/asset_publisher/5H3VC9AbCsvL/content/ministerstvo-inostrannyh-del-rossii-v-1802-1856-gg-?inheritRedirect=false.

⁸⁴ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 6, № 91.

⁸⁵ РО ИВР РАН, ф. 17, оп. 1, № 183, л. 6 об.—7.

⁸⁶ Там же, № 184, л. 76—77.

⁸⁷ *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879. С. 133.

⁸⁸ *Певцов М. Г.* Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и их воспитанники. СПб, 1902. 34 с.

⁸⁹ СПФ АРАН, ф. 89, оп. 1, № 153.

Мы полагаем, что эти строки посвящены Карлу Федоровичу Аделунгу, чей образ, возникающий при чтении «Писем из Персии», легко совмещается со строками эпитафии.

В полный перевод писем К. Аделунга включены (в фигурных скобках) опубликованные в 1946 г. отрывки, при этом наши исправления выделены жирным шрифтом, а ошибки этого более раннего перевода вынесены в сноски. Слова, написанные К. Аделунгом по-русски, и русские, транскрибированные латиницей, заключены в угловые скобки. При переводе максимально сохранялось авторское оформление писем; лишь для структурирования текста использовались абзацы, которыми К. Аделунг пренебрегал — по-видимому, для экономии места. В комментариях ссылки на общедоступные энциклопедии, справочники и указатели⁹⁰ не приведены. Также не поясняли имена и названия, для которых это уже исчерпывающе сделали ранее другие исследователи.⁹¹ В письмах названия переименованных, или ныне не существующих, или написанных Аделунгом с ошибками топонимов приведены согласно картографической традиции первой трети XIX в.,⁹² но *ер* и *десятеричное* и не использовались. Даты указаны по юлианскому календарю.

Письма из Персии. 1828.

№ 1.¹ Новгород 6 июня 1828.

Всего несколько слов — пока запрягают. Мы прибыли в восемь вечера благополучно. Уехали полвторого ночи — Мальцов² так торопился, что я не смог посетить Софийский собор. Я полюбовался только прекрасным видом на него с моста. Пожалуйста, успокой маму — я здоров и бодр, и радостно иду навстречу цели. Самое трудное преодолено, и перспектива открывается прекрасная. В пятницу³ надеемся быть в Москве, где задержимся на 2 дня. Отовсюду буду писать, но не рассчитывайте, что будет надежная оказия. Все дело случая. Если Александрина⁴ получит это письмо, то пусть она от моего имени передаст привет семейству Коцебу.⁵ А я действительно на пути в Персию, и чем далее, тем больше я мыслями в Петербурге и в Ревеле. Всем приветы. КА.

⁹⁰ Включая «Поколенные росписи и другие генеалогические материалы из собрания Эрика Амбургера, относящиеся к выходцам из-за границы и их российским потомкам» и «Петербургский некрополь» (*Саитов В. И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912—1913. Т. 1—4).

⁹¹ См.: *Тархова* и *ПСС*.

⁹² *Хатов А. И.* Кавказ: Генеральная карта земель... : СПб., 1819; *Броневский С. М.* Кавказ: Карта Кавказских земель с частью Великой Армении. СПб., 1823; *Ховен фон дер.* Кавказский край. Тифлис, 1838; *Колоколов П. Ф.* Кавказ: Карта российских владений. СПб., 1836; *Зубов П. П.* Картина Кавказского края... СПб., 1834. Ч. 1. С. 110—138. Далее — *Зубов*.

¹ Письмо адресовано: <Его превосходительству Федору Павловичу Аделунгу. В С. Петербург у Семеновского моста в доме Шмидта № 123>. К. Аделунг ошибся: верное написание имени домовладельца — Шмит; это угловой дом Апраксина переулка и Фонтанки.

² *Мальцов Иван Сергеевич* (1807—1880) был первым секретарем посольства Грибоедова. После окончания Университетского благородного пансиона в Москве он поступил на службу в Коллегию иностранных дел, в ее Московские архивы. Уцелел при разгроме посольства в Тегеране 30 янв. 1829 г.; через полгода двадцатидвухлетний Мальцов стал консулом в Тебризе и сделал успешную дипломатическую карьеру. Но не только: унаследовав фамильные стекольные предприятия и капиталы, он многократно их приумножил, вводя технические новшества и расширяя спектр производств (текстильное, металлургическое), делая ставку на массовые изделия низкой себестоимости. Свое состояние завещал племяннику Ю. С. Нечаеву-Мальцову, капиталы которого положили начало музею им. Пушкина в Москве (см.: *Пак Н. Т.* Мальцовы // Сайт Гусь-Хрустальный. Эл. ресурс, дата доступа: 11 авг. 2020 г., https://gunotes.narod.ru/people/text_1_1.html).

³ 8 июня 1828 г.

⁴ Старшая сестра Карла в это время жила в Ревеле.

⁵ У драматурга и писателя *Августа Коцебу* (1777—1819) от трех его браков было 17 детей. После убийства в 1819 г. в зарубежной командировке отца семейства воспитание его детей происходило на казенный счет. В 1828 г. в Ревеле жили: вдова с младшим сыном, ее незамужние падчерицы и бывал недавно женившийся 41-летний капитан 1-го ранга *Коцебу Оттон (Антон Евстафьевич)* (1787—1846). На Кавказе служил: 39-летний полковник Мориц (Маврикий Евстафьевич), 29-летний офицер Нижегородского драгунского полка Август-Юлий, 27-летний поручик Пауль (Павел Евстафьевич) и в гражданской службе 20-летний Фридрих. В Санкт-Петербурге служил в Азиатском департаменте МИД 24-летний Карл и учились 19-летний Георг (Егор), 16-летний Вильгельм (Василий) и 14-летний Александр. Очевидно, знакомство Ф. П. Аделунга с драматургом А. Коцебу произошло в 1801 г. в Санкт-Петербурге, когда Ф. П. Аделунг получил место цензора Санкт-Петербургского немецкого театра, где высочайшим приказом с июля 1800 г. директорствовал А. Коцебу (*Коцебу А.* Достопамятный год моей жизни. М., 2001. С. 222). Впрочем, их знакомство могло произойти и до этого: после возвращения из сибирской ссылки в Санкт-Петербург А. Коцебу регулярно бывал в доме шефа Ф. П. Аделунга — барона Палена (*Коцебу, фон А.* История заговора, который 11-го марта 1801 года лишил императора Павла престола и жизни. СПб., 1900. С. 6).

№ 2.¹ Тверь 8 июня 1828.

Я держу слово и пишу часто. У меня проблема с чернилами и перьями. Моя шкатулка так уложена, что ее трудно доставать. Путешествие пока складывается хорошо. Коляска удобна, и я совершенно здоров и постоянно голоден. Все идет хорошо, и если Богу будет угодно, то завтра утром будем в Москве. Всем приветы. К.

¹ Письмо адресовано: <Его превосходительству Федору Павловичу Аделунгу. В С. Петербург. Отдать в Почтамт>.

{№ 3. Москва 10 июня 1828 г.}

Со вчерашнего полудня мы уже в Москве, и только завтра я отнесу это письмо на почту, так как уже поздно, а по воскресеньям почта не ходит. Я не уверен, дошли ли мои записки из Новгорода и Твери, ведь их я оставлял на постоялых дворах, где за чаевые обещали их отправить. Наше путешествие было благополучно.

В Новгород прибыли вечером около восьми. Мы проехали мимо Софийского собора, и я его не заметил, т. к. Мальцов очень спешил, а остановились мы далеко от собора. Так что мое желание рассмотреть ворота церкви и остальное, самое примечательное, осталось неудовлетворенным. Мы оставались здесь ровно столько, чтобы выпить чая.

О городах <Крестцы>, Валдае, <Вышнем Волочке> и Торжке говорить нечего. Может, там и есть достопримечательности, но при такой спешке эти города не являют ничего, кроме деревянных домов. И только порой какое-нибудь каменное разваливающееся здание отличает их от бедной деревеньки. В Вышнем Волочке я хотел посетить церковный двор, однако не удалось — он расположен слишком далеко от почтовой станции.

В Твери мы обедали в пятницу в гостинице «Милан», и на десерт, кроме хороших пирогов, была такая гроза, какой я не видывал: молнии и удары грома шли одновременно, но мы не испугались и пустились в путь. В городе мне запомнилось только большое количество старых церквей, которые я не смог хорошо разглядеть из-за сильного дождя — видно было только вблизи.

До Валдая дорога была приличной. Она примерно такая же, как Царскосельская; но от последнего перед Клином города¹ она становится песчаной, так что мы некоторые станции проезжали за 5 часов.² Только в деревнях, через которые мы двигались, встречается мощение или настилы из деревянного бруса. Я не представлял, что дорога в Москву так неудобна. Некоторые красивые виды на Валдае с моста через Волхов очаровательны, а все остальные — или банальны, или представляют собой просторы, поросшие кустарником.

О Петровском дворце³ мне нечего сказать, кроме его странного стиля, но смотрится он приятно и мило. От него видно огромную Москву с золотыми куполами. Я едва успел переодеться, как снова пустился в путь, чтобы доставить несколько писем.

Сначала я пошел к Бильротам;⁴ когда я вошел, мне навстречу вышел его старший сын, которого я принял за отца — он высокий, статный. Когда вышел сам Бильрот, то мы друг друга не узнали. Можешь представить, что из-за худобы и бледности он неузнаваем; он не жалуется больше на здоровье и думает, что он поправится. По его словам, здесь дела идут очень плохо, и с оловянными солдатами совсем плохо. Он несколько разочарован тем, что ты не пишешь ему, но постепенно он так разговорился, что велел подать бокал вина, а после и кофе. Я вынужден был обещать прийти еще раз.

Гарткнохов⁵ я довольно долго разыскивал, т. к. он до сих пор не имеет квартиры в Воспитательном доме,⁶ и дома я их не застал, и сегодня утром вновь не застал. Они уехали с семьей Голицыных за город и приедут после обеда. Я повторю попытку. Остальные письма я не доставил, так как вчера вечером думал попить чаю у Гарткнохов и не брал писем с собой.

Я вернулся через Кремль на Девичье поле, и это солидная прогулка. И хотя мне всё казалось ново, все же я узнавал места благодаря виденным изображениям и осмотрел кое-что. Все великолепно и роскошно, на всех улицах дворцы, каких мало увидишь в Петербурге. Я думаю, нет ни одного места в городе, где не стоит хотя бы одна церковь. Я уже совершил несколько дальних прогулок и все искал место, где нет креста, но это мне не удалось. Из наших комнат в доме Мальцова⁷ открывается вид на Девичье поле, на Воробьевы горы,⁸ которые, кстати, всего лишь холмы.

{Я только что возвратился с очень большой прогулки, я разыскивал дом Грибоедова,⁹ в котором живет его мать,¹⁰ и ради этого сделал большой крюк. Я очень обрадовался, найдя там его самого; он только что приехал и завтра уезжает опять;} поскольку Мальцова нет сейчас дома, я окончу письмо сегодня вечером, когда он решит об отъезде и все будет согласовано.

Наше путешествие начнется после трапезы; пока я отдал только одно письмо — Бильроту. Я не знаю, как я поступлю с остальными, вероятно, они останутся недоставленными.

После того, как я дважды напрасно побывал у Гарткнохов, вчера вечером я застал их; они были так добры, что предложили мне прогуляться в Нескучный сад,¹¹ и я с удовольствием согласился. Это очаровательное место, подобного я не видал: замечательная природа, великолепный вид на город и прекрасные окрестности; все доставило мне наслаждение; после двух очень утомительных дней я отдохнул полностью.

{Я должен сократить письмо, т. к. хотел бы написать Александрине, потом надо идти на почту, к Грибоедову, а к часу дня на обед к Гарткноху. Если бы было больше времени, я мог бы написать еще о многом; но, к сожалению, я должен очень торопиться. Только что условились, что я расстанусь с Мальцовым в Калуге и встречу с ним в Орле¹².} Он даст мне на это время свою коляску и слугу, поскольку, по его словам, он предпочитает коляску в имение не брать.

Как печально, что давно нет о вас известий, я не могу устроить получение писем ваших в дороге — пишите мне прямо в Тифлис.¹³ Я очень прошу, чтобы письма ваши встретили меня там; после получения этого письма пишите туда — на адрес фрау Коцебу¹⁴ для Александра. Господь вас храни. КА.

¹ Последний перед Клином город — Тверь; очевидно, благоприятное впечатление на К. Аделунга произвело старинное (середины XVI в.) село Завидово, последняя станция перед Клином.

² Расстояние между почтовыми станциями — 17–30 верст; то есть секретари персидской миссии, при сильной спешке, летом в дождь делали только по 5–6 верст в час по песчаной дороге. Вопрос передвижения на почтовых и курьерских в эти годы подробно разобрал Набоков (*Набоков*. С. 201 и 509): зимой в санях дистанцию Петербург — Москва (примерно 780 км) императоры делали со следующими средними скоростями: Петр I — около 16,3 км/ч; Александр I — около 18,6 км/ч, а Николай I — около 20,6 км/ч. Пушкин, отправленный в южную ссылку, в мае 1820 г. проезжал в день около 140 км. В февр. 1817 г. фельдъегерь двигался по маршруту Петербург — Тифлис со средней скоростью 200 км в день, а Аделунг с Мальцовым — летом 1828 г. по этому же маршруту делали по 130 км в день.

³ Одна из достопримечательностей Москвы XIX в. — Петровский путевой императорский дворец; его запомнила и Татьяна Ларина при проезде через город зимой 1822 г. Наблюдательный К. Аделунг не зря отметил «странность» путевого дворца, построенного М. Ф. Казаковым по желанию Екатерины II: своим обликом, по мнению Рахматулина (*Рахматулин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы*. М., 2009. С. 520–525. Далее — *Рахматулин*), он воплощает «Первый Рим в Третьем».

⁴ *Бильрот Фридрих (Федор Федорович)* (1764–1840), чиновник Горного департамента МВД.

⁵ *Гарткнох Карл Эдуард* (1775–1839) родился в Риге в семье издателя и книгопродавца Иоганна Фридриха Гарткноха. В Вене был учеником знаменитого музыканта Я. Н. Гуммеля (1778–1837); концертировал и преподавал в Лейпциге и Веймаре; в 1825 г. — в Санкт-Петербурге; с 1827 г. преподавал в Московском воспитательном доме, готовя домашних учителей музыки (см.: *Красуский В. Краткий исторический очерк Императорского московского Воспитательного дома*. М., 1878. С. 18).

⁶ Первое (1764 г.) в России государственное учреждение для ухода и первоначального воспитания незаконнорожденных и оставшихся без попечения детей. Концепт учреждения принадлежал М. В. Ломоносову; разработал планы и долгие годы руководил Домом И. И. Бецкой. Здание Дома (архитектор К. И. Бланк) сохранилось при пожаре 1812 г. (*Рахматулин*. С. 164).

⁷ В доме Ивана Акимовича Мальцова (Малая Якиманка, № 596) остановились секретари персидского посольства. В этом доме в семье дяди после смерти своего отца жил с 1823 г. И. С. Мальцов.

⁸ Одно из узловых мест московской истории. Начатое по проекту А. Витберга в 1817 г. строительство храма Христа Спасителя на Воробьевых горах было остановлено в 1827 г. и возобновилось 10 лет спустя (уже по проекту К. Тона) на Волхонке. В 1828–1838 гг. в бывших рабочих бараках располагалась пересыльная тюрьма, в которой творил свой подвиг доктор Гааз. Архитектурной отметкой места во время приезда в Москву К. Аделунга, кроме тюрьмы, искусственных террас и фундаментов неосуществленного храма, был Васильевский замок, принадлежащий кн. Юсуповым (*Рахматулин*. С. 371–375, 391, 407).

⁹ Двухэтажный дом № 20 в Хамовниках, примерно в 5 км к северу от дома И. А. Мальцова, был построен после пожара 1812 г. на месте дома, где родился А. С. Грибоедов в 1890 или 1895 г.

¹⁰ *Грибоедова Анастасия Федоровна* (1768–1839).

¹¹ В начале XIX в. территория Нескучного сада за Калужской заставой принадлежала кн. Трубецкому; общественный сад был организован после покупки

усадьбы дворцовым ведомством в 1826 г. Ныне сад является частью парка им. Горького.

¹² В переводе 1946 г.: Орше.

¹³ Тифлис (совр. Тбилиси) — грузинский город V в., с XI в. — столица Грузии, неоднократно разоренный монголами, персами и турками. Столицей объединенных Картли-Кахетии стал в 1762 г.; с 1783 г. — под протекторатом России. С этого времени — место дислокации командующего отдельным Кавказским корпусом. В 1795 г. разорен персами; около 15 тысяч жителей города и окрестностей были уведены в рабство.

¹⁴ *Коцебу Елена Романовна* (1804—1877), дочь Тифлисского гражданского губернатора генерала Р. И. Ховена, жена М. Е. Коцебу. Грибоедов в 1821 г. сожалеет о ее браке (ПСС. С. 143).

{№ 4. Калуга 12 июня 1828. Вечер, 9 часов.}

Только сейчас принялся за письмо, хотя с 5 часов я на месте. Мы остались ночевать на почтовой станции, т. к. в коляске ремни передних рессор порвались, и их только к утру починят. Мальцов час назад уехал в имение своего дяди¹ и оставил мне коляску и двух слуг. Сам он поедет в кибитке, я завтра еду в Орел — 180 верст отсюда — и буду ждать его там, а потом, в полдень пятницы,² мы поедем через Курск, Новочеркасск и Ставрополь во Владикавказ.

Я немного осмотрел город, но ничего не нашел занимательного, кроме короткого <тулупчика>, который мне пригодится для ночного сна. До сих пор я очень мерз. Вечерний чай с ромом и ночью, иногда немножко мадеры, которые греют хорошо, но недолго. Теперь будет по-другому. Я озадачился из-за писем господам в Москве, потому что я рассудил, что они могли содержать что-то, что касалось не только меня; поэтому я попросил одного воспитанника Университетского благородного пансиона³ (которому я передал два письма от его брата), доставить эти оставшиеся неврученными письма, что он мне и обещал сделать в тот же вечер. Может, это было неправильно, но как иначе?

Вчера, как я уже писал, я обедал у Гарткнохов; жена чувствовала себя нехорошо, и я ее не видел в этот раз. Я не могу не повторить тебе, как дружелюбен и любезен был он сам. После неприятных двух дней, когда я чувствовал себя одиноким и покинутым, я пообещал на обратном пути посетить его. И он также передал вам всем свои приветы. С Бильротом я больше не встречался: отъезд был слишком внезапен.

{Вчера,⁴ **после визита к Грибоедову**, в 8 вечера, мы выехали из Москвы⁵; в Ставрополе мы опять встретимся с ним; не могу передать, как я этому рад; чем ближе я его узнаю, тем больше я его ценю и люблю. Я встретил у него Петрозилиуса, который просил меня передать тебе его почтение, хотя он и не знаком с тобой лично; он и Грибоедов не находили слов для похвал тебе; дело дошло до того, что Петрозилиус воскликнул: «Все, что зовется Аделунг, велико и станет знаменитым».} Он был столь сердечен, что обнял и расцеловал меня.

Путь из Москвы сюда великолепен. Все вперед, вниз и вверх. Великолепные хлебные поля, пестрые луга — таких красивых я не видал, роскошные березовые и дубовые рощи; ах! Все так красиво, и всем я мог наслаждаться только наполовину: я все время один; Мальцов это не ощущает, каким бы добрым и приятным он ни был в остальном.

Еще в Москве мы попробовали земляники, и уже через несколько станций за 15 копеек медью получили миску с горкой крупных и отборных ягод. Их хватило и нам, и трем слугам. Мы приготовили их с сахаром и сметаной, как ты это делал в Павловске. Я должен сказать, что это не совсем удалось — не так, как было с тобой в маленькой комнате в крепости.⁶

У меня нет времени писать Александрине — поздно, я устал, хочу отдохнуть; ты ведь пересылаешь все мои письма в Ревель? Если попадут в руки доброй Александрины, то передавай сердечный поцелуй ей и маме. Я чувствую себя хорошо и радуюсь моменту, когда снова увижу Грибоедова. Сестра будет так добра, что передаст привет от меня семейству Коцебу, и особенно Ене.⁷

Если с почтой в Орле повезет, то я снова напишу; это письмо уйдет завтра. Я буду писать так часто, как смогу. И очень прошу, придерживайтесь тех 14 дней, через которые я буду ожидать ваших писем в Тифлисе. Если вы писали уже, и это будет происходить не слишком редко, то шлите их в Департамент⁸ — Александр⁹ знает, что делать с ними. Фрицу Коцебу¹⁰ я написал из Москвы пару строк для того, чтобы сообщить ему о моем прибытии. Как я радуюсь встрече с ним! Желаю благополучия, и помните обо мне. КА.

¹ Дядя И. С. Мальцова — *Мальцов Иван Акимович* (1774—1853) — наследник и владелец Гусевского хрустального завода, принадлежал к первому дворянскому поколению купеческой семьи. Он основал несколько стекольных и сахарных заводов и, купив производство у Демидовых, положил основу успешному металлургическому бизнесу. Был женат на разведенной жене Василия Львовича Пушкина; литературный салон в их московском доме посещали Пушкин и Грибоедов. Дятьково (имение и хрустальный завод в Брянской области) расположено в 180 км от Орла и 210 км от Калуги.

² 15 июня 1828 г.

³ Одно из старейших государственных средних учебных заведений России, его предшественница — гимназия — была основана одновременно с Московским университетом в 1755 г. Пансион был закрыт в 1830 г., после критики его порядков Николаем I.

⁴ 11 июня 1828 г.

⁵ В переводе 1946 г.: где задержались у Грибоедова.

⁶ Крепость Бип (Мариенталь), построена в Павловске в 1797 г. по проекту В. Ф. Бренны по приказу Павла I как подарок императрице Марии Федоровне. В крепости размещалась первая в России школа для глухих детей, основанная императрицей. В Павловск ежегодно выезжал на дачу Ф. П. Аделунг с детьми, а потом и с внуками (СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 35, л. 3).

⁷ Возможно, Еня — домашнее имя второй из доживших до взрослости дочерей драматурга Коцебу — *Элизаветы Эмили Коцебу* (1797—1866).

⁸ Департамент Коллегии иностранных дел, где в это время служили братья Карл и Александр Аделунги. Департамент пересылал письма дипломатам, но отсылал в пересылке посылки (см. письмо № 18).

⁹ Александр Федорович Аделунг.

¹⁰ *Коцебу Фридрих Вильгельм* (1808—1880) — седьмой сын драматурга Августа Коцебу (третий ребенок от третьего брака), в 1826 г. окончил Царскосельский благородный пансион с 3-й серебряной медалью, в это время — чиновник по особым поручениям гражданского губернатора Тифлиса; всю жизнь служил на Кавказе, в конце службы — действительный статский советник, управляющий почт на Кавказе.

{№ 5. Орел 15 июня 1828. 10 часов утра.}

Хотя почта отсюда уйдет только в понедельник, я использую свое пребывание здесь, чтобы сообщить о себе, так как в Курске, возможно, это уже не получится — может быть, мы там не будем останавливаться. Вместо 6 часов утра среды, тринадцатого, я отправился из Калуги только после обеда, в 5 часов. Ремни рессор подоспели слишком поздно. Скрасила мне все утро до обеда Юлия Руссо,¹ так что город я видел мало и не смог найти в нем ничего привлекательного.

Гостиный двор красив и просторен; он представляет собой четырехугольник с 10 павильонами внутри. Весь из камня и напоминает очень Шуйкин двор.² Только в Калуге все чище и красивее.

С моим <тулупом> мне не очень повезло: когда я вернулся с ним на почтовую станцию, оказалось, что он совершенно изъеден молью, так что он не годен. Когда я снова на следующий день пошел в лавку, она была закрыта — меня провели.

Здесь, в Орле, я попытаюсь во второй раз излечиться³ — путь из Калуги сюда довольно хорош и проходит через прелестную местность: <Ока> петляет так красиво по долинам и выглядит замечательно — река показывается 7—8 раз вблизи дороги.

В Белёве, куда я прибыл утром, мне показали дом, в котором умерла императрица Елизавета Алексеевна.⁴ Как известно, это богадельня, а комната, где она умерла, — часовня. Как Белёв, так и Калуга расположены живописно на берегах Оки (я думаю); во всех городах, что лежат за Москвой, церковей больше, чем домов, и большей частью это старинные здания в особом стиле.

{Я ожидаю Мальцова здесь, в Орле, к 4 часам дня;⁵ мы поедем вместе без остановок до Ставрополя, откуда отправляемся дальше с Грибоедовым. Я окончу мое письмо, когда мы будем готовы к отъезду.⁶}

Позднее. Уже 6 часов, а Мальцова нет. Так как мы можем выехать ночью, я должен отнести письмо на почту. От проезжающих принимают почту в любое время. Сердечный привет Александру, Николаю,⁷ Мэтью⁸ и Коцебу, а также Костаки⁹ от КА.

Где только можно будет, я напишу.

¹ Роман в письмах Ж. Ж. Руссо «Юлия, или новая Элоиза» написан в 1757–1760 гг.; по мнению В. В. Набокова, некоторыми поворотами сюжета он напоминает еще не завершённый в 1828 г. «Евгений Онегин» (Набоков. С. 296–297).

² Существующий и ныне в Санкт-Петербурге торговый комплекс Апраксин двор (строение второй половины XIX в.) до 1833 г. представлял собой два соседствующих благоустроенных рынка — Апраксин и Шукин.

³ К. Аделунга укачивало на разбитых дорогах.

⁴ Супруга Александра I императрица Елизавета Алексеевна после смерти мужа 19 нояб. 1825 г. в Таганроге (где она проходила климатолечение) отправилась в Москву, но скончалась по дороге, в Белёве 4 мая 1826 г.

⁵ В переводе 1946 г.: около 4 часов дня.

⁶ В переводе 1946 г.: Я оканчиваю свое письмо, так как мы собираемся выезжать.

⁷ Н. Ф. Аделунг, в это время — студент УОВЯ.

⁸ Возможно, М. М. Андерсону. Андерсоны — одна из известнейших британских семей Петербурга, как по длительности проживания (более века в городе рождались, жили и трудились 5 поколений), так по широте и объёму коммерческой деятельности (экспортно-импортные операции, кожевенное, текстильное и маргариновое предприятия — см.: *Барышников М. Н.* Иностранцы во внешней торговле царской России (институциональное пространство деятельности) // Проблемы современной экономики. 2004. № 3.). По возрасту к К. Аделунгу был наиболее близок третий сын купца 1-й гильдии Мэтью Андерсона — *Матвей Матвеевич* (1798–1877). В это время семья Андерсонов занималась отзывом своего опрочметчиво поданного в 1825 г. прошения о вступлении в российское подданство (ЦГИА СПб., ф. 254, оп. 1, № 2979, л. 2–6). Благодаря этому сохранилось паспортное описание внешности Мэтью-младшего: «...рост средний, волосы, брови — белокурые, глаза голубые, нос прямой, рот средний, подбородок круглый, лицо продолговатое».

⁹ *Ламброс Костаки* — сын грека с о. Крит Димитроса Ламброса. Вместе с матерью бежал в 1822 г. из турецкого рабства в Одессу, лечился и воспитывался несколько лет в семье Ф. П. Аделунга (Письмо П. Г. Ободовского графу Каподистрия от 24 декабря 1828 г. // Русская Старина. 1903. Т. 116, кн. 11. С. 359–361). К. Ламброс учился на средства императрицы Александры Федоровны в 3-й Санкт-Петербургской гимназии, которую окончил вторым в выпуске 1833 г. Ф. П. Аделунг организовал в Санкт-Петербурге подписку на выкуп из рабства его братьев. К. Ламброс стал переводчиком с персидского.

{№ 6.1 Станция Кагальницкая (вторая после города Аксай на Дону), в 200 верстах от Ставрополя.²

Утро 1/2 8.

Я очень боюсь, что вы беспокоитесь обо мне, так как я очень долго не писал; но после Орла мы проезжали через немногие города и все время ночью; к тому же мы боялись, что Грибоедов уже ожидает нас в Ставрополе, и поэтому скакали во всю мочь. Я **хочу**³ написать вам из Ставрополя, где мы будем, во всей вероятности, завтра вечером, но Тифлисская почта⁴ уходит в Петербург рано утром, и притом один раз в неделю. Здешний почтмейстер обещает мне передать это письмо первому **же** почтальону; посмотрим, выйдет ли из этого что-нибудь. Кагальницкая — первая станция после скрещения большого Харьковского

и Воронежского трактов; мы узнали здесь, что Грибоедов еще не проехал, очень обрадовались этому, так как нам не надо будет спешить.} Сообщение о нашем путешествии из Орла я пошлю вам, если будет побольше времени (я думаю, не ранее чем из Тифлиса), поэтому не беспокойтесь, если не напишу до Тифлиса. Все идет как хотелось. Мы едем очень быстро и со всеми удобствами, и я чувствую себя хорошо. Сердечный привет в Ревель через Александрина всем Коцебу. Я напишу ей не прежде Тифлиса. Готовность письма зависит от того, где я пишу. Мухи здесь на всех станциях ужасно бесцеремонные. Прощайте по крайней мере на восемь, а может быть, и на 14 дней. Мама пусть не беспокоится — иначе невозможно. Прощайте, приветы братьям, Мэтью, Коцебу, Костаки и маленькому Александру.

¹ Письмо адресовано: <Его превосходительству Федору Павловичу Аделунгу. В С. Петербург. Отдать в Почтамт>.

² Расстояние между Кагальницкой и Ставрополем составляет почти 300 км.

³ В переводе 1946 г.: хотел.

⁴ Регулярное почтовое сообщение Москва — Тифлис учреждено в нояб. 1826 г.

№ 7. Ставрополь, 24 июня 1828. Утро.

С одной станции, название которой я позабыл,¹ и со второй (местечко Аксай на Дону²) я написал несколько строчек в Петербург, чтобы дать знать о себе после длительного промежутка. Но сейчас я не знаю, будет ли доставлено вовремя это письмо. За чаевые я передал его смотрителю, который обещал его отправить с экстренной почтой в Тифлис; мне придется долго ждать сообщения от вас. Очень мучительно не иметь никаких известий от вас; вот уже скоро 3 недели, как я вас покинул, и за это время чего только не могло произойти. Бог даст, по прибытии в Тифлис я что-нибудь получу от вас.

Как я обещал, сообщаю более подробно о путешествии из Орла. Мальцов прибыл в тот же вечер, когда я писал. После чаю и перемены лошадей мы около полуночи поехали дальше. На следующий вечер случилась небольшая неприятность: на второй станции перед Курском³ я с сожалением заметил, что пропал мой лорнет — его долго искали, но найти не смогли. После длительных поисков я решил остаться в экипаже и послать ямщика на предыдущую станцию для поиска там. Нужно было проехать 32 версты туда и обратно. Один из них взял эту заботу на себя и отправился. Мальцов с коляской и двумя слугами поехал дальше. Я пообедал или, скорее, поужинал; прошло 3,5 часа после отъезда моего курьера, и около 8 вечера я все еще сидел <нрзб 1 слово>.

К счастью, я не напрасно задержался; около девяти вечера заметил посланного курьера, и я обрадовался, когда он из своего сапога вынул лорнет; я с удовольствием отдал ему обещанные деньги, т. к. я очень жалел о потере. Теперь необходимо догнать Мальцова. Между тем у не-

го было много времени, чтоб уехать далеко, и я спешил как мог. Слова в <подорожной «по Высочайшему повелению»> возымели свое действие, так что я дважды получал курьерских лошадей. В Курске, куда я приехал в полночь, лошадей не оказалось; полицмейстер приказал оставить 30 лошадей для генерала Клейнмихеля.⁴ Я спросил смотрителя, кому он хочет подчиняться — полицмейстеру или императору, и он не отвечал ничего, но через 5 минут меня уже везла чудесная курьерская тройка.

На другое утро, около 12 часов, я нагнал своего товарища и был очень рад покинуть кибитку. Мальцов, для того чтобы избежать перекладывания чемоданов, купил в Москве большую кибитку, и именно она меня почти что довела до болезни: путь, который я проехал в ней по тракту — ничего страшного, но я едва мог перенести ужасное курское уличное мошение, по сравнению с которым петербургское — настоящее шоссе. Город при этом такой пыльный из конца в конец. Уже от Москвы дорога идет все время хлебными полями, и чем ближе к Орлу, тем их более. Но деревни становятся все более бедными, дома просто печальны и убоги, хотя это и не хижины, крытые соломой.

Нетронутая природа почти не встречается, и дорога непрерывно ведет то вверх, то вниз, но везде без растительности: только хлебные поля. Это хорошо, но для путешествующего мало удовольствия. Я очень обрадовался, когда увидел в одной деревне птицу — очень красивую сизоворонку,⁵ и она была настолько непуганой, что мы проехали очень близко, но она не улетела.

{В воскресенье, 17-го, около 5 час утра мы прибыли в Харьков и, **умывшись, побрившись и напившись чаю, немного осмотрелись в городе.**⁶ Я очень хотел навестить мать Кёппена,⁷ но было слишком рано, а мы должны были спешить, чтобы не заставить Грибоедова ожидать нас в Ставрополе.}

Замечательными зданиями Харьков не богат: здание университета старо и незначительно; только обсерватория красивая и новая. Как и повсюду, я интересовался в лавках восточными монетами; но получил, как и везде, ответ, что ничего такого нет.

После этого города пошли степи, и тянутся они до Ставрополя. Города, которых здесь немного, не заслуживают этого названия. Бахмут и Славянск, без преувеличения, еще более бедные, убогие и грязные, чем любая деревня петербургских окрестностей. В Бахмуте, например, нет даже улиц; все тут стоит вперемешку с крытыми соломой глиняными мазанками без труб, и в нем буквально не получить и хлеба. Это производит впечатление трагическое; вообще я имел совершенно другое представление о России — такого жалкого зрелища я не мог бы себе представить, особенно на центральной дороге. Я не мог не удивляться этому, и особенно тому, что я никогда об этом не слышал.

И какими бы в целом скучными степи ни были, все же местами можно видеть приятное изобилие и роскошное цветение. Это были но-

вые для меня растения; и даже знакомые выглядят здесь совершенно иначе — здесь все крупнее и красивее. Многообразие и количество насекомых трудно представить себе; слышишь постоянно жужжание и стрекот, и хочется собрать их для коллекции. Большая часть степей покрыта благоухающими травами: мята и прочее. Вечерами было так хорошо вдыхать ароматный воздух. Среди дикорастущих цветов я приметил, в частности, желтые и розовато-красные плетистые розы; маленькие бледно-красные пахучие вьюнки, растущие вдоль дорог; в большом количестве цветы, растущие в Павловске на террасах неподалеку от дворца, — их листья снизу зеленые, а сверху более красноватые или голубоватые⁸ — и их так много. Пока запрягали лошадей, я ходил в степь и остался бы там подольше, потому что это нечто необычное и прекрасное, как бы однообразны и пустынные они ни были. Время от времени видишь курганы, и не редко; также здесь еще стоят каменные идолы высотой в 2 аршина⁹ приблизительно. Они выглядят как египетские обелиски, и у некоторых даже заметен платок или повязка, со свисающими по обеим сторонам груди концами. Большая часть этих странных фигур стоит вдоль дороги для того, чтобы, как мне сказали, указывать путь.

Короче, перед местечком Аксай на Дону, где переправа, мы увидели отряд калмыков с приблизительно пятьюдесятью верблюдами; последние были доставлены, чтобы везти отсюда груз сухарей во Вторую армию.¹⁰ На меня произвели сильное впечатление виды природы, и мне показались сном эти грязные парни и эти странные уродливые верблюды.

При переправе через Дон, которая задержала нас на несколько часов, мы встретили казаков, возвращавшихся из Грузии¹¹ и Имеретии¹² на родину. Часть их участвовала в Персидском походе.¹³ Я поговорил с некоторыми из них и восхитился их радости, испытываемой ими при виде родных мест, после 6 лет, проведенных вдали от родины. На одной станции, приблизительно в 110 верстах отсюда, мы встретили генеральшу Сипягину,¹⁴ которая ехала в Москву в четырех экипажах, для чего понадобилось 20 лошадей. Хотя это и было для нас неприятно (мы не получили лошадей), это обрадовало меня, т. к. я поговорил с одним из сопровождавших генеральшу адъютантов Сипягина, который знает всех Коцебу в Грузии. Особенно мне приятно было, что он мне мог рассказать о фрау Коцебу.

Ничего особенного на Дону я не видал, кроме нескольких калмыцких юрт, которые мы посетили; а на здании одной почтовой станции заметили парочку очаровательных голов овнов. В этой части степи калмыки встречаются часто,¹⁵ но обычно вдали от дороги. Только в двух местах мы видели несколько юрт. В большинстве случаев они бегом говорят по-русски, но грязны и противны.

{Вчера, около 5 часов утра, приехали мы наконец в Ставрополь и узнали, что Грибоедов еще не приезжал.} Мы остановились на так

называемом постоялом дворе, где получили одну меблированную комнату. Еду и чай нам доставляют из единственного местного трактира. Надеюсь, что мы будем недолго ждать министра,¹⁶ т. к. очень неприятно быть в неопределенности. К счастью, я нашел путешествие Гамба¹⁷ у Мальцова, ведь я имел неосторожность взять с собой только два тома «Юлии» Руссо, которые дочитал в Калуге и Орле. О том, чтобы пойти куда-нибудь, нечего и думать — вчера было невыносимо жарко, и мы очень устали от езды, а сегодня идет дождь. Местоположение города¹⁸ самое благоприятное, и после тысячи верст степей особенно отрадно снова увидеть деревья, среди которых довольно красивые и высокие тополя. У нас комната, где из одного окна виден проселок и рядом с ним гора, на склоне которой строят рынок. На вершине стоит каменный крест с надписью на медной доске о том, что в ноябре 1816 г. был заложен камень церкви Николая Чудотворца. Но о строительстве даже и не думают.¹⁹ С вершины этой горы вид как из нашего другого окна, только, естественно, обширнее. Во-первых, видишь часть Кавказа: близкие горы, хотя и невысокие, однако вдаль, как туманы, мерцают и некоторые высокие вершины, названий которых тут не знают. Весь город лежит на одном склоне и имеет приятный вид.

Вчера я был в местных лавках, здесь купцы разных национальностей: русские, черкесы,²⁰ татары²¹ и евреи. Все говорят по-русски, но между собой на своем языке. Мальцов купил у одного черкеса довольно красивый, хотя не новый, кинжал за 10 руб. ассигнациями с каким-то особым железным клинком. Я уже спрашивал тут о восточных монетах у местных менял — но не смог ничего найти. Однако, когда я вчера снова там проходил, один из торговцев сказал, что у него есть нерусская копейка, которую он мне хочет подарить. Я заплатил за нее серебряной мелочью и посылаю ее тебе. Что это, сможет решить Джафар.²² Я не могу тебе описать, как я обрадовался этой находке; может, позднее повезет еще. Спрашивал и о каламах,²³ но здесь их нет — их здесь не используют.

Позавчера из Персии в город вернулись уланы; сегодня проходили под нашими окнами; из полка не осталось ни одного полного эскадрона; они пострадали в меньшей степени от огня, чем от судьбы.²⁴ Полк прошлым летом имел плохое место для лагеря, и это сгубило большую их часть. Этот полк, как и вся кавалерия в Грузии, носит, с разрешения императора, белую форму, <нрзб 1 слово> шапки с козырьками, часто белые.

Есть еще много, что мог бы рассказать, но прошлая ночь меня совсем измучила, я никогда не видел такого количества блох на себе. Это было просто невыносимо, я не мог заснуть даже на четверть часа. Едва рассвело, меня начали мучить еще и невыносимые мухи. Особенно из-за этих неприятностей мне хочется, чтобы поскорее приехал Грибодев; если это произойдет сегодня, то мы проведем здесь еще лишь одну ночь, а завтра сможем тронуться дальше. Обычно отсюда получают

четырёх казаков конвоя на экипаж. Сколько мы получим, не знаю — может быть, больше, т. к. причина в том, что мы ждем Грибоедова. Во Владикавказе сопровождение состоит из роты и одной или двух пушек, которые конвой регулярно, раз в неделю, использует. Мы получим конвой, как только прибудем туда, даже если нет твердо установленной даты.

Когда я отдохну (может быть, после обеда), я напишу Александри-не. Если не сумею, то не обижайтесь — это не из-за лени. Сердечный привет Шерерам,²⁵ Александру, который уже в Петербурге, и Мэтью, и особенно Коцебу. Прощайте до Тифлиса, откуда я снова напишу. КА. 25 утром.²⁶

Прежде чем придет почта из Тифлиса, у меня есть время рассказать о вчерашнем вечере. Вчера впервые за время существования города здесь было театральное представление. Мы узнали об этом случайно, когда я, сидя у окна, услышал разговор на улице; мы сразу приобрели два места в середине первого ряда и пошли туда в 7 часов. К каменной стене пристроили три помоста и сверху — крышу из холста. Весь театр невелик, размером с восточную лавку. Среди так называемых кресел, из которых составлены 4 ряда по 9 мест, настоящих кресел было 6—8. Так как мы билеты просили по записке, в которой мы назвали себя секретарями посольства, то каждый получил настоящее кресло. Грязные и поломанные кухонные стулья представляли собой остальные кресла. Партер составляли 8 рядов скамеек, и он был заполнен так же, как и все кресла. Больше всего мне понравилась непринужденность обстановки: актеры (сплошь мужчины, и большей частью — местные офицеры²⁷) шумели и танцевали за почти прозрачным занавесом; состав оркестра вышел из-за занавеса и прыгнул на свои места. Когда стемнело так, что стало уже едва видно, из-за занавеса вышел инвалид в овчинном тулупе, пробрался сквозь оркестр и зажег с каждой стороны зала по сальной свече на стенах и затем люстру (деревянный крест с 8 свечами). Все это было так убого, неподобающе и плохо, как и представить нельзя. Опера была очень плоха, о музыке и речи нет, все как попало, все вразнобой. И представь себе, что один немец, который сидел перед нами, не мог нахвалиться на это, и не только он один. Все аплодировали непрерывно.

Также пять дам почтили представление — из них две были из простых, а две — дочери вице-губернатора провинции.²⁸ Как в Петербурге, были и здесь кресла впереди в центре для Губернатора Паскевича²⁹ и Начальника Кавказа Эмануэля.³⁰ Последний не присутствовал, т. к. он несколько дней назад уехал в завоеванную Анапу,³¹ чтобы встретить губернатора.

И вот уже три недели у меня нет никаких новостей.

Я слышал, но без подробностей, что Spakclī³² и Анапа взяты, и Меншиков³³ получил Георгия 3-й степ.³⁴ Я новости узнаю быстрее и больше из писем, чем из газет. Александр, возможно, возьмет это на

себя и будет сообщать мне о новостях. Мне очень хочется услышать что-то новое. Я привык к этому.

Театр был причиной того, что я не написал Александрине, а сейчас слишком поздно, и я не хочу упускать момент, чтобы пораньше отнести письмо на почту. И действительно, трудно найти время для писем во время пути: даже если оно есть, ты чувствуешь себя плохо и туго соображаешь от жары, которая стоит здесь уже 8 дней. Однако жара действует на меня менее, чем я полагал; мое вчерашнее плохое самочувствие я приписываю вину, которое мы пили несколько дней назад и которое явно было подделкой. Мальцов и я чувствовали дискомфорт, большую вялость, головокружение и отсутствие аппетита, и бессонная ночь тоже способствовала этому. Но сегодня я снова здоров, несмотря на жару. Прекрасный сон укрепил меня настолько, что я уже выпил два стакана очень вкусного кофе. Я раздобыл корень имбиря.³⁵ Мы оба чувствуем себя хорошо. Здесь можно найти грузинское вино по 50 коп. бутылка, такое легкое и приятное на вкус. В Тифлисе оно, как и в Кахетии,³⁶ стоит 15 коп. бутылка.

Еще раз всем сердечный привет. Александрина пусть передаст привет Коцебу и Карлу, если он уже в Ревеле. Прощайте. КА.

Сегодня уже третий день, как мы ждем Грибоедова; кто знает, сколько это еще продлится. Хотя Ставрополь и губернский город, но это совсем пустыня; нет никакого общественного сада, нет ни одного деревца; только вдали Кавказ, который скоро встанет между нами!

Прилагаю афишу и театральные билеты.³⁷

¹ Станция Кагальницкая — см. письмо № 6.

² Письмо отсутствует.

³ Курасовские постоянные дворы.

⁴ *Клейнмихель Петр Андреевич* (1793—1869) — выдвигенец Аракчеева; с 1826 г. генерал-адъютант, один из организаторов военных поселений. Свою историческую известность (противник железнодорожного строительства в должности министра путей сообщения, организатор сверхбыстрого восстановления Зимнего дворца после пожара и «отец» внебрачных детей Николая I) заслужил позднее, в 1830—1840 гг.

⁵ *Coracias garrulus* — всеядная перелетная птица размером с мелкого голубя (до 200 г) с тропически ярким зеленовато-голубым оперением.

⁶ В переводе 1946 г.: осмотрев слегка город, мы побрились, вымылись и напились чаю.

⁷ *Кёппен Каролина Ивановна* (урожд. *Шульц*) (1772—1851). Часть семьи при бывшего в 1786 г. в Россию доктора *Кёппена Ивана Ивановича* (1752—1808), включая его вдову, осталась жить в Харькове.

⁸ По-видимому, это — *Coleus*, или крапивка, высаживаемый в Павловске при Марии Федоровне как однолетнее, а на юге — многолетнее растение.

⁹ 140 см.

¹⁰ Весной 1828 г. части Второй армии были выдвинуты на территорию подконтрольных Турции Молдавии, Валахии и Бессарабии. Верблюды в распоряжении русской армии появились в янв. 1827 г. после рейда генерала В. Г. Мадатова

в Мешкинский округ: кочевавшие азербайджанцы убрались так поспешно, что оставили огромное количество своего скота и 2 тысячи верблюдов (*Помто*. С. 641).

¹¹ В XV—XVIII вв. Грузия входила в состав Персии, затем Османской империи; в 1783—1787 гг. находилась под протекторатом Российской империи, а в 1802 г. была включена в ее состав.

¹² Имеретия — древнее государство в западной части совр. Грузии с центром в Кутаиси; обособилась от Грузинского царства в конце XV в. С середины XVI в. входила в состав Османской империи. С 1813 г. — в составе Российской империи.

¹³ Персидская война 1826—1828 гг. на северных территориях совр. Азербайджана и Армении. Основные военные действия завершились в окт. 1827 г. Заключенный по ее итогам Туркманчайский договор не только подтвердил принадлежность России территорий, завоеванных в первую Персидскую войну 1804—1813 гг. (Гюлистанский договор), но и переход в ее состав еще двух северо-азербайджанских провинций — Нахичеванского и Эриванского ханств.

¹⁴ Вторая жена генерала Н. М. Сипягина, Елизавета Сергеевна, встречу с которой описал К. Аделунг, ехала в Москву в последнем триместре беременности и там умерла родами, не узнав о смерти мужа от пневмонии в Тифлисе.

¹⁵ Еще за 50 лет до поездки К. Аделунга Ставрополье было местом привычных кочевий калмыков (*Помто*. С. 28—30). Поселенные в степной зоне Предкавказья казаки и крестьяне страдали от угона скота калмыками (на людей последние не нападали). Целенаправленная политика вытеснения привела к тому, что в 1771 г. калмыцкий хан принял предложение китайского императора и почти с 90% своих подданных откочевал в Джунгарию (Китай). Оставшиеся в России калмыки потеряли самоуправление. Российское правительство привлекало калмыков на военную службу: несколько калмыцких полков участвовали в войне 1812—1814 гг., служили в Кавказском корпусе (см.: *Любимов С. Князя Тюменевы // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии*. 1915. Вып. 7. С. 1—5).

¹⁶ Должность «полномочного министра-резидента» (посланника) и чин статского советника получил Грибоедов перед последней командировкой в Персию для повышения статуса российского представителя, добивавшегося выполнения Туркманчайского мирного договора.

¹⁷ *Гамба Жак Франсуа* (1763—1833) — образованный французский промышленник, разоренный революцией; предпринял два путешествия в Переднюю Азию, посетил не только российский Кавказ, но и Москву и Санкт-Петербург. Ратовал за расширение взаимной торговли через черноморский регион; был французским консулом в Тифлисе во время Персидской и Турецкой войн. В 1824 г. издал в Париже иллюстрированное описание своих кавказских путешествий с приложением карт. Часть книги в 1826—1828 гг. была опубликована в «Северном Архиве» Булгарина.

¹⁸ Ставрополь заложен в 1776 г. как крепость Азово-Моздокской линии, около которой казаки Хоперского полка основали станицу, в 1785 г. получившую статус города. В 1803 г. в нем открылось приходское училище, в 1822 г. Ставрополь стал областным городом, в котором проживало чуть более 1 тысячи человек. В 1828 г. в городе появилось первое моление и фонари. Гимназию открыли в 1837 г.; в ней сверх программы изучали азербайджанский и армянский языки.

¹⁹ Закладной камень церкви появился после того, как город миновала эпидемия чумы. Жившие в городе казаки, обыватели и военные пользовались казацкой церковью и ветхим Троицким собором. Церковь Св. Николая была освящена только в 1841 г.

²⁰ В XIX в. под черкесами подразумевали множество населявших Кавказ этнических и субэтнических групп, сегодня именуемых «адыге».

²¹ Обычное для того времени именование азербайджанцев.

²² Наверное, *Топчибашев Мирза Джафар* (1790—1869). (Он сам писал свою фамилию как Тобчибашев.) По отцу — грузин, по матери — азербайджанец, из образованной военной семьи, служившей последним царям Картли-Кахети. Получил образование в Тифлисе. Впервые попал в Санкт-Петербург в 1817 г. как переводчик персидского посольства. В 1819 г. начал преподавание персидского, арабского и турецкого языков (владел еще армянским и грузинским) в ГПИ (ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, № 1934, л. 13—18), с 1823 г. — в УОВЯ. В 1824 г. давал частные уроки Грибоедову. В 1833—1834 гг. безвозмездно обучал трех слушателей Академии Генерального штаба (*Филипсон Г. И.* Воспоминания. М., 1885. С. 84—85; далее — *Филипсон*). В МИД проработал почти всю жизнь.

²³ Письменная принадлежность, остро отточенная тростинка, применяется в арабской каллиграфии. Руководитель УОВЯ Ф. П. Аделунг ввел каллиграфию в учебные планы и, очевидно, просил сына купить соответствующий инструмент.

²⁴ Вторая уланская дивизия была введена на Кавказ в нояб. 1826 г. и сразу, после нахождения на зимних квартирах в прикаспийском Азербайджане, потеряла не только практически всех выведенных из России коней, но около половины личного состава умершими и больными (*Потто*. С. 672, 695, 819). Пятнадцать лет спустя плановое ежегодное доукомплектование нижних чинов в Абхазии составляло 16% (*Филипсон*. С. 193).

²⁵ Глава семейства петербургских *Шереров Александр Николас (Александр Иванович)* (1771—1824) родился и умер в Санкт-Петербурге, но получил образование в Германии и до 1802 г. работал в Европе, где опубликовал более полусотни работ по неорганической, физической, аналитической и технической химии; издавал немецкий химический журнал (СПФ АРАН, ф. 1, оп. 2-1815, № 24, л. 4—8 об.). С 1802 г. преподавал в Дерпте, с 1804 г. — в Санкт-Петербурге: в Медико-хирургической академии (далее — ИМХА), Педагогическом институте, Горном Кадетском корпусе (ЦГИА СПб., ф. 13, оп. 1, № 1649 и № 232; ф. 963, оп. 1, № 570 и 2065). В 1805 г. был избран адъюнктом ИАН, через 2 года — экстраординарным, а еще через 7 лет — ординарным академиком (СПФ АРАН, ф. 1, оп. 2-1815, № 26, л. 15—16 об.). Работая в АН, Шерер не только продолжил издание журнала, написал пособие по русской химической номенклатуре, руководство по преподаванию химии, монографию о минеральных водах России, руководил воспитанниками АН, но и составлял по разработанной им системе всеобщий каталог химической литературы и решил множество задач по химической технологии и контролю производств (например, способ аттестации пороха) (СПФ АРАН, Р. V, оп. 1-Ш, д. 13 / 1-9, л. 1—2 об., 9). С 1814 г. работал штатным консультантом департамента Внутренней торговли и мануфактур МВД (СПФ АРАН, ф. 1, оп. 2-181, № 29, л. 5—5 об.).

Семья Шереров жила в академическом доме на 7-й линии Васильевского острова. Незадолго до своей кончины академик Шерер определил своего 16-летнего сына *Шерера Александра* (1809—1875), выпускника частного пансиона пастора *Муральта И.* (1780—1850), в академические воспитанники (студент ИАН, учившийся по индивидуальному плану академика-куратора и получающий годовое содержание 600 руб.) (см.: СПФ АРАН, ф. 5, оп. 1-1824, № 111). Очевидно, академик Шерер был любим коллегам: после его кончины они не только перевели его сына в зевы АН (совр. аспирантура), но настойчиво хлопотали о назначении вдове с детьми пенсионера в треть 2200-рублевого академического оклада, для которого по закону о 20-летнем стаже не хватало 5 месяцев (см.: СПФ АРАН, ф. 5, оп. 1-1825, № 158, л. 3—4 об.).

В 1828 г. в Санкт-Петербурге жили вдова академика — *Шерер Шарлота Фридрика*, урожд. *Раль* (1780—1859), младшая сестра матери К. Аделунга и ее дочери

Шерер Амалия (1805—1861), с 1825 г. — жена академика Пандера и *Шерер Мария Шарлота* (1807—1882), позднее Вальц. Их брат, 19-летний *Шерер Александр*, в это время изучал химию в Дерптском университете, готовясь к профессорскому званию со стипендией ИАН. Наверное, коллеги академика не кривили душой, когда в просьбе на высочайшее имя писали, что «...покойный Шерер оставил свое семейство в весьма жалком положении...», т. к., несмотря на то, что молодой Шерер также специализировался в химии, вдова в 1827 г. хлопотала о продаже библиотеки мужа (см.: СПФ АРАН, ф. 5, оп. 1-1827, № 262). В 1832 г. Шерер-младший стал профессором кафедры «Химии приспособленной к искусствам и ремеслам» Санкт-Петербургского Технологического института (СПФ АРАН, ф. 1, оп. 2-1832, № 2, л. 60—65 об.).

²⁶ 25 июня 1828 г.

²⁷ Центром Кавказской линии, протянувшейся от Черного до Каспийского моря, был Пятигорск, расположенный в 200 км юго-восточнее Ставрополя. Приняв командование Линией в 1826 г., генерал Эмануэль организовал в Ставрополе обучение и обмундирование подразделений Кавказского корпуса, которые нашел недостаточными, проводя ротацию через этот «Учебный центр» (*Голицын Н. Б.* Жизнь-неопатичне генерал от кавалерии Емануеля. СПб., 1851. С. 61—62, далее — *Голицын*).

²⁸ В 1828 г. в Кавказской области при губернаторе К. Ф. Стале сменились два вице-губернатора: К. Ф. Адлерберг и Е. И. Мечников.

²⁹ Более точно — Главноуправляющий гражданской частью в Грузии, губернии Астраханской и области Кавказской, командующий отдельным Кавказским корпусом, командующий военной Каспийской флотилией Иван Федорович Паскевич.

³⁰ Более точно — начальник Кавказской области в 1826—1831 гг. (до этого — Кавказской линии) *Георгий (Егор) Арсеньевич Эмануэль (Эмануэль, Емануель)* (1775—1837) — российский генерал черногорского происхождения, выходец из Австрии, вступил в российскую службу в апр. 1797 г. поручиком в ЛГ Гусарский полк. Герой Бородинской и Реймской битв, участвовал в зарубежных походах и в Париже пожалован генерал-лейтенантом. Вступил в командование Кавказской линией в сент. 1826 г. Как начальник области подчинялся Главноуправляющему в Грузии. Был тяжело ранен во время карательной экспедиции 1831 г. и оставил службу (*Потто*. С. 1171; *Голицын*. С. 59—64).

³¹ 11 июня 1828 г. крепость Анапа была взята русскими войсками в четвертый раз (до этого — в 1791, 1807, 1811 гг.) и с тех пор входит в состав России. Из-за удаленности от расположения Кавказского корпуса Анапой занималась Дунайская армия: с эскадры адмирала А. С. Грейга десантировались части, и через несколько дней блокады и штурма крепость пала (*Потто*. С. 840).

³² Редкий пример в письмах Аделунга, когда названный топоним не имеет даже фонетического сходства с существовавшими объектами. В один день с Анапой (11 июня 1828 г.) была взята турецкая крепость Кюстенджи (Констанца в совр. Румынии). Или, возможно, К. Аделунг имел в виду располагавшуюся в Цемесской бухте крепость Соуджк-кале (Сучак-кала, Суджук-кале), которая, как и Анапа, являлась центром работорговли и была взята чуть позднее Анапы.

³³ *Меншиков Александр Сергеевич* (1787—1869) в 1826—1827 гг. возглавлял посольство в Персию, и только его находчивость и решительность (а также содействие английских дипломатов) позволили миссии благополучно вернуться в Россию, несмотря на начатые персами военные действия (*Бартоломей*). Весной 1828 г. Меншиков командовал десантным отрядом, взявшим крепость Анапу; затем осадой Варны и был там тяжело ранен.

³⁴ Пример бытовавших в то время «наградных» слухов. Кн. Меншиков был награжден в авг. 1828 г. после ранения под Варной орденом Александра Невского

(см.: Список кавалерам императорских российских орденов всех наименований на лето от рождества Христова 1828. СПб., 1829. С. 25. Ч. 1).

³⁵ Два века назад корень имбиря использовали при лечении отравлений как детоксикант; сегодня его чаще используют как иммуномодулятор.

³⁶ Область Грузии (юго-восточнее Тбилиси) в VIII—XII вв. была независимым царством. В составе России с 1801 г. В долинах Кахетии (включая Алазанскую) располагались и располагаются центры виноделия.

³⁷ К сожалению, и то, и другое отсутствует.

{№ 8.¹ Тифлис 7 июля 1828.

С позавчерашнего вечера я здесь и **только сейчас**,² за несколько часов до ухода экстренной почты, нашел несколько минут, чтобы **сообщить**³ о моей счастливой будущности. Мне до сих пор еще негде жить, и я два раза ночевал у **Ховенов**.⁴ Вчерашний день прошел очень быстро — представление Сипягину,⁵ обед у Грибоедова и вечер у **Ховенов**.⁶ На следующей неделе напишу подробнее — я здоров и счастлив иметь дом. Время, перо и чернила не позволяют мне писать больше. Сердечный привет в Ревель. Ваши письма я нашел здесь прямо у Фрица,⁷ они меня очень обрадовали, я не ожидал их обнаружить тут. КА

Фриц К. передает всем привет, и сегодня я не успеваю отправить его вместе с этим письмом.

¹ Письмо адресовано: <Его превосходительству Федору Павловичу Аделунгу. В С. Петербург. Отдать в Почтамт>.

² В переводе 1946 г.: наконец.

³ В переводе 1946 г.: подумать.

⁴ В переводе 1946 г.: ген. Ховена. В это время в доме гражданского губернатора Тифлиса генерал-майора *Ховена Романа Ивановича* (1775—1861) жили его дочь Елена Романовна Коцебу с мужем и четырьмя детьми, ее девери Пауль и Фриц Коцебу и ее младший брат Роман Романович Ховен. Самый младший сын Р. И. Ховена — *Ховен Иван Романович* (1815—1881) в это время оканчивал Царскосельский лицей; оба брата получили элитное образование на казенный счет благодаря хлопотам А. П. Ермолова, многолетнего близкого друга генерала Ховена (см.: ЦГИА СПб., ф. 1022, оп. 1, № 422, л. 1, 5, 8, 10, 12). Став военным, Иван Романович тоже служил на Кавказе в 1836—1847 и 1857—1859 гг. (ЦГИА СПб., ф. 1437, оп. 3, № 18, л. 1 об., 2 об.). Дом губернатора Ховена был надежной базой служивших на Кавказе — в 1824 г. там хранились сундуки уехавшего в Петербург Грибоедова (См.: *Пиксанов*. С. 49).

⁵ *Сипягин Николай Мартемьянович* (1785—1828) — участник войн с Наполеоном, генерал-лейтенант, с марта 1827 г. — Тифлисский военный губернатор, участник Персидской и Турецкой кампаний 1826—1828 гг.; нерядовой администратор, деятельный строитель Тифлиса, реорганизатор судебной власти в Закавказье, организатор просвещения в крае.

⁶ В переводе 1946 г.: Ховена.

⁷ Фридрих Вильгельм Коцебу.

{Тифлис 14 июля 1828}

Надеюсь, те строчки, которые отправил седьмого¹ с последней почтой, ты получишь. Я писал их в страшной спешке перед отходом почты и очень торопился, т. к. пакеты были уже готовы к отправке. Сердечно благодарю за ваши милые письма — как я был рад, когда Фриц К. отдал мне их. Я совсем не ожидал найти их у Фрица; и как я тосковал по вам, и уже терял надежду получить их. Было очень трудно после первой разлуки целый месяц жить без известий, и я ожидал с тоской прибытия в Тифлис, где я, даже если и не сразу, должен был что-то получить. Пока я был совершенно здоров, кроме небольшого недомогания в Ставрополе. Ни жара, ни трудности разного рода на меня нисколько не повлияли, и я надеюсь, также будет и дальше. Каким счастливым меня сделало сообщение о хорошем самочувствии Александрины. Я так ждал этого. Поскольку по первым письмам из Ревеля не все было хорошо, а теперь, как вы пишете, воды, воздух и Еня, которая ей служит главным лекарством, скоро восстановят ее здоровье. Как и прежде, я буду посылать описание моего путешествия, а нынешнее сообщение — о проезде из Ставрополя до Тифлиса.

{26 июня в 7 часов приехал, наконец, Грибоедов в Ставрополь. Я не смогу описать мою радость по этому поводу. Я чувствую истинную привязанность и любовь к этому превосходному человеку. Мы были **в чём-то похожем на сад**,² когда он за нами прислал; он занял комнату рядом с нашей. Несмотря на усталость, он, как всегда, был очень любезен и рассказал нам много интересного; мы пили у него чай, ужинали и не заметили, как настало 11 часов, когда мы и расстались. Ужин был превосходный, такого можно только пожелать. Хороший повар, которого держит Грибоедов, заставил нас забыть, что мы находимся в пути. В среду, 27-го, в 10 часов утра, уселись мы с Мальцовым **в коляску**³ и отправились в путь. Грибоедов уехал вечером, так как нам надо было 7 лошадей, а он боялся не получить ни одной.}

Дорога после Ставрополя шла на подъем, из-за которого мы двигались медленно; через 12 верст мы получили наш первый конвой, который состоял из одного жалкого донского казака. По так называемому «открытому листу», который мы получили от ставропольского коменданта, нам двоим полагалось 6 человек, однако это не исполняется; мало того, что получили только одного, но и этот, единственный, чаще всего отсутствовал. Каждые 3 версты на кургане или возвышенности стоит лачужка-сторожка с тремя казаками. И когда проезжаешь ее, то казаки меняются. Обычно они для собственного удобства сидят внутри; и так как в этих местах довольно безопасно, то на них никто не обращает внимания и не задерживается из-за них. И даже если забанцы⁴ и нападают, то такой ленивый казак ничего не делает против одного черкеса. Следующие два поста расположены поблизости; но, прежде чем они смогут предпринять что-нибудь, разбойники достиг-

нут цели и унесут добычу, и ночью уйдут снова за Кубань. Но уже давно вблизи Ставрополя ничего подобного не случилось.

Горы, через которые движешься между Ставрополем и бывшей Александрией,⁵ довольно пологие, так что все станции преодолеваешь будто по одной горе. Замечательная трава покрывает склоны, и постоянно я видел либо незнакомые мне цветы, либо такие, которые у нас являются садовыми. Так, например, в большом количестве цветет красный бессмертник; желтые и розовые мальвы покрывают большие участки; встречается и самый прекрасный здесь — дикий голубой цикорий. К сожалению, все видел из окна на ходу; на станциях, которые лежат в долинах, — только низенькая трава. Конечно, скотина тоже способствует этому.

Каждые 20—25 верст проезжаешь деревню. В них живут русские, которых переселил сюда Потемкин,⁶ и тут всегда имеется станция. В остальном весь отрезок от Дона до Владикавказа⁷ пустынный и пустой. В 8 часов мы прибыли в Александрию (Александровка) — этот Богом забытый городок, в котором жителей немного, но есть что-то вроде постоянного двора, где мы переночевали. В этих местах никогда не ездят ночью из-за потенциальной опасности, т. к. после заката казаки покидают посты, останавливающие <закубанцев>.

Мы насладились чаем и легли спать. После продолжительного времени я наконец заснул спокойно — в комнате было прохладно; а т. к. ставни были закрыты и днем, то в помещении не было надоедливых мух. Моя жесткая кровать, которая состояла из деревянной скамьи, покрытой моим пальто, не помешала мне крепко спать и проснуться отдохнувшим и бодрым. Насколько дорого было наше пребывание в Ставрополе! Здесь мы заплатили за комнату и вечерний и утренний чай 1 рубль серебром. В Ставрополе просто комната стоила 2 руб. в сутки.

28⁸ около половины седьмого утра мы снова сели в коляску; на встречном пути шли отряды улан, возвращавшихся из Персии.⁹ Их количество, вид и изнуренные кони свидетельствуют о больших лишениях. От всего полка, бывшего в Персии, не осталось и восьмой части. Почти всю войну у них были посты в самой нездоровой влажной местности реки Аракс,¹⁰ и, не видев врага, они очень пострадали.

После того, как поднимаешься на возвышенность, справа видна первая гора хребта — это Бештау.¹¹ Она высится одиноко и имеет форму сахарной головы. Так как это была первая настоящая гора, виденная мною, то она и произвела на меня сильное впечатление. То, что я видел до сих пор, — ерунда; их можно рассматривать как введение в Кавказ. В зависимости от того, поднимались мы или спускались, она то появлялась, то исчезала; иногда мне казалось, что вижу ее прямо передо мной, а когда я спрашивал ямщика, насколько она далеко, ответ был: 30—40 верст.

Ночь на пятницу 29 июня мы провели в укрепленной казацкой станции, т. к. на станции не нашлось комнаты для ночлега. Нам предоставили чистую просторную комнату у <хорунжего> (прапорщик у казаков), у которого мы заночевали. Тут мы услышали разные ужасные подробности о нападении черкесов в конце мая на деревню <Незлюбная>¹² и о сражении, которое произошло между казаками и пехотной ротой с нападавшими. Рота находилась в 4 верстах от станицы; деревня удалена на 10 верст отсюда и на 8 верст от Георгиевска. Должно быть, вы в Петербурге уже слышали об этом несчастье. Из Ставрополя, где мы узнали об этом, я ничего не писал, чтобы не волновать вас, но теперь, когда опасность позади, я могу об этом рассказать. Так называемые <закубанцы> (черкесы) перешли Кубань; было их около 2 тысяч человек в сопровождении 10 турок. И хотя об их планах знали даже в Ставрополе, ничего не предприняли, чтобы их прогнать. Генерал Эмануэль, как и остальные <начальники>, считали все это вымыслом. Эта орда быстро передвигалась, и каждая деревня вблизи Георгиевска ожидала нападения. Станица, где мы ночевали, была в их числе, т. к. эта орда взяла направление на Незлюбную только в двух верстах отсюда, у деревни <Мариинская>. Когда в этом убедились в Георгиевске, против орды послали около пятисот казаков (которые могли бы справиться с приблизительно сотней черкесов) и пехотную роту с двумя орудиями. Но вместо того, чтобы сразу напасть на врага, они стали преследовать его; перед деревней <Незлюбной> эта орда расположилась в кустах в пяти верстах от деревни, и наши сделали то же. Но, едва рассвело, как жители (в большинстве женщины и дети, так как мужчины были на уборке) были разбужены нападением. Это было ужасное пробуждение: деревня была разграблена, часть женщин убили, часть — пленили; все дети младше 12 лет были изранены или убиты. Казаки рассказали, что сами видели, как эти варвары хватили за ноги младенцев и малышей и разбивали им головы о камни или отрубали их.

Это слишком ужасно — рассказывать обо всех этих зверствах. Я не мог бы этого представить себе никогда в жизни. После того, как все случилось, пришла долгожданная, но опоздавшая помощь. Русские преградили орде дорогу, и, должно быть, это было ошибкой и причиной печального исхода сражения. Полковник Радионов¹³ (казак — командир всего отряда) не послушал совета унтер-офицера образовать каре — он велел поставить рядом обе пушки; когда черкесы приблизились, приказал стрелять; но еще до выстрела враги, почти все в броне, кинулись врукопашную и устроили бойню. Радионов и один майор сразу погибли, а третий штаб-офицер лежит раненый¹⁴ в Георгиевске и с трудом поправляется. Из нижних чинов мы потеряли 80 человек. Казакам удалось опрокинуть их в бегство; однако <закубанцы> освободили поле боя только для того, чтобы забрать свою добычу. Незначительные вещи они побросали, убежали и несколько женщин, но многие при этом были убиты. Все деревни и станицы были в состоянии величай-

шего страха. В станице, где мы ночевали, мы получили известие о взятии Анапы¹⁵ и попытались наших хозяев убедить, что в ближайшее время станет безопаснее; однако они боялись, и не без основания, что эти разбойники, прежде чем положат конец их активности, попытаются напасть еще раз. К сожалению, это вполне возможно при почти полностью ликвидированных защитных отрядах.¹⁶

29¹⁷ около 7 часов утра мы отправились в дорогу, и едва мы покинули станицу, как справа появился Эльбрус¹⁸ во всей красе; его снежная вершина в 17 тысяч футов¹⁹ величаво возвышалась на фоне волшебной горной цепи. Я не мог представить эту снежную горную массу — такой высокой казалась мне гора на расстоянии 150 верст. Солнце освещало ее так красиво и придавало ей очаровывающее теплое сияние. Мы долго любовались этой прекрасной картиной; весь Кавказ лежал в дымке, и Эльбрус мы потом больше не видели; путь, проделанный в этот день, шел через травянистую степь, а кроме этого, ничего примечательного.

{В полдень мы²⁰ **были в так называемом городе Екатеринограде,**²¹ **который представляет собой большую укрепленную деревню. Однако в ней есть базар, который я посетил ради монет, и только вечером я вернулся домой.**

Вечером Грибоедов (он догнал нас на последней станции перед городом, отсюда мы поехали вместе) пригласил меня на прогулку: он хотел показать мне горную цепь с одной возвышенности. Эльбрус и правая сторона гор были закрыты облаками, но остальные вершины и между ними Казбек²² стояли в полном блеске. Снежные вершины были озарены золотым светом, и вся эта картина была так великолепна, что мы оторвались от нее только тогда, когда темнота скрыла ее от нас. Грибоедов каждую минуту восклицал: «Не правда ли, это прекрасно! Как это великолепно!» Я же совсем не мог говорить, — **это было слишком великолепное зрелище!**²³} И я стоял, как прикованный, и наслаждался им. Если б вы могли любоваться всем этим вместе со мной! {Обогнув быструю речку **Малку,**²⁴ мы возвратились домой пить чай. С этого вечера я полюбил Грибоедова еще сильнее: как наслаждался он природой и как он был отзывчив и добр! В Екатеринограде нельзя получить почтовых лошадей, надо нанимать вольных до Владикавказа. Чтобы достать лошадей, Грибоедов попросил меня пойти к коменданту **города и позаботиться об этом.** Я явился к нему впервые в роли секретаря миссии и все хорошо устроил. 30-го мы выехали с конвоем в 20 казаков, так как дорога опасна.

Так как мы **не меняли**²⁵ лошадей, мы должны были сделать два привала — первый на укрепленной станции с двумя пушками, где мы обедали, а второй — на подобной же станции, где мы ночевали. Вечером выехали мы из крепости, чтобы вновь восхищаться Кавказом.} Мы подъехали к горам намного ближе вчерашнего, и поэтому размеры их казались мне гигантскими: прекрасный закат еще более украсил зрелище.

{1²⁶ июля.²⁷

От этой станции до одного минарета, уцелевшего от разрушенной деревни и отстоящего от станции на 7 верст, мы ехали, ввиду опасной дороги, под усиленным конвоем. 1-го июля, **во втором часу**²⁸ ночи, выступил наш отряд в таком порядке: впереди ехали 3 казака, за ними шли 10 пехотных солдат с барабанщиком; затем ехала пушка с артиллеристами и 4 экипажа; за ними опять 10 пехотных солдат и 3 казака.} С обеих сторон каждого экипажа шли казак или пехотинец. {Командовал этим отрядом гарнизонный офицер-артиллерист. Барабан дал сигнал к выступлению, и в полной темноте мы выехали. Так как нас сопровождала пехота, мы плелись шагом.} Это медленное движение, мрак ночи и звук барабана каждые 5 минут, окрики офицера — все это казалось странной защитой от разбойников. {К минарету мы подошли в 6 часов утра;} он расположен в красивой долине между двух лесистых холмов напротив небольшого форта. {После часового отдыха мы отправились дальше.} т. к. пехота должна была возвращаться для сопровождения почты, то мы двинулись с 10 казаками, несмотря на опасность и благодаря удаче {вечером благополучно прибыли во Владикавказ. Мы остановились у одной старой знакомой Грибоедова, полковницы Огаревой,²⁹ у которой мы и остались на ночь. Ее муж держал наблюдение **за**³⁰ дорогой и отсутствовал. Добрая женщина не знала, что и сделать, чтоб Грибоедову предоставить все возможные удобства.³¹ **Как русский человек, она не могла не попотчевать нас.** Чай, компот, ужин быстро следовали один за другим. Нас, обоих секретарей, она устроила на ночь в кабинете своего мужа.

Во Владикавказе нанимают лошадей до Тифлиса:³² мы должны заплатить за пару 90 руб., что, как нам сказали, было недорого, **так как порой приходится платить по**³³ 125 руб. Мы долго обсуждали, отпустить ли нам экипажи и ехать дальше верхом, или же удержать их, так как в этом месте через горы идет хорошая дорога.

Наконец решили задержать коляску, и 2-го июля, в 10 часов утра, мы выехали. Один офицер, Захаревич, который незадолго был назначен главным приставом над калмыками,³⁴ присоединился к нам со своей кибиткой.}

Крепость Владикавказ довольно значительна и расположена перед перевалом, который идет до долины Арагви. Одна верста от города — и начинаются горы. Путь идет вдоль быстрого и стремительного Терека, несущего грязную и мутную воду. В горах вид меняется ежеминутно; путь ведет сначала между Терекком и крутой скалой. Я не мог сделать ни шагу без удивления. В большинстве случаев мы шли пешком, чтобы насладиться природой. В горах нам навстречу вышли несколько чеченок — одна — настоящая красавица; но она была единственной из виденных мной.

{Первая станция, Балта, находится всего в 17 верстах от Владикавказа, поэтому мы на ней не останавливались и продолжили путь до

Ларса.³⁵ После обеда мы покинули Ларс. По совету Грибоедова, мы поехали на казачьих лошадях, чтобы **иметь лучший обзор**.³⁶ Несмотря на опасность, нас сопровождали от Владикавказа до Ананура всего 7 пехотных солдат и столько же казаков.} Как Балта, так и Ларс представляют собой аулы, или деревни чеченцев, и имеют, как и все аулы в горах, четырехугольную башню в центре деревни, в которой жители прячутся при нападениях. В башнях нет дверей; в них поднимаются по лестнице и проникают через окно; дети и женщины располагаются внизу, а мужчины стоят у бойниц для защиты.

Путь идет между высоких скал вдоль Терека, который здесь очень бурлив. Он несет пенные воды и часто разрушает дорогу. Дорога здесь очень странная. Часто она идет под гранитной скалой, в одном месте проходишь через искусственный грот, созданный взрывом. Он так низок, что в экипаже приходится опускать верх и покидать коляску. Путь идет то по правой, то по левой стороне Терека; так как вода непрерывно подмывает дорогу.

{Вечером прибыли мы в форт Дариель.} Он полностью окружен высокими голыми гранитными горами, и находишься там как в котле. Это место настолько узкое, что солнце светит несколько часов. {Здесь мы должны были ночевать. Во вторник, 3-го июля, в 3 часа утра, согревшись стаканом чая} (т. к. местность расположена высоко, то в Дариеле прохладно, а ночами просто холодно). {Отправились мы снова в путь; на этот раз мы не получили верховых лошадей, и я прошел 20 верст пешком, так как ехать в экипаже по этим тропам неудобно. Дальнейший путь до Тифлиса и мое пребывание там следует с ближайшей почтой.} Как ни казалось ужасным пребывание здесь днем, но по настоящему страшным оно стало ночью. Все было черно, и только прямо вверху над нами можно было видеть маленький кусочек неба со звездами. Я ночевал в коляске и каждый раз, просыпаясь, пугался этой картины. Наконец, рассвело, и я был рад, что ночь окончилась. Утром все были под впечатлением прошедшей ночи. Никогда в жизни я не видел природу такой грозящей и мертвающей. Шум бушующего Терека усиливал впечатление.

В нескольких верстах от Дариеля картина меняется и становится снова приятной: горы, поросшие травой, и, время от времени, слева и справа, видны прекрасные долины. К сожалению, эти долины нельзя посетить — они кишат осетинами, которые не слишком цивилизованны: бессовестно нападают и грабят, а также совершают вещи и похуже.³⁷ В одной из прекрасных долин находятся станция и деревня Стефан-Цминда,³⁸ которая ныне, так же как и гора, носит имя князя Казибег.³⁹ Дальнейший путь до Тифлиса и мое пребывание в нем опишу в следующем письме.

Я сумел, как намеревался, отправить это письмо. Кроме того, я должен написать Александрине, от которой уже получил 2 письма. Я здоров и чувствую себя хорошо в доме Ховена. Особенно мне прия-

тен Пауль Коцебу,⁴⁰ с которым я часто и с удовольствием беседую. Он интересно рассказывает истории о Персидском походе и Персии, которую он объехал до Исфахана.⁴¹ Неудачное падение с лошади задерживает его здесь; он повредил бедро, в результате чего его мышцы ослабли, и он с нетерпением ждет выздоровления, чтобы идти воевать. Он дал мне для тебя монеты, которые привез из Исфахана. Несколько монет я заполучил на Кавказе. Александра я благодарю за оба его письма. К сожалению, у меня нет времени ответить на них; напишу со следующей почтой. КА

{Грибоедов уехал сегодня утром с Мальцовым в главную квартиру и возвратится через 4—5 недель. Я буду ожидать его здесь.}

¹ 7 июля 1828 г., письмо № 8. Письмо от 24 июля не имеет номера, но следующее письмо от 25 июля имеет порядковый № 10.

² В переводе 1946 г.: в саду.

³ В переводе 1946 г.: на дрожжи.

⁴ К. Аделунг использует именование «закубанцы» для указания на «немирное» (оказывающее сопротивление российской колонизации) горское население. В 1828 г. на юго-западе Закавказья, на левом берегу Кубани, жили, кроме коренных племен, тогда называемых черкесами (совр. шапсуги, адыгейцы, черкесы), мигрировавшие с востока в результате Кавказских войн кабардинцы. В то время эта территория управлялась мелкими турецкими ханами.

⁵ Слобода Александрия основана в 1783 г. переселенцами из центральных районов России; находилась в 15 км от ставившегося нездоровым климатом Георгиевска и в 100 км от Ставрополя.

⁶ *Потемкин Павел Сергеевич* (1743—1796), троюродный брат светлейшего князя Таврического, отстоял от Пугачева Казань и отличился на Первой турецкой войне. Прибыл на Кавказ в 1782 г. Активный его колонизатор, с 1784 г. — первый кавказский генерал-губернатор и командующий Кавказской линией. Инициировал переселение государственных крестьян и однодворцев из малоземельной центральной России (*Потто*. С. 54—55).

⁷ Через год после вступления Грузии под протекторат России, в 1784 г., из Моздока (крепость Кавказской линии) в Закавказье была построена дорога с несколькими крепостями на ней. Одна из них, у входа в Дарьяльское ущелье, — Владикавказ. В 1860 г. крепость стала городом — центром Терской области.

⁸ 28 июня 1828 г.

⁹ См. примеч. 24 к письму № 7.

¹⁰ Аракс (Арас) — крупнейший южный приток Куры; по нему проходила русско-персидская граница в начале XIX в. и граница СССР с Ираном и Турцией.

¹¹ Бештау — пять вблизи расположенных вершин в районе города Минеральные Воды; самая из них высокая — 1400 м. В 200 км от Ставрополя, в 150 км от Александрии, в 40 км от станции Незлобной.

¹² Станица Кавказского линейного казачьего войска Незлобная основана в 1784 г. в 30 км от Горячеводска. Иначе о нападении на Незлобную и попытках препятствовать рейду отряда закубанцев изложено у *Потто* (с. 1183—1187) и у *Голицына* (с. 69—72). Краткое сообщение о нападении сделал Грибоедов в письме Булгарину (ПСС. С. 150—152).

¹³ *Голицын* (с. 69—72) называет его подполковником Войска Донского Родионовым.

¹⁴ Раненого майора Казачковского, командира прикомандированного подразделения егерского батальона, вылечил в Пятигорске доктор Шлиттер (*Помто*. С. 1187 и *Голицын*. С. 72).

¹⁵ Принадлежность Анапы Турции и ее близость к местам поселения немирных горских народов делали этот город перевалочным пунктом турецкой работорговли.

¹⁶ Защитных отрядов на Кавказской линии было недостаточно и до начала Персидской и Турецкой войн, а в 1826—1829 гг. линия осталась совсем слабо защищенной: прибывающее из центральной России военное пополнение не справлялось с караульной службой, требующей специальных навыков и сноровки. После окончания Турецкой войны командующий Паскевич предпринял ряд жестких рейдов по усмирению горских народов и организовал местную милицию.

¹⁷ 29 июня 1828 г.

¹⁸ Через полгода после гибели посольства Грибоедова, в авг. 1829 г., на Эльбрус вошла первая научная экспедиция. На саму вершину с проводником и несколькими солдатами отправился только 25-летний адъютант физики ИАН Э. Х. Ленц, а в базовом лагере остались начальник экспедиции — генерал Эмануэль и его 14-летний сын, трое командированных ИАН ученых и полковник Мориц Коцебу (СПФА РАН, ф. 30. оп. 1, № 145, л. 55 об.—56). Экспедицию до подножия сопровождали несколько сотен солдат с двумя пушками (*Помто*. С. 1216). В благодарность за организацию экспедиции ИАН почтила генерала Эмануэля званием почетного академика (*Голицын*. С. 93).

¹⁹ Высота первой вершины Европы составляет 5642 м, а не 5182 м (17 тысяч футов), как пишет К. Аделунг, и не 16 330 футов, как оценил первопроходец Э. Х. Ленц.

²⁰ В переводе 1946 г.: приехали в Екатериноград; по названию это город, на самом же деле это большая деревня с крепостью; все же здесь есть базар, куда я и пошел за мятой, но вернулся с пустыми руками.

²¹ Станица Екатериноградская возникла близ одноименной крепости в 1777 г.; в 1785 г., после переезда туда генерал-губернатора П. С. Потемкина, ненадолго получила статус города.

²² Потухший вулкан на границе России и Грузии высотой 5034 м.

²³ В переводе 1946 г.: он был слишком велик.

²⁴ В переводе 1946 г.: Мальту.

²⁵ В переводе 1946 г.: получили своих прежних.

²⁶ В переводе 1946 г.: 13.

²⁷ 1 июля 1828 г.

²⁸ В переводе 1946 г.: в час.

²⁹ Справочники называют мужа А. П. Огаревой подполковником (ПСС. С. 657).

³⁰ В переводе 1946 г.: над.

³¹ В переводе 1946 г.: но, как все русские, она не дала этого никому почувствовать.

³² Служивший в это время во Владикавказе гарнизонным адъютантом сосланный без разжалования декабрист *Гангблов (Гангблудзе) Александр Семенович* (1801—1891) сообщал, что обывателей во Владикавказе не было, а местная «промышленность» состояла в аренде лошадей, которых держали офицеры гарнизона, в большинстве своем польского происхождения (*Гангблов*. С. 127, 135—139).

³³ В переводе 1946 г.: так как накануне платили.

³⁴ Систему приставов над народами Кавказа и Закавказья, непосредственно подчиненных командующему Кавказской линией, ввел генерал П. Д. Цицианов; ее усовершенствовал А. П. Ермолов, требовавший от приставов знания местных языков, поэтому приставами часто становились служившие в российской армии мест-

ные уроженцы (*Потто*. С. 266, 509). Система еще существовала в 1914 г. Приставов оставшихся в России и приписанных в 1800 г. к Войску Донскому калмыков назначал Войсковой атаман (*Броневский В.* Описание Донской земли, нравов и обычаев жителей. СПб., 1834. С. 88).

³⁵ Ларс (Ларское) (31 км от Владикавказа) так же, как и Балта, был захвачен осетинами в 1804 г.; весной 1829 г. здесь отряд осетин атаковал «извинительную» миссию Хосров-Мирзы, внука персидского шаха (*Потто*. С. 166, 774).

³⁶ В переводе 1946 г.: чувствовать себя свободней.

³⁷ Потто называет 1828 г. спокойным (всего одно разбойное нападение с жертвами на Военно-Грузинской дороге), но в 1829 г., когда из-за Турецкой войны охранение было сильно сокращено, нападения участились (*Потто*. С. 1104).

³⁸ По легенде, село Стефан-Цминда носит имя отшельника (святой Степан), предупредившего жителей о сходе лавины. Затем селение было переименовано в Казбек, а потом стали так называть и вершину, прежде называвшуюся Мкинвари.

³⁹ Во время восстания 1804 г. осетины осадили Стефан-Цминду, гарнизон крепости взяли в плен, а князь выплатил значительный штраф за сотрудничество с русскими. Более подробно о князе — см. письмо № 10.

⁴⁰ *Коцебу Пауль Деметриус (Павел Евстафьевич)* (1801—1884) — пятый сын драматурга А. Коцебу был однокашником братьев Аделунгов по Санкт-Петербургской Губернской гимназии. После окончания Московского училища колонновожатых служил на Кавказе по картографической части. Принимал участие в Персидской войне, был награжден. В июне 1828 г. вдвоем с переводчиком вывел пешую колонну в 1200 пленных россиян и во время длительного похода потерял умершими только двоих и заболевшими — пятнадцать (см.: Георгиевские кавалеры или подвиги кавалеров ордена св. великомученика и победоносца Георгия, всех степеней, с обозрением их службы и жизни. СПб., 1861. Выпуск 2-й. С. 32). После Турецкой войны 1829 г., в которой П. Коцебу вновь отличился, начался его быстрый и долгий карьерный рост, окончившийся полным генеральством, графским титулом и многими высшими государственными постами.

⁴¹ Исфахан (Эсфахан, Эсфехан) — персидский город VII в., расположенный на пути между Каспием и Персидским заливом, Алеппо и Бухарой. Центр одноименной провинции, входящей в историческую область Ирак.

{№ 10. Тифлис 25 июля 1828.}

Вчера вечером я вернулся из колонии Элизабетталъ,¹ где провел шесть очень приятных дней. Письмо, которое я оттуда написал Александру, вероятно, вовремя доставят: один колонист увез его в город для отправки. Вначале я не хотел ехать за город, чтобы продолжить писать свои письма, но когда я узнал, что могу и оттуда давать о себе знать, то я решил, что вы не обидитесь, что я в этот раз буду краток; поэтому я принял приглашение Мензенкампа² и поскакал с ним туда. Мое следующее сообщение о поездке может прийти позднее, но в нем будет столько подробностей, сколько возможно. Этого я буду держаться и далее.

{3-го июля в 10 часов утра **достигли**³ мы Казбека.} Эта станция, в которой 5—6 домов с плоскими крышами, принадлежит князю Казибегу, молодому осетину, и местность эта платит ему подати. Напротив станции расположена маленькая церковь, которую построил отец мо-

лодого князя. Церковь гранитная и очень симпатичная. Внутри ее ничего интересного. Мы здесь позавтракали; Казибег угощал нас жареной бараниной, нарезанной кубиками, — очень вкусно. Это блюдо называется как-то по-особому, но название вылетело из моей головы. Этот завтрак имел азиатский характер — мы лежали на ковре и ели руками. {Местность была необычайно красива; перед нами были **довольно высокие**⁴ горы, над которыми поднимал свои снежные вершины великолепный Казбек (он получил свое имя **по имени**⁵ князя). Грибоедову пришлось несколько раз напоминать мне о **еде**⁶ — так долго любовался я этой **неповторимой**⁷ местностью. В прежнее время каждые семь лет с вершины той горы срывались снежные глыбы, которые, как громадные лавины, скатывались вниз и заполняли долины, так что дорога на две недели бывала засыпана и всякое сообщение прекращалось.} Ныне уже часть лета миновала, но снег еще не сошел; однако охотники за горными козлами (их тут называют турами) думают, что будущим летом следует ожидать лавину.

{Дорога от Казбека до Коби, так же как и прежний путь, шла вдоль свирепого Терека;} однако долина здесь расширяется и то тут, то там видна трава и дышится легче. {Мы **едва** проехали несколько верст, когда нам **навстречу вышел**⁸ офицер водных путей сообщения и сказал, что образовавшаяся от таяния снега вода сделала дорогу непроходимой. **После** некоторого размышления Грибоедов решил ехать дальше. Мы подъехали наконец к месту **провала дороги**⁹ и увидели, что перейти **провал**¹⁰ будет очень трудно; к счастью, над исправлением дороги трудилось много рабочих. Наши экипажи были **распряжены**,¹¹ осторожно опущены в провал и вытащены с другой стороны несколькими сотнями солдат и осетин.¹² Несмотря на тяжкую работу, через 40 минут мы смогли¹³ ехать дальше.} Такие препятствия здесь, на Кавказе, не редкость, и как только рабочие устраняют один провал, им приходится ремонтировать в другом месте. По дороге я видел, кроме природных красот, водопад, который срывался с большой высоты между двух гор. Все водопады, которые можно видеть здесь, непостоянны — их образует снег, который тает в июле и августе на вершинах невысоких гор.

{За несколько верст до ближайшей станции Коби¹⁴ нас встретил некий майор Чилиев¹⁵ со свитой примерно в 10 человек казаков и грузин; он был знаком с Грибоедовым раньше; узнав о его приезде на Кавказ, он вышел его приветствовать.} Он начальник горцев этой местности и очень приветливый человек. Мы встретили здесь, в Коби, двух офицеров Московского полка,¹⁶ так называемых «хлебопеков», едущих впереди гвардейского полка, везущего персидское золото¹⁷ в Петербург. Мы познакомились с ними; и в одном, Веригине,¹⁸ я нашел довольно приятного молодого человека.

{Коби представляет собою редут, состоящий из **трех-четырёх**¹⁹ строений, расположенных в прелестной долине. Нам подали здесь

обед, который заставил нас позабыть, что мы находимся в пути; нас было семеро за столом: Грибоедов, два **гвардейских**²⁰ офицера, Чилиев, командир редута и два секретаря. За столом было очень весело. После обеда, около 5 часов, простившись с обоими офицерами, мы поехали дальше; майор нас провожал. После того, как мы прошли верст 5 по очень трудной дороге, встретились нам несколько осетин, которые отозвали Чилиева в сторону и что-то сказали ему на ухо. Мы узнали, что в трех верстах отсюда собрались 300 осетин **и поджидают путешников**;²¹ люди, которые нам сообщили это известие, были разведчиками. Несмотря на это предупреждение, Грибоедов решил ехать дальше, но, уступив в конце концов просьбам и мольбам Чилиева, вернулся с тем, чтоб продолжать путь на **другое утро**.²² Мы ехали верхом, поэтому обратный путь не был для нас труден; но с экипажами люди измучились; было очень трудно повернуть их на узкой дороге. Вечер мы провели в разговорах с Грибоедовым}; я использовал также некоторые моменты, чтобы поспрашивать в 3—4 домиках у грузин о монетах. И я выторговал одну монету, которую я тебе послал 14 дней назад с монетами Пауля Коцебу. Я видел, кроме того, еще несколько монет, которые мне показались не древними; кроме того, я счел их слишком дорогими, т. к. этот человек за 1 монету просил 3—4 рубля.

{26 июля.}

В среду 4 июля около 5 утра мы снова сели на коней для продолжения действительно трудного пути. Дорога поднимается все время до изгиба Терека, который только в этом месте от нее удаляется. Больших трудов стоило подняться через <Крестовую гору> (или, как Гамба переводит это на французский, Mont St. Christophe!).²³ Гора так называется из-за каменного креста, установленного повелением Ермолова; крест приходится иногда восстанавливать из-за попадания в него молний. Сейчас он стоит невредим уже 10 лет. Тут же после крутого спуска с Крестовой горы, сразу приходится подниматься на еще более высокую гору, которая называется Гуд-гора. Путь идет не через вершину, однако я и Мальцов решили подняться на вершину — это нам стоило большого труда: мы не думали, что она так высока. Труднее всего было спуститься верхом, так как гора очень крута.

После нее начинается Грузия с изобильной и приветливой природой. Особенно приятно после грозного Кавказа попасть в этот край. Здесь можно действительно отдохнуть. Примерно в 8 верстах от Пасанаура снова нам повстречался Чилиев со своими грузинами. Он покинул нас в Коби. Недалеко за Пасанауром, где мы не задержались, т. к. Чилиев нас пригласил к себе, я поскакал с ним галопом вперед. Впервые я ехал так быстро и свалился бы, если бы худая казачья лошадь была попузатей. Таким образом я проскакал 4 версты до дома майора, расположенного в прелестной долине. Долина тянется около 40 верст вдоль Арагви; и это самое красивое, что я видал. Горы по обе стороны покрыты кустарником, между которым время от времени расположе-

ны грузинские деревни, которые узнаваемы по круглой башенке. Их очень трудно разглядеть, т. к. жилища спрятаны прямо в земле. Я тут вспомнил такого же рода Рейнскую местность:²⁴ здесь все башни укреплены и подобны старинным замкам, только река здесь очень узкая. После хорошего завтрака все затихли, и я использовал это время для прогулки по округе. И, несмотря на жару, не пожалел об этом. В большинстве случаев все было ново: растения, насекомые — я никогда не видел их раньше; много видов колючего кустарника — прекрасные белые розы, барбарисы и другие кусты занимали меня несколько часов до обеда. И, вернувшись, я не чувствовал усталости и был очень доволен прогулкой.

После обеда, наполовину азиатского, где не обошлось без плова, который я здесь впервые попробовал, мы в сопровождении любезного хозяина в 4 часа отправились. Так как путь отсюда гораздо лучше, мы проехали его в экипажах. Здесь уже в конвое нет нужды, хотя можно попросить для сопровождения казаков по всей Грузии, если хочешь. Мы проехали без остановки 2 станции по великолепной местности. Среди впервые увиденных растений были, в частности, прекрасный грецкий орех с благоухающими листьями, похожими на листья платана, и еще в изобилии дикий виноград.

В сумерках мы приехали на станцию Ананур. Этот пост расположен под старым большим замком, который стоит на склоне горы. Раньше здесь хоронили грузинских царей; мы хотели провести здесь только ночь, поэтому замка не посетили. Спали мы в колясках, т. к. комнаты на станции были настолько полны блохами, что это невозможно вытерпеть.²⁵

{5 июля в утренних сумерках мы поехали по прекрасной местности до маленького городка Душет, где мы остановились у начальника водных сообщений, чтобы выпить чаю; когда мы пили, явились чиновники в парадной форме засвидетельствовать почтение проезжавшему министру; не могу тебе передать, **как**²⁶ это **было забавно**;²⁷ **мы** от всего сердца хохотали, когда эти провинциалы ушли. Когда мы собирались в путь, один грузинский князь (**размером с пятерых грузин**) поднес Грибоедову корзину с цветами и огурцами; эти последние, несмотря на то что их очень много здесь, считаются фруктами и всегда подносятся в торжественных случаях.} Это большой турецкий огурец;²⁸ обычные огурцы тут неизвестны.

{**Под Гартискари**²⁹ — последней станции перед Тифлисом — мы обедали под дубом на разостланном ковре. Здесь нас ожидали чиновники, выехавшие навстречу Грибоедову, — два его курьера,³⁰ тифлисский исправник и некоторые другие;³¹ число этих чиновников все время прибывало по дороге к Гартискари: кто верхом, кто в дрожках; между ними был и Шаумбург.³² Дорога прекрасна до самого Мцхета, древней резиденции здешних царей, насчитывающей 3000 лет; но отсюда до Тифлиса — каменистые горы, которые выглядят печально.

{Но мы не могли остановиться у этих **руин**,³³ так как Грибоедов спешил скорее прибыть в Тифлис.} Я смог увидеть только несколько церквей вдоль дороги.

{После целого месяца путешествия в 9 часов приехали мы наконец в Тифлис. Для Грибоедова были приготовлены комнаты в доме графа Паскевича; нас отвели в один частный дом, где мы нашли 3 комнаты без мебели и без оконных рам.} Все их содержимое составляли одна постель, полная клопов, стол и стул. Я, сняв пальто, сразу ушел, чтобы отыскать Фрица Коцебу. После вопросов о губернаторе один грузин повел меня по улочкам со множеством освещенных жилищ к дому генерала Ховена. Здесь во дворе я встретил кого-то, у него в темноте и спросил о Фрице; представь себе мою радость — это был сам Коцебу. Он предложил мне переночевать у Ховенов, и я согласился, т. к. другого пристанища у меня не было. Мы с ним спали на галерее, и никто не знал, что я здесь. Мне было странно, что я в Тифлисе; я часто забывался сном, и вновь из-за духоты просыпался, снова ощущал себя здесь. Ночь была очень темной — только несколько молний позволили разглядеть Куру, над которой расположен дом, и, на другом берегу наискосок, — крепость. После долгого бодрствования я наконец заснул под шум реки.

{На другой день нам отвели помещение тоже в доме Паскевича, так как другого подходящего не было. Надев парадную форму, отправился я с Мальцовым представляться Сипягину.} Он встретил нас в своем кабинете, сидя за письменным столом, и, задав несколько вопросов, отпустил. {В этот день, так же как и все время, когда Грибоедов был тут, обедали мы у него. Он держал уже стол á la Ministre: шампанское, ананасы, мороженое и прочее подавалось постоянно; но обедающих было мало, один или двое посторонних, не больше.} Фриц Коцебу представил меня у Ховенов. Старый Ховен — прекрасный, искренний человек, который сразу сказал, что я буду жить у него. Его дочь, жена Морица,³⁴ очень милая женщина, как и ее брат,³⁵ служащий адъютантом у Сипягина. Но больше всех мне нравится Пауль Коцебу, у которого многосторонние интересы. Мы часто вспоминаем время, проведенное нами в гимназии,³⁶ или говорим о наших семьях. Большую часть времени я беседую с ним. Его путешествие до Исфахана для освобождения пленных³⁷ дает ему богатый материал для рассказов.

{7-го июля я провел **утро**³⁸ у Мальцова, с которым мы отправились обедать к Грибоедову; вечер провел я **довольно**³⁹ приятно у Ховенов, где были гвардейские офицеры. 8-го выступили отсюда с персидским золотом два гвардейских батальона; в декабре они будут в Петербурге.} Я провел свой день рождения очень тихо — впервые я не праздновал дома. Мы долго думали, что мы будем делать в этот день (Фриц и я) — однако ничего не придумали — в воскресенье было много по-мех; в частности, для получения лошадей, т. к. мы хотели совершить прогулку за город. Так как прошло уже много времени, и я вам не пи-

сал, то я расскажу только о днях, когда происходило что-нибудь интересное.

Я пропущу сразу один день и перейду к 10 июля.

10 июля я купил у одного из курьеров миссии лошадь, на которой поеду в Тегеран. Это персидский жеребец, если и не особенно красивый, то сильный и послушный. Я заплатил 15 дукатов,⁴⁰ а за новое персидское седло — 5 дукатов. В тот же день я нанял также слугу, который пять лет служил у Мазаровича,⁴¹ и он постирал мне белье; он говорит на татарском; я плачу ему 4 дуката в месяц,⁴² что кажется довольно дорого, но это не так, т. к. обычный слуга в Персии получает 2 дуката и обслуживает только одного. К тому же моего слугу знает Грибоедов и переводчики,⁴³ и они мне его очень рекомендовали, так что у меня — хороший слуга. Здесь, в Тифлисе, он ухаживает за моей лошастью, он хорошо стирает и довольно быстро.

{11-го июля управление Сипягина давало завтрак по случаю освящения своего нового помещения; я также был приглашен}, поскольку я познакомился с несколькими его молодыми служащими. {Самого Сипягина не было, так как он был в отъезде.} Среди гостей были генерал Ховен, полицмейстер и другие. {Все было очень прилично и окончилось шампанским}, которое пили за здоровье военного и гражданского губернаторов.⁴⁴ {В то время как Грибоедов обедал, я работал по его поручению в комнате Мальцова, так как уже закусил хорошо. Вечером я был дома, т. е. у Ховенов, куда пришел и Грибоедов.

12-го, в 5 часов утра, я был с Коцебу в монастырской церкви}, которая расположена на горе за Тифлисом и куда каждый четверг совершают паломничества грузинки. Путь туда очень крутой и неудобный, и ничем не вознаграждается. Это маленькая церковь, где нет ничего достопримечательного. {Весь день пробыл я у Грибоедова за работой, было много дела, так как он на другой день должен был ехать в главную квартиру. Вечером, получив от него инструкции, я с ним простился.

Утром 13-го он уехал с Мальцовым. Хотя мне было **бы** интересно повидать лагерь и особенно войну, **но**, с другой стороны, я был рад, что он оставил меня здесь.} Иначе я не виделся бы ни с Фрицем, ни с Паулем Коцебу. {Таким образом, я живу здесь спокойно и приятно и только желаю, чтоб так продолжалось подольше.} У меня снова мало времени, и я должен написать для будущей почты. На этот раз я не получил никакой почты — не произошло ли что-нибудь в Департаменте? — до сих пор у меня только одно письмо от тебя, два от Александрины и одно от Александра. Так что твое последнее письмо — это письмо от 17 июня, и я с тех пор не знаю, как ты себя чувствуешь. Внутри письма две монеты, из которых медную я купил за 1,6 рубля в лавке, а золотую монету я выменял за один дукат. Будь так добр, деньги запиши в мои расходы. Сердечные приветы всем в Петербурге и Ревеле, а также Вирстам.⁴⁵ Я здоров и доволен. КА

¹ Элизабетталь — поселок (колония) в 20 км от Тифлиса, близ Асурети, основан в 1817—1818 гг. 69 pietистами — выходцами из Вюртемберга.

² Мензенкамф Иван Иванович (1792—1860) — сын капитана русской службы из лифляндских дворян. Отставной лейтенант флота, он дослужился до статского советника (Десимон С. Де-Симон Н. И. похоронена на Верхнем хуторе Де-Симон (ныне поселок Прогресс). Сайт De Simon family. Эл. ресурс, дата доступа 11 авг. 2020 г., <https://desimon.family/blog/n-i-pokhoronena-na-verkhnem-khutore>, далее — Десимон). В 1828 г. — в чине коллежского асессора стал старшим членом в Конторе управления поселенными в Грузии колонистами с годовым жалованьем в 450 рублей серебром (Высочайший указ от 17 апр. 1819 по 1-му департаменту Правительствующего сената).

³ В переводе 1946 г.: дошли.

⁴ В переводе 1946 г.: очень высокие.

⁵ В переводе 1946 г.: от одного.

⁶ В переводе 1946 г.: обеде.

⁷ В переводе 1946 г.: единственной.

⁸ В переводе 1946 г.: подошел.

⁹ В переводе 1946 г.: прорыва.

¹⁰ В переводе 1946 г.: дорогу.

¹¹ В переводе 1946 г.: отложены.

¹² В переводе 1946 г.: солдатами и осетинами.

¹³ В переводе 1946 г.: сесть в экипаж и.

¹⁴ Древнее село, появившееся в котловине у перевала колесной дороги в Закавказье. В начале XIX в. здесь проживали осетины, грузины и армяне.

¹⁵ Чилашвили (Чиляев, Челяев) Борис Гаврилович (1798—1850) был в 1826 г. комендантом пограничной Карабагской провинции, одним из 6 офицеров, руководивших обороной крепости Шуши при ее осаде персиянами. Был лично известен Аббас-Мирзе, и именно его вытребовали в заложники после отказа русских сдать крепость (Андреев В. Воспоминания из кавказской старины // Кавказский сборник. 1876. Т. 1. С. 21, далее — Андреев). В 1828 г. — правитель горских народов Военно-Грузинской дороги. В 1829 г. — майор; участник походов против горских народов 1830—1850 гг. (Потто. С. 578—579, 582, 584, 1110). В чине генерал-майора командовал Лезгинской пограничной линией.

¹⁶ Это были офицеры ЛГ Сводного полка, собранного из нижних чинов Гвардейского Флотского экипажа, ЛГ Московского и ЛГ Гренадерского полков, вышедших на площадь 14 дек. 1825 г. Этот полк отправился из Санкт-Петербурга в конце февр. 1826 г., дождался начала навигации в Рыбинске, сплавился по Волге до Астрахани, Каспием прибыл в середине июля 1826 г. к Шандруковой пристани (вблизи Кизляра). ЛГ Сводный полк блестяще зарекомендовал себя взятием Аббас-Абада, Сардар-Абада и Еревана. 8 июля 1828 г. полк из Тифлиса выступил сухопутным путем через Москву в Санкт-Петербург, куда прибыл 8 дек. 1828 г. От Тебриза до Ахса на Дону полк конвоировал персидское золото, а до Санкт-Петербурга — остальные трофеи.

¹⁷ Первоначально размер контрибуции, затребованной Паскевичем, был 15 куруров золотых туманов (7,5 млн туманов, или 30 млн рублей серебром). Однако вскоре сумма была сокращена до 10 куруров, причем первые пять должны были быть уплачены до подписания мирного договора. Затем переговоры были прерваны, а когда 10 февр. 1828 г. подписали Туркманчайский мир, то до выплаты 7 куруров российские войска оставались в Тебризе; в обеспечении 8-го курура войска остались в Хойской провинции, а уплата последних двух (9-го и 10-го куруров) была отложена на несколько лет (Потто. С. 745, 757). Россия нуждалась не только

в деньгах для планируемой войны с Турцией, но и в войсках, задерживающихся в Персии для обеспечения этой выплаты. Одной из задач посольства Грибоедова было получение 8-го курура, уплату которого персияне предлагали провести продовольствием и фуражом.

¹⁸ *Веригин Николай Иванович* (1805—1875) — офицер ЛГ Сводного полка в 1826—1828 гг., старший брат будущего генерал-адъютанта и историка *Веригина Александра Ивановича* (1807—1891). В числе группы младших офицеров был отправлен на Кавказ вместе с солдатами ЛГ Московского полка, отказавшимися пере-присягать Николаю I. Подпоручик Веригин 14 дек. 1825 г. оставался в казармах вместе с основной частью полка. Был произведен в поручики 3 нояб. 1827 г.; 2 дек. 1827 г. получил высочайшую благодарность за осаду Аббас-Абада, а 7 марта 1828 г. — орден Св. Владимир 4 степ. Вместе с полком вернулся в Санкт-Петербург.

¹⁹ В переводе 1946 г.: 34-х.

²⁰ В переводе 1946 г.: грузинские.

²¹ В переводе 1946 г.: чтоб напасть на проезжающих.

²² В переводе 1946 г.: другой день.

²³ Таким искажением топонима возмущался и П. Зубов (*Зубов*. Ч. 2. С. 171). Он утверждал, что крест поставлен над могилой управляющего горскими народами.

²⁴ В 1794 г. из Санкт-Петербурга Ф. П. Аделунг отправился в путешествие по Рейну (РОИВР РАН, ф. 1, оп. 1, № 14, л. 22); очевидно, по своему обыкновению, он приобрел там графический материал, который позднее рассматривал дома с детьми.

²⁵ К. Аделунг не привередлив: отвратительные бытовые условия для проезжающих по Военно-грузинской дороге (холод, нехватка мест в помещениях и их антисанитария, дороговизна припасов и услуг носильщиков) отмечали и другие авторы (см.: *Зубов*. Ч. 2. С. 181—186).

²⁶ В переводе 1946 г.: что.

²⁷ В переводе 1946 г.: была за картина.

²⁸ По сегодняшний день наиболее распространенный сортотип выращиваемых в Турции огурцов — Анатолийский с серповидным зеленцом. Однако юмор ситуации имеет не ботаническую, а культурологическую окраску: как и в других культурах Востока, не растерявших архаичные корни, встреча и приветствие гостя связано с поднесением подарка. Форма плода турецкого огурца («бута», «слеза Аллаха») символизирует жизнь и благополучие.

²⁹ В переводе 1946 г.: В Гартискаре.

³⁰ Известны имена пяти курьеров миссии Грибоедова: двое были ранены, но выжили во время разгрома посольства, и трое погибли. Маловероятно, что их было всего пятеро, и кто из них уже ожидал посольство в Тифлисе — неизвестно. См.: *Дмитриев*. С. 608.

³¹ В переводе 1946 г.: чиновники подъезжали.

³² *Шаумбург Иван Христофорович* (1801—1853) — сын придворного музыканта, одноклассник Фрица Аделунга по Губернской гимназии. Окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета в первом выпуске; в июне 1823 г. был причислен к МИД и отправлен в 1824 г. драгоманом в Тебриз, под начало консула С. И. Мазаровича. В 1826—1827 гг. работал в посольстве А. С. Меншикова, в военные 1827—1828 гг. — переводчик в штабе Паскевича. Летом 1829 г. Шаумбург сопровождал «извинительную» персидскую делегацию в Санкт-Петербург, после чего (отслужив положенные казеннокоштному студенту 6 лет) вышел в отставку и до своей смерти (от холеры) преподавал географию в различных учебных заведениях столицы. Был дважды женат и имел 4 детей (ЦГИА СПб., ф. 268, оп. 1, № 13215, л. 4, 5, 8—12).

³³ В переводе 1946 г.: развалин.

³⁴ *Коцебу Мориц (Маврикий Евстафьевич)* (1788—1861) — третий сын Августа Коцебу. Как и его старший брат Отто, волонтером поступил на шлюп «Надежда» и участвовал в первой российской кругосветке под командованием родственника своей мачехи И. Ф. Крузенштерна. Участник войн 4-й коалиции и Отечественной войны, на которой попал в плен. Вернувшись из плена в 1816 г., стажировался у академика Ф. И. Шуберта, был прикомандирован как астроном и картограф в посольство А. П. Ермолова в Персию. В 1828 г. — обер-квартирмейстер отдельного Кавказского корпуса, полковник, проводил многочисленные топографические съемки на Кавказе и в Закавказье. Вскоре был смещен Паскевичем со своей должности за неуместный, по мнению неуживчивого командующего, совет не держать войска летом в долинах Закавказья (*Андреев*. С. 6). Грибоедов неоднократно упоминал Морица в своих письмах, и неизменно — с отрицательной коннотацией. Возможно, причиной была информация о неодобрительных отношениях несовершеннолетнего М. Коцебу с членами кругосветной экспедиции Е. К. Фридрихи и К. Ф. Эсленбергом (Первая русская кругосветная экспедиция 1803—1806 в дневниках Макара Ратманова / Отв. ред. О. М. Федорова. СПб., 2015. С. 384).

³⁵ *Ховен Роман Романович* (род. между 1807/1809 гг.) учился в Царскосельском благородном пансионе 4 года, вышел в 1825 г. в ЛГ Гренадерский полк и за неделю до декабрьского восстания был произведен в прапорщики. В составе ЛГ Сводного полка принял участие в Персидской войне, получил благодарность за взятие Аббасабада, одним из первых со своєю ротой ворвался в брешь Ереванской крепости 1 окт. 1827 г. и был назначен ординарцем к генералу Давыдову; в марте 1828 награжден орденом Св. Анны 3 степени, после чего был прикомандирован к генералу Сипягину (*Скрутковский С.Э.* ЛГ Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. СПб., 1896. С. 43). Всю жизнь служил на Кавказе, вышел в отставку в 1861 г. генерал-майором. Будучи с 1852 г. комендантом Бакинской крепости, много занимался озеленением и благоустройством этого города.

³⁶ Пауль Коцебу со своим старшим братом *Коцебу Августом Юлием* (1799—1876) жили в пансионе Санкт-Петербургской Губернской гимназии вместе с братьями Аделунгами.

³⁷ Розыск и возвращение пленных были не только опасными, но и морально нелегким: кроме похищенных и пленных, в Персии было много дезертиров российской армии, которых также стремились вернуть. По окончании Персидской войны и объявлении о возвращении войск в Россию массовые побеги к персиянам удалось несколько сократить только объявлением премии в 10 червонцев (120 рублей) за донос на дезертира (см.: *Гангеблов*. С. 166). О психологической травме, полученной при возвращении этой категории пленных, писал Грибоедов (письма Мазаровичу от 11 сент., 13 сент. и 6 окт. 1819 г. (ПСС. С. 28—41)). Как далее следует из писем К. Аделунга и из письма Грибоедова (письмо Нессельроде от 26 июля 1828 г. (ПСС. С. 218—221)), тяжело было этим заниматься и П. Е. Коцебу.

³⁸ В переводе 1946 г.: день.

³⁹ В переводе 1946 г.: очень.

⁴⁰ В это время 1 дукат равнялся примерно 3,2 рублей серебром, или 12 рублей ассигнациями. То есть конь с седлом обошлись почти в 240 рублей, что составляло почти $\frac{3}{4}$ месячного оклада К. Аделунга. Голландские дукаты тайно изготавливали на Санкт-Петербургском монетном дворе вплоть до 1868 г. для выплаты жалованья воевавшим и служившим на Востоке и Польше.

⁴¹ *Мазарович Семен Иванович* (?—1852), венецианец сербского происхождения, служил в России врачом и был выбран «за расторопность» А. П. Ермоловым на вакантное место поверенного в делах в его персидское посольство в 1818 г. Оставался поверенным в делах в Тебризе до 1826 г. и был смещен после отставки генерала

Ермолова. В 1828—1830 гг. — статский советник, чиновник по особым поручениям у И. Ф. Паскевича, потом — в центральном аппарате Азиатского департамента.

⁴² В продолжение всех российско-персидских переговоров в Туркманчае принц Аббас-Мирза получал от российской стороны 50 дукаатов ежедневно (РО ИВР РАН., ф. 17, оп. 1, № 43, л. 34).

⁴³ В миссии Грибоедова переводчиками были: Мелик-Шахназаров мирза-Нариман, Василий Дадашев (Дадаш-бек), Петр Калатозов (Калатозишвили), Василий Яковлевич Ваценко (в дек. 1828 г. он остался в Тебризе) (*Дмитриев*. С. 608). Ваценко был принят на службу только в авг. 1828 г., однако он мог знать бытовые подробности Мазаровича, так как его отец, Я. К. Ваценко, был российским консулом в Тегеране в 1821—1825 гг. (то есть тогда, когда поверенным в Тебризе был Мазарович).

⁴⁴ Гражданского — Р. И. Ховена; военного — Н. М. Сипягина.

⁴⁵ *Вирст Фридрих Готфрид (Федор Христианович)* (иногда, особенно в делопроизводстве ИАН, его имя писали как Вюрст) (1763—1831) — действительный статский советник, уроженец Берлина, с 1828 г. — почетный член ИАН, купец, управляющий таможенным округом, экономист, профессор Шляхетского кадетского корпуса, заведующий статистическим отделением МВД. В 1826 г. стал кавалером ордена Св. Владимира 2 ст. Автор нескольких книг по экономике России, часть тиража которых он дарил российским университетам (ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, № 3054, л. 4). Настойчиво пропагандировал необходимость торгового доминирования России на Черном море (*Головко Ю. И.* Труды исторического факультета СПбГУ. 2014. № 17. С. 83—107). Он живо интересовался возможностью морской торговли с Китаем (*Сопленков С. В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. М., 2000. С. 17). Был трижды женат; его сын от первого брака был немного старше К. Аделунга. Очевидно, Вирсты были добрыми знакомыми не только Аделунгов, но и Коцебу — они забирали гимназистов Августа и Пауля Коцебу из пансиона на каникулах, когда их отец жил за границей (*Kotzebue*. P. 5).

{№ 11.Тифлис. 3-го августа 1828.}

Дорогой отец, сердечно благодарю тебя за письмо № 2; я получил его здесь вместе с письмами Александрины и Александра, пришедших попозже — я нашел их здесь вечером, когда вернулся из колонии Элизабетталь. Читал их в хронологическом порядке, т. е. письмо Александрины от 1 июля первым; в нем она сообщает, что мама простудилась, и я очень обеспокоился, но твое письмо меня успокоило, и я обрадовался, что вы снова все здоровы. Также хорошие вести о Фрице¹ обрадовали меня: то, как он доволен, что они приближаются к своей цели. Монеты, посланные тебе, ты, вероятно, получил. Еще у меня есть 15 медных монет, которые недавно попались мне в лавках и которые я купил, т. к. их выторговал за 1 руб. 60 коп. Если появится возможность, то pošлю их тебе. Что касается больших золотых монет, то я не забуду поговорить о них с Грибоедовым после его возвращения. Вот уже 4 недели как я в Тифлисе и половину времени провел не здесь. Я у Ховенов познакомился с господином Мензенкампом, президентом канцелярии администрации по управлению немецкими колониями в Грузии. Он настолько приятный человек, что мне кажется, что я его знаю давно.

14 июля я и Ф. Коцебу поехали верхом к нему в колонию. Я ехал на своем смирном жеребце. Путь в колонию Элизабетталь, что в 20 верстах от Тифлиса, идет большей частью через горы, и места очаровательны. Сразу, как покидаешь город, видна скалистая гора высотой в 2 версты, и с этой вершины виден весь город у ее подножия.² На полпути вниз есть трудный участок, так что мы сочли целесообразным спуститься вниз пешком. Здесь я впервые увидел черепаху в ее естественной среде — она была длиной приблизительно в $\frac{3}{4}$ фута и довольно широкая. Я поднял ее с земли, чтобы показать Коцебу, шедшему впереди, — она пыталась защищаться когтями и, когда я перевернул ее на спину и понес, она пыталась защититься, как это делают лисы,³ — я ее тотчас перевернул.

В час полудни мы достигли колонии и были тепло встречены. Жена Мензенкампа⁴ — полька — молодая, красивая и любезная. Самое прекрасное, что при встрече не было формальностей — я с первых минут почувствовал себя как дома. Колония расположена в очень красивой долине с чистым хорошим воздухом, которым невозможно не наслаждаться после духоты и жары Тифлиса. Особенно приятно мне было находиться среди немцев и слышать немецкую речь.

15 июля верхом с Коцебу мы поехали к руинам одной находящейся поблизости церкви, местоположение которой он знал. Мы скакали по живописным местам верст восемь через горы, однако церкви не нашли. Хотя мы и не достигли цели своей верховой прогулки, я был очень доволен, т. к. мы увидели живописные места, и я опять заметил похожую на вчерашнюю черепаху. Почти каждый день я знакомлюсь с новыми, известными мне по книгам (особенно книгам Бертуха⁵), растениями. Так, я увидел здесь кизил,⁶ айву и много видов сливы. К сожалению, все фрукты еще не успели и потому несъедобны.

В понедельник утром, 16-го⁷, мы отправились с Мензенкампом и молодым Бароцци⁸ в путь к городу; небо было покрыто черными тучами, закрывавшими все вершины гор и грозившими скорым дождем. Мы проехали несколько верст, когда небо вовсе потемнело, и Мензенкамп уговорил нас вернуться. После некоторых споров мы решили вернуться в Элизабетталь, и дождь нас пощадил. Я не пожалел о возвращении, т. к. в этот день я познакомился с двумя проповедниками, из которых один — пастор Вёр⁹ — мне особенно понравился. Он вырос в Базеле и приехал как миссионер в Шушу в Карабахе, где он находился и в 1826 г. во время ее осады.¹⁰ Я беседую с ним с удовольствием и все больше ценю его и люблю. Он много рассказал мне о Зарембе,¹¹ с которым он znalся в Шуше, где тот и остался.

После обеда мы сделали еще одну попытку найти руину. На этот раз мы отправились в другую сторону, но опять не нашли ее. Мы проезжали через дикие места, которые были прекрасны. Одно место было особенно красивым и пугающим — путь вел между высокими крутыми скалами через кусты и поросли все глубже в джунгли и так далеко, что

мы под конец не могли продолжать движение из-за сплошных зарослей. Нам было жаль, что мы не можем двигаться дальше, но мы повернули назад. Высоко в горах на небольшом плато я увидел первый гигантский платан. Ствол внизу, где не было ветвей, около 5—6 аршин,¹² потом делится на два, покрытых красивейшей листвой. Конечно, ему несколько веков.

На другой день, 17-го,¹³ мы поскакали в город. Наша компания состояла из двух проповедников — Вёра и Залтета,¹⁴ Мензенкампфа, одного колониста, который был проводником, и меня. Фриц Коцебу и Бароцци уехали еще утром. Наша кавалькада двигалась очень медленно, 20 верст мы проехали за 6 часов, однако это время прошло в разговорах незаметно. На полпути мы подкрепились около горного родника хлебом и вином.

{**Прибыв в город в 9 часов вечера, я сразу поскакал**¹⁵ на квартиру Грибоедова, чтобы сдать лошадь **моему слуге**.¹⁶ Въехав¹⁷ во двор, я увидел большое количество поклажи; когда я спросил, чьи это вещи, мне ответили: «Грибоедова». Я подумал, что он распорядился их послать вслед за ним в главную квартиру. Но как же я был удивлен, когда услышал у Ховенов, что он возвратился еще 14-го, так как лошади, отъехав 50 верст, не захотели идти дальше. Утром на другой день я снова пошел к нему, чтобы с ним поговорить; к сожалению, я уже не застал его, так как незадолго до моего прихода он уехал опять. **Вернется**¹⁸ ли он в Тифлис и когда — пока неизвестно; до сих пор от него нет известий. Офицер, доставивший из Ахалкалака¹⁹ знамена, встретил его в этой крепости; он ехал тогда из Карса,²⁰ где он думал найти Паскевича, в Ахалцых,²¹ который окружен и перед которым находится главная квартира. Также меня очень ошеломило известие о том, что Грибоедов женится. Его будущая жена — молодая шестнадцатилетняя княжна Нина Чавчавадзе; **говорят**, она очень любезна, очень красива и **широко**²² образованна. Эта женитьба, естественно, **придаст**²³ совсем иной характер нашему обществу в Персии, и я думаю, что я **должен радоваться**²⁴ этой перемене. О свадьбе я ничего не узнал; говорят, что если он сейчас не вернется в Тифлис, то свадьба состоится в декабре. Несомненно, известия о нем придут на днях, и тогда все разъяснится.

Так как я увидел, что мне нечего больше делать в Тифлисе, а Мензенкампф звал меня ехать с ним вместе, я решил на это}, хотя я еще должен вам рассказать о многом, что еще не описал. Но я думаю, вы будете снисходительны — я ведь сообщал о себе, хотя и кратко; я убежден, что вы извините мои развлечения. Около 9 вечера при лунном сиянии мы с Мензенкампфом спокойно выехали. В колонии, куда мы прибыли в 2 часа ночи, нас угостили чаем. Я пробыл в колонии до 24 июля и наслаждался тихой жизнью среди прекрасной природы и чистым воздухом. После обеда я сопровождал Мензенкампфа, который осматривал границы колонии. Мы проскакали около восьми верст, когда нас настиг сильный дождь. Мензенкампф не мог скакать

быстро, т. к. это ему запрещено, — я его оставил и помчался быстрым галопом, так что прибыл на час раньше его и потому не так промок. До дождя мы много беседовали о Петербурге и наших общих знакомых: он знает Вирста, Шамбо,²⁵ Лобенвейна²⁶ и многих из известных мне петербуржцев.

22 июля, в воскресенье, мы опять, в третий раз, пытались найти руину — на этот раз нас сопровождал колонист, знающий дорогу. Наша компания состояла из генеральши Тухолки,²⁷ которая переехала в колонию на некоторое время, из полковника Унгерна,²⁸ пожилой мадмуазели, которая ведет хозяйство у Мензенкампфа, и меня. Мы проехали верхом около полутора часов, пока нас снова не остановили заросли. Живописная местность и природа не дали нам почувствовать досаду. Полковник Унгерн служил раньше в гусарской гвардии и вспомнил, что иногда видал тебя в Царском у Энгельгардтов.

В понедельник утром 23²⁹ приехали к Мензенкампфам несколько грузин с жалобой, что колонисты косили траву на их земле, и потребовали, чтобы он сам в этом убедился. Я сопровождал кавалькаду из семи человек (вместе с нами) — мы скакали около трех часов, и я беседовал с генеральшей. Среди приехавших был и князь Баратов³⁰ — известный как крестьянин, который рассказывал мне о прежних временах в Грузии. Он показал мне место, где раньше стоял замок его отца, от которого ничего не осталось — 30 лет назад его разрушили турки.³¹ Также я увидел платан (чинар — я его описал вам раньше), под которым часто сидел предпоследний царь Ираклий,³² когда он бывал на охоте.

Вечером мы (Мензенкампфы, пастор Вёр и я) совершили большую пешую прогулку в виноградники колонии, которые расположены у ручья в очень красивой долине. Я раньше не мог вообразить таких виноградников. Здесь я увидел их в полном изобилии. Колонисты посадили дикий виноград, который облагородила местная плодородная земля. Я заметил здесь стволы толщиной от 1 до 4 дюймов.

Во вторник³³ после обеда я поехал верхом с Мензенкампфом в город. Каждый раз при поездке верхом я замечаю новые растения — на этот раз у ручья я увидел дикий виноград, финики и плющ. Все совсем иное, чем у нас, и все такое свежее и необыкновенно мощное. Ужинал я у Ховенов, где меня встретили, как всегда, очень приветливо: это прекрасные люди, и я благодарю Бога за то, как они меня хорошо принимают.

Дни с 25 по 28³⁴ я использовал для всяких необходимых дел. Я заказал себе шлафрок, архалук³⁵ типа шелковой венгерки без шнурков и панталон, который здесь носят утром дома и который необыкновенно легок, — его я заказал для Персии. Кроме того, я купил себе азиатскую саблю, бурку, походный складной столик, походную постель с выючными ремнями и т. д. и т. д. В ближайшее время я также пришлю список всего этого с ценами — это, возможно, заинтересует вас.

28³⁶ я напрасно ждал весь день своего слугу, пока вечером не узнал, что он находится в полиции — я сразу пошел туда. Поговорил с ним и выяснил, что его господин, князь Бебутов, сдал его туда. Я посетил дом князя, но не застал его дома. На другое утро нашел его и узнал, что он посадил его только для надежности, т. к. теперь все состояние семьи делят братья Бебутовы,³⁷ и он боялся, что они потеряют этого человека. После моей беготни от 7 до 12 часов к четырем князьям, в полицию и т. д., после того, как я выкупил слугу на год за 10 рублей золотом, мне удалось вызволить его. Кроме того, его хозяин написал мне гарантию, что он может оставаться у меня столько времени, сколько я хочу, и что я могу продлевать с оплатой этот выкуп настолько, насколько хочу. Я был немало рад, когда я вернул его — иначе мне было бы трудно нанять приличного человека, которого все хвалят. Сейчас он мне особенно полезен, т. к. он мне большую часть дел выполняет быстро и хорошо. Я очень хотел бы взять его с собой по возвращении в Петербург.

Вечером я поехал снова с Мензенкампом в колонию для смены впечатлений. Ты видишь, как я развлекаюсь, — я использую все свободное время для загородной жизни, и т. к. этим, как мне кажется, никого не затрудняю и меня встречают с удовольствием, то делаю это без зазрения совести так часто, как только могу. Опять мы верхом выехали вечером в 8 часов и вернулись ночью.

30-го³⁸ мы предприняли еще одну попытку отыскать руину, и наша компания состояла из пастора Вёра, служанки Мензенкампа, Фрица Коцебу, проводника и меня. Наконец мы нашли руину и были вознаграждены за наши усилия. Это развалина бывшей церкви, 4 стены которой из белого песчаника еще стоят; снаружи местами тонкая резьба в готическом стиле и ряд надписей, которые были высечены позднее, т. к. они расположены на камнях совсем без симметрии. В алтаре можно видеть хорошо сохранившиеся рисованные фигуры Христа, Марии, апостолов и святых в полный рост — краски еще яркие. Они напоминают немного фигуры на новгородских воротах — такие же тонкие и вытянутые, с застывшими кистями рук и каноническими лицами. Крыши уже нет, только несколько сводов в соседних помещениях еще целы. В маленьком темном помещении часовни, почти без света, мы нашли подобие каменного алтаря и маленькую складную иконку из меди, какие часто бывают у русских. На ней были русские или славянские надписи. Она казалась нестарой, по крайней мере, это подтверждает новизна ее ленточки. Мы почтили ее и оставили здесь — возможно, владелец вернется и будет думать, что она хорошо сохраняется. Перед церковью мы позавтракали на природе — хлеб, сыр, огурцы и грузинское вино были превосходны. На десерт мы собрали дикие белые и красные сливы, довольно приличные, терн и кизил, растущие в изобилии. Айва, которую мы тут нашли, еще совершенно не поспела.

Я возвращался с Фрицем Коцебу рысцой, потом галопом, так что мы вернулись раньше остальных. В день рождения матери Коцебу³⁹

мы пили от всего сердца у церкви за ее здоровье (как и все из наших семей).

Хотя во вторник утром, 31,⁴⁰ Фриц Коцебу поскакал в город, я остался в колонии, т. к. Мензенкамф предложил мне поехать в колонию Катариненфельд,⁴¹ и я согласился. Эта колония находится приблизительно на 25-й версте от Элизабеттала к юго-западу, неподалеку от Квеша.⁴² Путь туда идет почти везде по равнине, пока не спускаешься по трудной дороге с горы вниз к реке Кции. Здесь, на реке, настоящий сад и одно из самых прекрасных мест. Мы отдыхали здесь часа полтора, искупались в реке, которая в середине доходит до колен, и отправились в путь.

{В **Катариненфельде**⁴³ я до позднего вечера беседовал с колонистами об их несчастьи, происшедшем в 1826 г. На эту деревню 14 августа напало около 600 курдов, турок и персов; их привели татары из соседних деревень; бóльшая часть домов была разрушена; около 50 колонистов были **убиты**;⁴⁴ многие увезены в плен, остальные разбежались и только в минувшем октябре возвратились домой.⁴⁵ Узнав, что я еду с Грибоедовым в Персию, они настоятельно просили меня позаботиться об их родственниках. Они мне дадут **список**⁴⁶ находящихся в плену колонистов, и я, конечно, сделаю все возможное, чтоб помочь этим несчастным;⁴⁷ Грибоедов также сделает для них, несомненно, все, что будет в его силах.} Пауль Коцебу уже вернул многих из Персии, но еще большое количество плененных и проданных в Персию и Турцию томятся там.

Насколько я враг блох, но все же за ночь в этой колонии я им благодарен. Староста колонии Шульц предоставил мне свою супружескую постель вместе с блохами; и эти блохи ввели меня в некоторое волнение, приведшее к самым приятным сновидениям. Я оказывался то в Петербурге, то в Ревеле, и, хотя меня часто будили черные гусары, я снова засыпал и снова продолжал видеть эти сны. В конце концов я проснулся с громким смехом, так что Мензенкамф проснулся, вскочил и решил, что я заболел. А я видел во сне, что Александрина и Александр показывали мне всевозможные шутки, и это так живо, как наяву, так что я не мог не смеяться от всей души.

1 августа, пока Мензенкамф занимался колонистами, я поехал верхом, вооруженный саблей вместе с вооруженным винтовкой и пистолетами провожатым, чтобы поблизости осмотреть несколько старинных церквей, т. к. местность небезопасна из-за татар. Здесь, в 10 верстах от колонии, я увидел 6 руин церквей, из которых несколько очень интересны. Одна имела уцелевшие своды, которые покоятся на 8 колоннах, и другая имела наполовину уцелевшие картины из Св. истории. Татары зимой держат скот в церквях и разводят там огонь, от которого все чернеет и уничтожается живопись. Следовало бы положить конец этому неслыханному варварству. В последнюю церковь, которую я осмотрел, меня сопровождал один армянин из соседней дерев-

ни — он показал мне несколько могил армянских царей; по крайней мере, надгробия с высеченными на камнях изображениями представляли собой их фигуры, т. к. у них были короны, жезлы и державы. Этот армянин пригласил меня потом перекусить у него, и, как я ни пытался отказаться, т. к. было уже поздно, и я не хотел задерживать Мензенкампа, пришлось согласиться. Он угощал меня перед саклей (земляной хижиной) красивой дыней, медом и лепешками. Все было превосходно и утолило как мою жажду, так и мой голод. При прощании этот добрый старик извинялся, что не смог предложить мне больше — ведь это составляло все, что было у него в запасе. Господь, вознагради его за доброту!

{Позавчера, 1-го августа, после обеда вернулись мы в **Элизабетталь**,⁴⁸ откуда я один поехал в Тифлис.}

Ты видишь, я доволен и живу с удовольствием. У меня всего достаточно, однако разве есть такие люди, кому не хотелось бы иметь что-то заветное? И как счастлив я по сравнению с тысячами других! Я тебе должен написать отдельное письмо и поэтому у меня нет времени ответить Александрине и Александру; пусть они не обижаются — я хочу попытаться организовать действительно хорошее дело.

На будущей неделе я обязательно напишу. Привет всем: Шерерам, Вирстам, Мэтью и Шницлеру,⁴⁹ если вы ему пишете. Я совершенно здоров и доволен, насколько можно быть здоровым и радостным. Вечно твой преданный я. КА

Тифлис 3 августа 1828.

Дорогой отец,

Ты, конечно, удивишься, когда найдешь под печатью управляющего колониями мое письмо. В Элизабеттале я много беседовал с пастором Вёром о средствах для завершения строительства здешней церкви⁵⁰ и как найти эти необходимые средства. В связи с этим я вспомнил о Конvente Петрикирхе,⁵¹ который, по твоему предложению, мог бы помочь общине в Элизабеттале финансами. Кроме того, я хотел попытаться, пользуясь твоей добротой, устроить в Петербурге частный сбор денег, благодаря которому я мог бы помочь этой колонии. Но я оставляю это, разумеется, на твое усмотрение и думаю, что ты это одобришь. Но я собираюсь сделать доброе дело и сделаю все, что в моих силах, и, мне кажется, это не останется незамеченным. Если ты соберешь что-нибудь (ведь в Петербурге достаточно людей, которые не очень любят поддерживать дела такого рода — как, например, барон Штакельберг и т. д.), то будь добр, пришли 100 руб. управляющему здешних колоний и закончи сбор, если возможно, к декабрю.

Кроме того, у меня еще одна просьба в отношении церкви колонии (мне не стыдно в таком деле не стесняться): здесь не хватает художников, а они хотят в церкви иметь Распятие и Вознесение. Не был бы Гиппиус⁵² так добр, чтобы сделать хорошее дело: исполнить и подарить картины колонии? Каждая должна быть высотой 2 аршина и со-

ответственной ширины. Так как Гиппиус еще в Ревеле, то пусть Ени и Александрина окажут мне услугу и попросят его об этом — может, он откликнется на их просьбу? Как бы я был счастлив, если б мне удалось что-то из этого. Однако человек полагает, а Бог располагает. Я жду с нетерпением ответа на это. Я прошу только срочно начать сбор средств, для чего предназначена шнурованная книга,⁵³ в которой будет изложено это более подробно.

Твой любящий и преданный сын. АК

Адрес управляющего конторой: <В Контору Управления поселенными в Грузии колонистами в Тифл.> и в нем: <Его Высокоблагородию Ивану Иванову Мензенкампу.>⁵⁴

¹ Ф. Ф. Аделунг, в это время с гвардией почти достигший Варны.

² Тифлис расположен в котловине Куры; его наивысшая точка — крепость Нарикала и находящийся в ней монастырь Св. Давида стоят на высоте 721 м. Две версты — около 2150 метров.

³ Не только некоторые млекопитающие, но птицы и ящерицы в случае опасности могут замереть на продолжительное время. Ряд охотничьих источников сообщают о способности лисиц в случае опасности притворяться мертвыми и даже источать запах тления.

⁴ Урожд. *Радонски Франциска Антоновна* — мать 4 сыновей и 2 дочерей (*Десимон*).

⁵ *Бертух Ф. И. Ю.* — веймарский журналист и натуралист; здесь К. Аделунг имеет в виду его периодическое многоязычное иллюстрированное издание «*Bilderbuch für Kinder*», отдельные главы которого в 1815—1829 гг. печатала издаваемая О.П. Козодавелевым «Северная почта» под названием «*Детский Музеум*» (*Канадзавва Т.* Отзывы о «*Детском Музеуме*» в газете «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» // *Русская литература*. 2016. № 3. С. 47—57.

⁶ Карл назвал кизил «вишней Корнеля» (*Cornel Kirscl*).

⁷ 16 июля 1828 г.

⁸ Возможно, потомок вступившего в 1789 г. в русскую службу венецианца греческого происхождения *Бароцци Ивана Степановича (Францевича)* (1760—1822). В 1892 г. он был агентом М. И. Кутузова в Стамбуле; в 1801—1805 гг. — российским консулом в Венеции. Скончался в Аккермане. Двое его сыновей служили в России полицмейстерами: в Сороках — *Яков* (1788—1852), в Бендерах — *Антон* (см.: *Пархомов В. А.* История одного посвящения А. С. Пушкина // Сайт исследований по новой хронологии. Эл. ресурс, дата доступа 11 авг. 2020 г., http://new.chronologia.org/polemics/2015_parhomov_pushkin.php).

⁹ Пастор *Вёр Готтлиб* прибыл на Кавказ из Базеля в 1825 г. (*Чернова-Дёке Т. Н.* Немецкие поселения на периферии российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818—1917). М., 2008. С. 91; далее — *Чернова-Дёке*). Служил в Элизабеттале в 1827—1829 гг. В списках 19 первопоселенцев колонии Новый Тифлис значатся двое Вёров (Филипп и Якоб) — его однофамильцы или родственники.

¹⁰ Шуша — укрепленная столица Крабагского ханства, в начале XIX в. — под протекторатом Персии; договором присоединена к России в 1805 г. В 1826 г. Шуша была целью наступающей персидской армии Аббас-Мирзы числом в 60 тысяч человек. В крепости без запасов и воды остались 3 роты и часть населения. Осада началась 24 июля, окончилась 5 сент. 1826 г.; осажденные трижды отвергали предложение о капитуляции. Осада продолжалась до получения известия о взятии

В. Г. Мадатовым Елизаветполя. Таким образом, стойкость защитников Шуши связала движение персиян на Кахетию и Тифлис (*Потто*. С. 578).

¹¹ *Заремба Фелициан* (1794—1874) — российский подданный, по рождению — католик, недолго работавший в МИДе. После 1814 г. вышел в отставку; его религиозные искания окончились переходом в протестантизм; он примкнул к Базельской миссии pietистов, выхлопотал для них у Александра I разрешение проповедовать среди мусульман Кавказа. Один из основателей колонии pietистов в Шуше в 1821 г. Заремба знал армянский, персидский и несколько тюркских языков. В николаевское время активность базельских проповедников («Общество Евангелия») постепенно сокращалась (кроме мусульман, они проповедовали и среди армян); общество было запрещено в 1838 г. (История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. С. 39).

¹² Примерно 3,5—4 м.

¹³ 17 июля 1828 г.

¹⁴ *Залтет Йохан Бернхард* (1799—1830) — миссионер из Базеля, пользовался влиянием среди колонистов Закавказья и доверием русской администрации; был проповедником в Новом Тифлисе в 1823—1830 гг., совмещая с 1827 г. эту службу с должностью обер-пастора восьми Закавказских колоний; в янв. 1828 г. под его руководством принят новый религиозный Устав колонистов, более тесно связывающий их церковную жизнь с российским администрированием (*Чернова-Дёке*. С. 91).

¹⁵ В переводе 1946 г.: Около 9 часов вечера поехал я из города прямо.

¹⁶ В переводе 1946 г.: слугам. Из писем Аделунга известно имя его слуги — Семён.

¹⁷ В переводе 1946 г.: Когда я въехал.

¹⁸ В переводе 1946 г.: Возвратится.

¹⁹ Ахалкалак — грузинский укрепленный город XI в.; с середины XV в. — в составе Османской империи. Российские войска взяли крепость 24 июля 1807 г.

²⁰ Карс — город на севере совр. Турции, в X—XI в. — столица Армянского царства, затем город принадлежал последовательно Византии, Грузии и Османской империи. Русские войска брали Карс в 1828 (под командой Паскевича), 1855 и 1877 гг.

²¹ Ахалцых — грузинский город XI в., затем входил в Османскую империю; располагался на населенной армянами территории. Российские войска взяли его 15 авг. 1828 г., после чего без боя турки покинули расположенную рядом крепость Ацхур. Трофеем, полученным в Ахалцыхе, была обширная и ценная библиотека, отправленная в Санкт-Петербург. Ныне — город на севере Турции.

²² В переводе 1946 г.: прекрасно.

²³ В переводе 1946 г.: придает.

²⁴ В переводе 1946 г.: буду рад.

²⁵ *Шамбо Александр Иванович* (1783—1848) — с 1814 г. секретарь прусской принцессы, а потом русской императрицы Александры Федоровны. Преподаватель немецкого языка великого князя Александра Николаевича. Сотрудник многих благотворительных обществ Санкт-Петербурга. Доверенное лицо Вас. А. Жуковского. Впрочем, из-за распространенности фамилии и отсутствия информирующего контекста это мог быть и капитан французской службы Карл Шамбо, и математик Шарль Шамбо, находившиеся в 1820-е годы в Санкт-Петербурге.

²⁶ *Лобенвейн Йохан Андреас* (*Иван Андреевич*) (1758—1821), уроженец Вены, профессор анатомии Виленского университета, доктор медицины, анатомии и хирургии. Знакомство Ф. П. Аделунга с Лобенвейном могло состояться в Риге, в конце 1780-х гг.

²⁷ Жена *Тухолки Льва Адамовича*, тяжело раненного под Эчмиандзином. Тухолка вступил в российскую службу из прусской в 1810 г. капитаном ЛГ Преображен-

ского полка; с 1816 г. — полковник, командир 21-го Егерского полка, с 1821 г. — генерал-майор.

²⁸ *Унгерн-Штенбурги (Унгернитернберги)* — один из древнейших и многочисленных немецких родов Ливонии; активно присутствуют в российской истории XVIII—XX вв. По званию и местопребыванию это, вероятно, полковник *Унгернитернберг Отто Григорьевич* (1788?—1860), в следующем году ставший генерал-майором.

²⁹ 23 июля 1828 г.

³⁰ Баратовы — грузинские князья с XVI в. Пограничные споры с элизабетальцами у них продолжались почти на протяжении века (*Чернова-Дёке*. С. 61). Возможно, утрата административных княжеских функций Баратовым произошла после 1810 г., когда тифлисский полицмейстер кн. Баратов помог бежать из заключения плененному царю Имеретии Соломону (*Потто*. С. 174).

³¹ К. Аделунг ошибся: в сент. 1795 г. Тифлис был разграблен и разрушен отрядом будущего первого шаха династии Каджаров Ага-Мохаммад-ханом, объявившим себя Фетх-Али шахом после этого набега.

³² В 1783 г., в царствование Ираклия II, был подписан Георгиевский трактат о протекторате России над Кахетией-Картли (составлявших Грузию), до этого входивших в состав Персии.

³³ 24 июля 1828 г.

³⁴ 25—28 июля 1828 г.

³⁵ Архалук (на Кавказе) — плотно прилегающий к телу кафтан со стоячим воротником из сатина, атласа или шелка.

³⁶ 28 июля 1828 г.

³⁷ Армянские кн. Бебутовы переселились в Грузию в XVII в. и занимали в течение нескольких поколений высшие посты в Тифлисе. Кн. *Бебутов Василий Осипович* (1791—1858) — в 1828 г. генерал-майор, командир 22 пехотной дивизии, отличился при взятии Ахалцыха, выдержал повторную турецкую осаду крепости, управлял Ахалкалькским пашалыком, в 1831 г. стал председателем Армянского областного правления (*Потто*. С. 881, 1108). Его братья: *Давид* (1793—1867) — участник Отечественной войны, друг А. С. Грибоедова и Н. Н. Муравьева, в это время — капитан Нижегородского полка; *Григорий* (1795—1862) — будущий председатель Тифлисской судебной палаты, но в 1828 г. — лишь переводчик этой палаты; *Павел* (1806 — после 1827 г.). Можно предположить, что прятал «крепостного» в полиции и брал плату за его «аренду» кн. Григорий Бебутов.

³⁸ 30 июля 1828 г.

³⁹ Мать Фрица Коцебу, третья жена драматурга А. Коцебу, *Вильгельмина Фридрика*, дочь *Отто Вильгельма Крузенитерна*, родилась 30 июля 1778 г.

⁴⁰ 31 июля 1828 г.

⁴¹ Одна из «швабских» вюртембергских колоний в Грузии, организованная в 1819 г. 115 семей переселились из первоначальной колонии с нездоровым климатом под Гянджой в Болниси. В 1824 г. колонисты построили каменный школьно-молитвенный дом; приход здесь организован в 1829 г.

⁴² Квешы — село XII в. в Борчалинском уезде Грузии с крепостью. Возвращающиеся с добычей из Катариненфельда курды утром 15 авг. 1826 г. подошли к Квешы, но встретили там отпор 8 казаков, имевших в деревне пост, и поселение не пострадало (*Потто*. С. 575).

⁴³ В переводе 1946 г.: Катериненфельде.

⁴⁴ В переводе 1946 г.: искалечены.

⁴⁵ У колонистов Катариненфельда для обороны были ружья и порох, но они не защищались по религиозным соображениям, когда на колонию 14 авг. 1826 г. на-

пал отряд курдов. По официальным сообщениям, были убиты 29 человек, но свидетель нападения говорил о 70 зарезанных и 140 женщинах, уведенных в плен. Донской казачий полк из Тифлиса прибыл на помощь только 15 авг. Один из колонистов добежал за 10 верст до Белого Ключа, где стоял батальон 41 Егерского полка, но он помощи не подал. Но зато Борчалинский пристав, кн. Орбелиани, находящийся в 30 верстах, в Шулаверах, услышав о нападении, с 12 верховыми грузинскими милиционерами поспешил на помощь, был обнаружен и окружен курдами, в бою потерял 6 человек, и только меткий выстрел, убивший предводителя курдов, позволил оставшимся шести милиционерам скрыться. Большая часть пленных колонистов через Ахалцых и Поти была переслана в Стамбул и Смирну (*Помто*. С. 575—576). Помощь пострадавшим колонистам оказали не только их соотечественники, но и армяне (выкупали немецких рабов), и российская администрация. Так, в начале марта 1827 г. из Комитета помощи были выделены средства для командировки в Турцию (в центры невольничьей торговли) двух человек для поисков плененных колонистов (*Чернова-Дёке*. С. 31 и 40).

⁴⁶ В переводе 1946 г.: сведения о.

⁴⁷ К. Аделунг исполнял свое обещание; но порой с неожиданным для себя результатом. В середине дек. 1828 г. по пути из Тебриза в Тегеран в городе Казвине сопровождавшие посольство Грибоедова грузинские и армянские христиане, разыскивавшие пленных, обнаружили уже несколько раз перепроданную немку из Катариненфельда и силой пытались привести ее в дом миссии. Муж этой немки, местный сеид (особо уважаемый потомок пророка, освобождаемый от телесных наказаний), возражал и грозил самоубийством. До вмешательства Грибоедова люди из посольства успели избить сеида; местные жители собирались прекратить насилие, персидская охрана миссии обеспокоилась, что посольству не уцелеть. Грибоедов приказал спросить саму женщину; она ответила, что хочет остаться со своими детьми и мужем, что и было исполнено. Персидский свидетель этой сцены отметил: «Господин Аделунг, немец-секретарь, казался очень обеспокоенным тем, захочет ли женщина вернуться в Грузию» (*Das Ausland*. 1830. 15. X. № 288. S. 1150).

Варианты слухов о «немках из гарема» содержатся в нескольких источниках, повествующих о гибели посольства. На принятых в русской миссии из тегеранских гаремов армянках (вместо так и не отпущенных из гаремов немок) указывал Мак-Нейл (см.: *Толстой*. С. 895); о «толстых рыжих немках» острил, якобы передавая слова И. С. Мальцова, Соболевский (см.: *Берг Н.* Из рассказов С. А. Соболевского // *Русский Архив*. 1871. № 1. Стб. 187—195).

⁴⁸ В переводе 1946 г.: Елизаветполь.

⁴⁹ *Шницлер Иоганн Генрих* (1802—1871) — эльзасский статистик и историк, горячий почитатель России. Прослужив губернатором в Санкт-Петербурге 22 года, Шницлер считал своим долгом ознакомить западных читателей с историей России. Он опубликовал ряд научных трудов, которые хотел завершить фундаментальной «Империей царей». Над ним он трудился в 1856—1869 гг., однако не успел окончить. Эту работу субсидировала русская казна.

⁵⁰ Каменная, крытая черепицей церковь в Элизабеттале, освященная в честь Св. Николая, первая из немецких приходских церквей в Закавказье, была открыта в 1830 г.

⁵¹ Конвент — избираемый прихожанами орган, призванный следить за соблюдением как церковных, так и светских, касающихся церкви, законов. Петрикирхе — одна из лютеранских церквей Санкт-Петербурга, основана в 1727 г. на Невском проспекте. В 1805—1843 гг. членом ее Конвента был Ф. П. Аделунг.

⁵² *Гиппиус Густав Адольф (Фомич)* (1792—1856) — художник-портретист, литограф и педагог. В 1822 г. издал серию из 45 гравюр «Современники» (Собрание ли-

тографированных портретов государственных чиновников и деятелей культуры; среди них — трое писателей — И. А. Крылов, Вас. А. Жуковский и двадцатидвух-летний А. С. Пушкин).

⁵³ Для учета поступающих пожертвований.

⁵⁴ Адрес написан не К. Аделунгом.

{№ 12. Тифлис 16-го августа 1828.

Я все еще пишу вам из Тифлиса, и, по всей вероятности, не в последний раз. Срок нашего отъезда еще до сих пор не назначен; хотя Грибоедов и говорит, что мы поедем через 5 или 6 дней, но я этому поверю только тогда, когда день будет точно определен. Он женится не в январе, а теперь, на этих днях, и возьмет с собой жену. Так как день свадьбы еще неизвестен, то я **полагаю**,¹ что мы еще не скоро отсюда уедем. Однако все возможно, так как все готово к отъезду; поэтому, если с будущей почтой от меня не будет известий, это будет означать, что мы покинули Тифлис. Тогда я уже не смогу давать о себе вести так регулярно, как сейчас, так как почта из Персии идет раз в 2 недели.} Но каждый раз я ею буду пользоваться. Вы, вероятно, станете писать, как и раньше, т. е. день прибытия почтовых курьеров не определен. Также я надеюсь, что с каждой почтой получу письмо, как я до сего дня получал достаточно сообщений. {Нет нужды посылать мне письма на адрес Грибоедова.² **Будь добр**, к моему имени надо прибавить: <«Г-ну секретарю Российской Имп. миссии в Персии»>, без указаний места, в таком случае они прямо поступят ко мне. Мы поедем большой **группой**,³ кроме **30**⁴ всадников, пойдут 50 вьючных лошадей и несколько экипажей для будущей госпожи министерши: эти последние, естественно, не ускорят нашего путешествия, так как доставить их из Тавриса⁵ в Тегеран будет крайне трудно.

До конца октября мы не сможем быть на месте назначения, так как мы будем останавливаться на день или на два в городах и по крайней мере две недели пробудем в Таврисе. Грибоедов старается нам облегчить все, что можно; поэтому мы совсем не будем заботиться о наших вьючных лошадях, так как позаботится обо всем он сам; даже о фураже для моей лошади и обо всем, чем я должен обеспечить моего слугу (<Семёна>).} Я надеюсь, что мне будет достаточно двух вьючных лошадей, но у меня есть еще и третья, и четвертая. Я попытаюсь делать записи, день за днем, чтобы вас извещать, и буду посылать их при первой возможности. Вот кое-что из того времени, которое прошло с последнего письма, посланного тебе.

В пятницу, 3 августа, утром я ходил в серные ванны. Так как я до сих пор ничего не говорил о них, то будет уместно рассказать сейчас. В Тифлисе два банных заведения. Оба расположены поблизости от источника. Считают, что здания этих бань старейшие в Тифлисе — каждое имеет в центре открытую общедоступную баню с необходимыми

каменными бассейнами и множеством дополнительных помещений вокруг них. Я посещал лишь одну комнату, так как она известна чистой и имеет только один бассейн, и там можно быть одному. Ее я хочу описать получше, а также и ее использование. Свет в нее падает через отверстие в сводчатом потолке; на одной из стен из небольшой трубы течет горячая серная вода в каменный бассейн для погружения. Его размер — приблизительно 4 квадратных фута и глубиной приблизительно три.⁶ Вода поступает по каменному полу через трубы в ванну. С обеих сторон бассейна находятся дощатые лежанки, которые представляют собой кровать без ножек. В остальном комната пуста, есть только скамья для одежды.

Посетитель бани обычно начинает купание с того, что тут называют «ломанье костей»; он ложится на одну из лежанок, затем банщик подтягивает его колени к груди, так что все ребра хрустят, мнет ему все суставы, вытягивает и разминает их и завершает тем, что проходит коленями по позвоночнику, так что ощущаешь бегущую искру. Этого я еще не попробовал из-за недостатка куража; в Персии мне придется и это испробовать. После этого он (банщик) четверть часа трет тело посетителя мешком с лошадиным волосом или смачиваемыми время от времени варежками; так что даже русский станет чистым. Как ни грубы эти варежки, мне очень нравятся эти растирания. После того как омоешься в бассейне, ложишься снова на доски, и тебя намыливают; у них для этого существует особый способ: мыло или густая мыльная пена находится во фланелевом мешке; этот мешок банщик опускает в воду и надувает его — легкая пена выступает наружу, и ею он покрывает тебя и затем растирает фланелью. В завершение он обливает тебя несколькими шайками воды, после чего процедура окончена. Ступени бани такие горячие, что когда выходишь, то душный и горячий воздух Тифлиса кажется прохладным; поэтому баней надо пользоваться осторожно, чтобы не простудиться, что в Тифлисе совсем не трудно. В этом отношении я чрезвычайно осторожен — не ради себя, а потому что мама и Александрина предупреждали; поэтому я пользуюсь прекрасными благами умеренно, хотя и имею возможность делать это ежедневно.

{4-го, в субботу,⁷ я имел намерение отправиться в колонию с Мензенкампом. После обеда Семён уже подал мне лошадь, и мы собирались выехать, когда я узнал от кого-то из посетителей Ховена, что он встретил одного из наших курьеров и от него узнал, что Грибоедов следует за ним. Я отложил свою поездку, покинул Мензенкампа и поехал к Паскевичу ожидать там Грибоедова. В шесть часов он действительно приехал — я был очень рад увидеть его опять; казалось, что и он мне обрадовался (по крайней мере, он так сказал). Он нашел, что в течение нашей трехнедельной разлуки я очень **поздоровел**;⁸ по его словам, ему было вдвойне приятно видеть меня здоровым, так как он был уверен, что я болен; он не мог думать, что я смогу хорошо переносить здешний климат, так как все бывшие здесь петербуржцы всегда пере-

носили вначале легкую лихорадку.} Я все время был здоровехонек и всем доволен, за исключением разлуки с вами.

{5-го⁹ я совсем не видал Грибоедова; я весь день оставался дома} и провел свое время с Бернарденем де Сен-Пьером¹⁰ и в беседе с Паулем Коцебу — очень приятно. А также и следующий день прошел так, что и нечего сказать о нем — я работал до полудня с Мальцовым и ездил верхом по городу¹¹ с одним молодым человеком, с которым тут познакомился.

{Во **вторник**,¹² 7-го,¹³ я нашел Мальцова больным, в постели; он схватил на обратном пути из лагеря гастрическую лихорадку,¹⁴ которая была, однако, **несильной**.¹⁵ Я обедал сегодня у Сипягина по его приглашению. Он принял **скромного**¹⁶ секретаря очень любезно и, усадив меня на софу, в разговоре часто обращался ко мне.} Среди гостей находился пленный Хасан-хан¹⁷ (уже несколько дней как освобожденный), брат бывшего эриванского сердара;¹⁸ другой персидский хан, Мирза Джафар,¹⁹ который находится здесь для освобождения персидских пленных; доктор МакНил²⁰ из Ост-Индийской компании, находящийся по делам в Тегеране. За столом персам предложили вино, от которого они вначале отказались; но когда его назвали шербетом, то они охотно пили его, как и шампанское. Вышеупомянутый Мирза Джафар возглавляет персидских инженеров и довольно образован; он говорит по-английски и по-французски; 3 года он учился в Англии инженерному делу и, говорят, обладает богатыми знаниями. {К чаю к Ховенам пришел Грибоедов со своей невестой, и я имел случай ее хорошо разглядеть; она необычайно хороша, ее можно **было бы даже** назвать красавицей, хотя красота ее грузинская. Она, как и ее мать, одета по-европейски; очень хорошо воспитанна, говорит по-русски и по-французски и **довольно музыкальна**;²¹ ее отец²² — генерал-майор и <правитель> Эривана,²³ где мы его собираемся посетить; он, кажется, очень любезный и образованный человек. Я попросил в этот вечер Грибоедова отпустить меня на несколько дней в колонию), чтобы провести там время с мадам Коцебу, ее детьми и Паулем. {Он тотчас мне это разрешил и прибавил, что я могу оставаться там до тех пор, пока он за мной не придет.} В этот вечер генерал Ховен уехал в Гори, Карел и Сурам²⁴ за провиантом, который оттуда надо доставить в Ахалцх.

В среду, 8-го,²⁵ в четверть четвертого, все уже были на ногах; мне кажется странным летом вставать с рассветом. Сейчас рассветает после половины шестого, а вечером солнце садится в половину седьмого. В 5 часов все отправились в путь. Я на своем жеребце поскакал один в колонию. Путь верхом составляет 18 верст, а в экипаже — 32 версты. И на два часа раньше Коцебу я был уже в Элизабеттале и обрадовался сердечному приему, который мне оказали Мензенкампфы. Здесь мы сегодня обедали в довольно большой компании: жена Коцебу с четырьмя детьми,²⁶ Пауль,²⁷ экономка Ховенов (или что-то вроде этого), Мензенкампф с женой и я.

9 августа, в четверг, я был попеременно то у Коцебу, то у Мензенкампов; у первых обедали, а вечером жена Коцебу, П. Коцебу и я прогулялись верхами. Так как моя лошадь очень смиренная, то на ней поехала мадам Коцебу. Мне достался персидский жеребец Пауля; после часовой поездки мы возвратились в колонию, откуда я один вернулся в город. При этом мне пришлось выдержать небольшое испытание: собаки в колонии, которые все очень крупные, бросались на лошадь, которая начала брыкаться; и так продолжалось, пока я ехал через всю колонию; я оставался в седле, чем заслужил похвалу зрителей.

{10 августа был день рождения **жены Коцебу, с чем ее поздравляли все утром.**²⁸ **К столу ждали**²⁹ много гостей; однако, за исключением полковника Ренненкампа,³⁰ который пришел, когда мы пили шампанское, никто не явился. Насколько мне был приятен Ренненкамп, с которым я познакомился раньше, настолько мне было неприятно известие, которое он мне сообщил: Грибоедов просил меня возвратиться в Тифлис.} Мы провели остаток дня довольно приятно. Ренненкампа (брата Ольденбурга³¹) и П. Коцебу очень интересно послушать.

В субботу³² после завтрака у Коцебу я поехал с Ренненкампом в троечной повозке в город. Свою лошадь я отослал с одним колонистом в Тифлис. По дороге мы купили у виноградаря за один абаз (80 коп.) платок с прекрасным белым виноградом, которого мы не съели и четверти — остальное мы отдали одному встречному грузину. {Я нашел Грибоедова больным,³³ он боролся с болями в желудке и кишечнике и не знал, куда деваться от жара; но, когда ему становилось лучше, он садился за фортепиано и так прекрасно **импровизировал,**³⁴ как я редко слышал.

12-го августа я работал целый день с Мальцовым, с которым я потом обедал у Грибоедова; я нашел его сегодня в лучшем состоянии, но есть он не мог. Вечером я гулял в саду Паскевича и по городу при великолепном лунном сиянии, в прекраснейшую ночь.} Ах, если бы я мог выслать вам хотя бы одну из этих чудесных Тифлисских ночей — как бы вы ею наслаждались!

13 августа прошло, как и предыдущий день; вечером вернулся из Гори старший Ховен со своим сыном (из Карзаха³⁵ от Сипягина, у которого младший Ховен служит адъютантом); Ховен слышал в Баржоме с 6 по 12 непрестанную канонаду под Ахалцыхом; от крепости по прямой это на расстоянии 18 верст.³⁶ Собственно осада началась 10-го; так что сегодня или завтра ждут сообщения о взятии. К сожалению, к 20 тысячам разбойников, которые являются гарнизоном Ахалцыха, присоединились еще 20 тысяч; жители этой крепости известны своей храбростью; поэтому ее взятие стоит нам очень дорого. Однако удача, которая сопутствовала до сих пор графу Эриванскому,³⁷ конечно, и на этот раз не покинет его. Надеюсь, что послезавтра можно будет петь победу.

{Утро 14-го³⁸ прошло как и предыдущее. Я обедал у Грибоедова, который поправляется.} Вечер я провел у Григорьева,³⁹ одного из наших

школьных товарищей, где я встретил Очкина,⁴⁰ брата ориенталиста,⁴¹ и молодого Фелейзена;⁴² с ними тремя, очень образованными людьми, я провел время до 11 часов самым приятным образом.

В среду, 15-го,⁴³ утром я ходил с Мальцовым к Сипягину, который накануне вернулся в город, для того чтобы поздравить его с орденом Александра.⁴⁴ Мы пришли к нему, а он был в церкви, и мы не видели его. Вчера и сегодня я с нетерпением ждал писем от вас; до сих пор вы так меня баловали, и на этот раз я их ждал; однако не было ни одного письма; в записочке Александра для меня, однако, самое важное — то, что все здоровы. Вечером я ходил к полковнику Ренненкампфу, который живет у Разевига, и провел время довольно приятно.

Я узнал здесь о смерти полковника Бруна,⁴⁵ с которым познакомился у Ховенов; вечером накануне его смерти я разговаривал с ним, он был здоров. Удар с излиянием был причиной его смерти. Он дослужился до звания полковника Преображенского полка, участвовал во многих походах и был, в частности, во время Финского похода прикомандирован к генералу Фредериксу.⁴⁶ Говорят, он был очень любезен. Но, к сожалению, он много пил, так что был перемещен в армию.⁴⁷ Здесь он вел себя еще хуже, так что редко бывал трезв, пока наконец не умер. При вскрытии оказалось воспаление всех его внутренностей.

16-го (сегодня),⁴⁸ наконец, вернулась жена Коцебу из колонии,⁴⁹ и я не мог этому порадоваться — без нее большой дом был совсем пуст. Но теперь все снова по-старому: сейчас впервые за мое шестинедельное пребывание в Тифлисе идет дождь; также и жара наконец спала — вчера и сегодня в тени всего 20 градусов. Из немецких газет я знаю, что в Петербурге почти все время холодно и дождливо. Значит, у вас тоже плохое лето? Я не могу писать ни Александрине, ни Александру, однако сделаю это вскоре. Я надеюсь, что из-за этого я не буду реже получать от них письма. Если бы они знали, как их письма радуют меня, они не прекратили бы писать. Во всяком случае, я постараюсь до отъезда им написать и оставлю письмо здесь. Сердечные приветы Шерерам, Вирстам, Мэтью и Карлу Коцебу.⁵⁰ КА

У меня уже 50 штук монет — по большей части медных, которые я отправлю с первой okazji. Как обстоят дела с планами Николая?

¹ В переводе 1946 г.: уверен.

² В переводе 1946 г.: Необходимо будет письма для меня направлять в адрес Грибоедова.

³ В переводе 1946 г.: кавалькадой.

⁴ В переводе 1946 г.: 50.

⁵ Таврис (совр. Тебриз) — город III в. до н. э. в Мидии. В начале XIX в. — центр персидского Азербайджана под управлением наследного принца Аббас-Мирзы; в городе дислоцировались иностранные представительства. В 1827 г. Тебриз был взят «случайно»: не основной армией Паскевича, а небольшим отрядом под командой генерал-лейтенанта Г. Е. Эривостова и помощника начальника штаба Кавказского корпуса полковника Н. Н. Муравьева, двигавшимся через Нахичевань. Гарнизон

Тебриза возглавлял Аллаяр-хан, который не сумел справиться с паникой в городе. 13 окт. 1827 г. Муравьев принял ключи от города и беседовал с делегацией горожан на азербайджанском и армянском языках (*Потто*. С. 736—738). В подгородном селе Туркманчай 22 февр. 1828 г. был подписан мирный договор.

⁶ Бассейн указанного К. Аделунгом размера (квадрат линейного размера 60 см и глубиной 90 см) можно скорее назвать лоханью.

⁷ 4 авг. 1828 г.

⁸ В переводе 1946 г.: поправился.

⁹ 5 авг. 1828 г.

¹⁰ *Бернарден де Сен-Пьер Жак-Анри* (1737—1814) французский писатель и путешественник, директор Парижского ботанического сада; в 1760-е гг. посетил Россию и Польшу. Маловероятно, что Карл Аделунг наслаждался чтением его популярнейшей повести «Поль и Виржини»; скорее, он увлекся многотомными «Этюдами о природе» или записками о России.

¹¹ По воспоминаниям В. Н. Григорьева, в эти годы вечерние верховые прогулки были обычным развлечением служивших в Тифлисе молодых чиновников (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 37 об.).

¹² В переводе 1946 г.: четверг.

¹³ 7 авг. 1828 г.

¹⁴ Лихорадка гастрическая (*febris gastrica*) — острый желудочный катар, сопровождающийся повышенной температурой, ускоренным пульсом и пр. Некоторые врачи подразумевают под этой болезнью нетяжелые формы брюшного тифа.

¹⁵ В переводе 1946 г.: неопасна.

¹⁶ В переводе 1946 г.: маленького.

¹⁷ Младший брат эриванского сардара, *Хасан (Гасан)-хан* был известен не только как опытный военачальник, владелец меча легендарного Тимура, комендант ереванского гарнизона, но и как мужественный и удачливый атлет-воин и исключительный наездник. После бегства из города брата стал сардаром. Накануне штурма Хасан-хан пытался бежать из города, но, потеряв при спуске со стены по канату меч Тимура, вернулся в крепость. Его взял в плен 1 окт. 1827 г. генерал Красовский, передал его порученцу генерал Сухтелена, что позволило далее рапортовать, что П. П. Сухтелен пленил Хасан-хана. Меч Тимура, обнаруженный позднее на базаре, Хасан-хан отправил в дар Николаю I (*Потто*. С. 566, 725).

¹⁸ *Хусейн-хан (Гусейн Казвани Девелу Каджар, Гусейнгулу-хан)* (1740—1831) — родственник Каджарской династии, помог ей прийти к власти, талантливый военачальник. В 1804 г. назначен сардаром (правителем) Эриванского ханства. Эффективный администратор и хозяйственник. В 1826 г. отклонил предложение русских сдать Ереван в обмен на сохранение ему должности и доходов и бежал из осажденного города в Турцию, затем участвовал в обороне Аббас-Абада (*Потто*. С. 663).

¹⁹ *Джафар-хан (Мирза-Джафар)* (?—1862). В 1815 г. учился в Англии инженерному делу. Вернувшись в Тебриз в 1819 г., вошел в ближайшее окружение принца Аббас-Мирзы и был назначен главой инженерного корпуса. В 1824 г. посетил Санкт-Петербург. В 1827 г. от имени Аббас-Мирзы передал Паскевичу текст ратифицированного Туркманчайского договора и вел переговоры о пленных, о переселении в Россию армян и о выплате 8-го контрибуционного курура (*Потто*. С. 760). После смерти Аббас-Мирзы был послом в Турции.

²⁰ Доктор *МакНейл Джон* (в совр. ему русских источниках — *МакНил*) (1795—1883) — врач из Шотландии, с 1816 г. — служащий Ост-Индийской компании, с 1820 г. — хирург английского поверенного в делах в Персии. Посредник в переговорах о Туркманчайском мире и процедуре передачи контрибуции. Помощник английского посла в Тегеране с 1830 г., посол — с 1835 г. Доктор был не только хо-

рошим врачом (благодаря чему имел пациентов при персидском дворе и гареме) — он в совершенстве знал персидский язык и как дипломат работал без переводчиков. «...Посол отличался замечательным умом и образованием серьезным, нрава очень мягкого и уживчивого» (см.: *Толстой*. С. 890—892).

²¹ В переводе 1946 г.: занимается музыкой.

²² *Чавчавадзе Александр Гарсеванович* (1786—1846). Уроженец Санкт-Петербурга, из Пажеского корпуса выпущен подпоручиком в ЛГ Гусарский полк, с которым участвовал в войне 1812—1814 гг. и вышел полковником в 1818 г. За кавказскую службу, включающую Персидскую войну, произведен в генерал-майоры и назначен областным начальником и командующим войсками в Эриванской провинции. Поэт. В 1832 г. по подозрению в сепаратизме был ненадолго сослан под Тамбов, потом был членом Главного правления Закавказского края в чине генерал-лейтенанта (*Потто*. С. 1037).

²³ Эриванской провинцией после взятия Эривана стало называться бывшее персидское Эриванское ханство. 28 марта 1828 г., территориально объединив Нахичеванское и Эриванское ханства, образована Армянская область.

²⁴ Города густонаселенной провинции Картли в юго-восточной Грузии. Как отдельное государство Картли существовало в XV—XVI вв. Потом — в составе Персии, Османской империи, под протекторатом России.

²⁵ 8 авг. 1828 г.

²⁶ Младший из детей — тогда младенец *Коцебу Михаил Морицевич* (1828—1855) — стал морским офицером, исследовал Амур; в 1853 г. участвовал в Синопском сражении и погиб, командуя батареей на Северной стороне Севастополя в звании капитана 2-го ранга.

²⁷ Пауль Коцебу.

²⁸ В переводе 1946 г.: день рождения Коцебу.

²⁹ В переводе 1946 г.: К обеду мы ожидали.

³⁰ *Ренненкампф Павел Яковлевич (Пауль Андреас)* (1790—1857) — полковник Генерального штаба, прикомандированный к штабу Кавказского корпуса Паскевича. Участник войны 1812—1814 гг., посольства Ермолова в Персию, Персидской и Турецкой войн. Друг Морица Коцебу, как и он, картограф высокого класса, ученик академика Ф.И. Шуберта. После сопровождения «извинительного» персидского посольства Хосров-мирзы в Санкт-Петербург получил чин генерал-майора. В 1830 г. возглавлял карательную экспедицию в Южную Осетию (*Потто*. С. 774, 1107).

³¹ Возможно, описка К. Аделунга, следует читать: «брата служащего у Ольденбурга Ренненкампфа». *Ренненкампф Александр Яковлевич* был адъютантом герцога *Августа Ольденбургского* (1783—1853), служившего в России в 1811—1831 гг.

³² 11 авг. 1828 г.

³³ Вероятно, это был приступ малярии — заболевания, вызываемого паразитами рода *Plasmodia*. Заражение человека происходит при укусах инфицированных самок некоторых видов комаров. Заболевание затрагивает ретикуло-эндотелиальную систему и эритроциты, длится от года до десятков лет. При развитии паразита возникают вторичные воспалительные поражения органов и тканей, гипоксия, ацидоз, желтуха, интоксикация, анемия, отек легких, сильная периодическая лихорадка. Даже сегодня не существует ни эффективных прививок, ни надежных лекарств от этой болезни. Еще в XVII в. приступы малярии лечили приемом коры хинного дерева, действующее начало (хинин) было выделено в 1820 г., а синтезировано — в 1944 г. В начале XIX в. хинин стоил настолько дорого, что в кавказских лазаретах и госпиталях его употребляли редко (*Филипсон*. С. 170).

³⁴ В переводе 1946 г.: фантазировал.

³⁵ Село Карзах (совр. Карцахи) на озере Хазанпин (совр. Хозапини в Грузии) в 20 км от Ахалкалака.

³⁶ Расстояние от Баржома (совр. Боржоми) до Ахалцыха — 49 км. В авг. 1828 г. у стен Ахалцыха произошло несколько сражений между русскими войсками (9 тыс. чел.) и 30-тысячной турецкой армией. Крепость была взята 16 авг. 1828 г. Вскоре в ней появилась чума и был введен карантин (*Помто*. С. 866, 940). Неудачную попытку отвоевать охваченный инфекцией Ахалцых предприняли турки в апреле 1829 г., и очевидец событий (*Андреев*. С. 119) слышал в осажденной крепости гул пушек крепости Баржом.

³⁷ *Паскевич-Эриванский Иван Федорович* (1782—1856) — полководец, государственный деятель и дипломат. В марте 1828 г. по окончании Персидской войны в награду он был возведен в графское достоинство, с именованием граф Паскевич-Эриванский, и получил денежную награду в 1 млн рублей (примерно 0,3 курура туманов). Видевший его в эту пору надворный советник В. Н. Григорьев заметил: «Вообще он имел вид человека озабоченного, который говорит с вами как будто бессознательно, а между тем думает не о вас, а о чем-то ином. Он имел обыкновение держать свои руки в боковых карманах брюк и перебирать там червонцы, которые клал туда каждое утро доброю пригоршнею на случай, если ему встретится надобность дать кому-нибудь из простонародья червонец» (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 57—57 об.). После окончания Турецкой войны и нескольких карательных экспедиций на Кавказе Паскевич был переведен для подавления Польского восстания 1831 г. и оставался до конца жизни Варшавским наместником. Император считал его лучшим знатоком Кавказа, так что все действия на Кавказе должны были получать одобрение Паскевича из Варшавы. Это во многом привело к затягиванию Кавказской войны (*Филипсон*. С. 120).

³⁸ 14 авг. 1828 г.

³⁹ *Григорьев Василий Никифорович* (1803—1876). В 1814—1820 гг. одноклассник К. Аделунга по Губернской гимназии. Одаренный лаконичным и выразительным слогом, Григорьев писал стихи и публиковал их еще гимназистом, позднее был членом Вольного общества любителей российской словесности. Однако литературное творчество не было целью его жизни: он страстно желал выслужиться до жалованья в 3000 рублей ассигнациями, отложив до этого момента даже создание семьи. В 1827—1830 гг. он, соблазнившись чином, жалованьем, а также выгодными прононами, стал одним из 12 членов Казенной экспедиции, посланной от МВД для статистического описания Закавказья. В своих воспоминаниях, записанных 40 лет спустя, Григорьев упомянул о нескольких встречах с К. Ф. Аделунгом в Тифлисе; однако сердечной близости к последнему он не испытывал, назвав его «очень добрым малым, хотя и не с отличными способностями». В конце жизни Григорьев стал вице-директором департамента Государственного казначейства и, к собственному удивлению, после 17 лет служебной пробуксовки получил чин действительного стататского советника (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 1, 5 об.—6, 9 об., 12 об.—13, 18—19, 38 об., 51 об.—52, 67 об., 112, 191, 231).

«Статистическое описание Нахичеванской провинции», опубликованное Григорьевым в 1833 г., является самым известным его произведением, используемым и сегодня. Только усердием литературоведов из журнального небытия были собраны несколько его стихотворений (см: *Гинзбург Л. Я.* Русская поэзия 1820—1830-х годов // *Поэты 1820—1830-х годов*. Л., 1972. Т. 1. С. 5—68; 368—397). В свои воспоминания сам Григорьев включил только «Солдатскую песню» 1835 г., написанную по заказу Паскевича и оцененную в перстень с бриллиантом; награду Григорьев предпочел получить деньгами. Песня со сбитым ритмом настолько плоска по мысли, что сам автор пометил: «не то».

⁴⁰ *Очкин Петр Николаевич* (1806—1884), сын пензенского купца 1-й гильдии, владельца металлургического завода. Был арестован после Декабрьского восстания и отпущен (Декабристы: Биографический справочник / Сост. и ред. С. В. Мироненко, М. В. Нечкина. М., 1988. С. 137). В 1827—1831 гг. — член Казенной экспедиции МВД, собиравшей статистические материалы по Закавказью. П. Н. Очкин, как и другие члены экспедиции, входил в состав канцелярии Военного губернатора Тифлиса и настолько приглянулся И. Ф. Паскевичу, что стал его бесценным чиновником для особых поручений, последовав за ним в Варшаву. Затем продолжил служить в различных гос. учреждениях Варшавы (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 19, 165 об.).

⁴¹ Предположительно — *Очкин Амплий Николаевич* (1801?—1865), старший брат П. Н. Очкина. В 1826 г. некий Очкин обучался на восточном факультете Санкт-Петербургского университета, но среди выпускников 1828 г. его имя отсутствует. Арестован и отпущен «по подозрению» после Декабрьского восстания (ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, ч. 1, № 403, л. 86). Предположительно один из информаторов 3-го Отделения. Сильно облегчил труд комментаторов надписью на своем надгробии: «1791—1865 цензор, писатель, переводчик». Однако в этой услуге кроется подвох: год рождения указан ложный. А. Н. Очкин отлично проучился в Горном кадетском корпусе 2 года, вышел из 1-го верхнего класса в 1821 г. (см.: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, № 5040). В эти годы в Горном корпусе распределение учащихся по классам шло строго по возрасту, и большинство оканчивали 8-летнее обучение к 20 годам (см.: *Иванов А. В.* Воспоминания о воспитании в Горном кадетском корпусе, 1815—1822 // Воспоминания бывших выпускников. СПб., 1859. С. 233—280). Если же следовать данным надгробия, то из 7-го класса корпуса вышел 30-летний мужчина. Однако сведения Некрополя не являются опечаткой, т. к. в сохранившемся формулярном списке А. Н. Очкина подобная «опечатка» продолжается: сфантазированы годы службы (1806—1824) в Государственном казначействе; в 1830 г. получен знак 15-летия безупречной службы, а в 1836 г. — уже 25-летия. Возможно, его, как и его многолетнего приятеля В. Н. Григорьева, «с детства вписали в гражданскую службу», что не только в будущем прибавляло стаж, но и в настоящем давало небольшие «кормовые» (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 5 об.). Однако у Григорьева отличие формулярного возраста от реального составляет 5 лет, а у Очкина — 10! (см.: ОР РНБ, ф. 225, № 1, л. 1 об.). В 1826—1839 гг. А. Н. Очкин был секретарем Правления Санкт-Петербургского университета.

В 1830-е гг. он публиковал статьи и рецензии, делал переводы; в 1837 г. стал редактором издававшихся ИАН «Санкт-Петербургских ведомостей». За время его почти 20-летней редакторской работы прибыльность издания неуклонно падала, однако правление ИАН отвергало присланные на тендер заявки, резонно отмечая: «считаем необходимым указать, что Очкин не только является лицом <...> совершенно известным как по способностям к этому делу, так и образу своих мыслей, по которым и был предпочтен ...» (СПФ АРАН, ф. 2, оп. 1-1856, № 18, л. 2—3 об., 5—6). В 1844—1863 гг. А. Н. Очкин, занимая казенную квартиру знаменитого Академического дома, почти все обязанности по издательству «Ведомостей» передал А. А. Краевскому, получая от последнего ежемесячное содержание (см.: ОР РНБ, ф. 73, № 692 и 705).

В 1841—1848 гг. А. Н. Очкин — старший цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета; по мере сил помогал изданию книг своих друзей — например, поэту Н. М. Языкову, посвятившему А. Н. Очкину два стихотворения.

⁴² По воспоминаниям В. Н. Григорьева (см.: ОР РНБ, ф. 285, № 5, л. 22), высокообразованный, очень юный выпускник швейцарского университета Фелейзен состоял в Казенной кавказской экспедиции. Судя по тому, что он в этих воспомина-

ниях обозначен просто «немцем», то он — однофамилец известной в Санкт-Петербурге к этому времени уже в трех поколениях семьи маклеров и банкиров Фелейзенов. Такую атрибуцию подтверждает отсутствие свидетельств об обучении в Швейцарии кого-либо из подходящих по возрасту сыновей *Фелейзена Карла Людвига (Карла Ивановича)* (1736—1828): *Карла* (1799—1875), *Александра* (1804—?), будущего барона *Константина* (1804—1870) и *Роберта* (1806—1882).

⁴³ 15 авг. 1828 г.

⁴⁴ Очевидно, это — пример городского слуха. Орден Святого Благоверного Князя Александра Невского — один из высших орденов России; одновременно существовали не более 24 кавалеров этого ордена. За период Персидской и Турецкой войн этим орденом были пожалованы А. С. Меншиков, Е. А. Эмануэль и архиепископ армянский Нерсес (Список кавалерам императорских российских орденов всех наименований на лето от рождения Христова 1828. СПб., 1829. Ч. 1. С. 25).

⁴⁵ *Брун Борис Карлович* в 1811 г. начал службу в ЛГ Преображенском полку портупей-прапорщиком; через 10 лет назначен командиром Выборгского пехотного полка в чине полковника; где и пребывал, по крайней мере, до 1824 г. Пролетал в февр.—марте 1809 г. в составе батальона ЛГ Преображенского полка ледяной поход к Аландским островам.

⁴⁶ *Фредерик Петр Андреевич* (1786—1855). В 1805—1808 гг. — участник Шведской кампании 1808—1809 гг.; с 1817 г. — личный адъютант великого князя Николая Павловича; с 1819 г. — командир ЛГ Московского полка, с 1820 г. — генерал-адъютант. Был ранен во время Декабрьского восстания. Его брат, *Фредерик Борис Андреевич* (1797—1874), участник заграничного похода 1814 г., в это время — полковник, командир Эриванского карабинерного полка, отличился при штурме Карса (награжден Георгиевским крестом), Сардар-Абада и Еревана.

⁴⁷ Кавказский корпус был местом служебной высылки лиц с многообразными видами девиантного поведения. С другой стороны, недостаточное число служащих вызвало появление на Кавказе ряда льгот чиновникам: врачи получали двойное жалованье (Высочайший указ Сенату от 6 нояб. 1819 г.); титулярные советники по выслуге на Кавказе года без сдачи положенного экзамена получали чин коллежского асессора (*Голицын*. С. 61—62). Уже в 1840-е гг. при переводе офицера на службу в Черноморские линейные батальоны платили годовое жалованье невзачет, а семейным — двухлетнее (*Филипсон*. С. 236).

⁴⁸ 16 авг. 1828 г.

⁴⁹ Элизабетгалья.

⁵⁰ *Коцебу Карл* (1805—1896) — шестой сын драматурга А. Коцебу, окончил Царскосельский лицей в 1826 г. с «четвертой серебряной медалью и чином IX класса» и был причислен к Азиатскому департаменту МИДа. В 1833 г. — чиновник Рижского военного губернатора; в 1838 г. — консул в Яссах. В конце жизни — консул на Сицилии.

{№ 13 Тифлис 31 августа 1828 г.

Я все еще пишу из Тифлиса и не знаю, что дальше будет: отъезд был назначен на этой неделе, но у Грибоедова опять повторились припадки лихорадки, и вчера он был совсем болен. При таком положении вещей совершенно неизвестно, когда мы выедем отсюда. Лошади наняты 19-го, и вот уже скоро две недели как за них **зря** платят. Наше путешествие будет **проходить гораздо медленнее**,¹ так как с нами едет жена Грибоедова, а до Эривана нас будет сопровождать его теща. Я очень

хочу скорее отсюда уехать, мне здесь уже надоело; подумай, ведь мы уже 8 недель живем в Тифлисе. Я тоже плачу дань здешнему климату: на прошлой неделе я сильно простудился} и подхватил воспаление в голове.² Я страдал и провел несколько бессонных ночей. К счастью, к почтовому дню немного стало лучше, и я смог писать. Я не упомянул об этом, т. к. до выздоровления не хотел рассказывать. Поэтому мне нечего сказать о себе. 18, 19, 20, 21 у меня были сильные боли, и я не выходил из дома, и эти дни прошли так, что о них и сказать нечего.

{22-го, в среду,³ Сипягин давал большой обед, на который я был приглашен, но быть не мог. Вечером, наконец, была свадьба Грибоедова. Гости, только родственники и близкие знакомые (их не более 50 человек), собрались в Сионском соборе, где и состоялось венчание. Из церкви поехали на его новую квартиру; там был подан ужин. Мне было очень жаль, что я не мог принять участия в этом торжестве, мне очень хотелось быть; но моя **боль**⁴ не позволила мне этого, и я должен был остаться дома.

Весь Тифлис **живо интересуется этим союзом**;⁵ он любим и уважаем всеми без исключения; она же очень милое, доброе создание, почти ребенок, так как ей только что исполнилось 16 лет. Во вторник утром я отправился к Грибоедову с поздравлением; боли мои **ослабли**,⁶ но образовалась сильная опухоль}, которая мне не позволила выходить из дома, и я вернулся и оставался дома весь оставшийся день.

{24-го, в пятницу,⁷ Грибоедов давал обед более чем на 100 персон; все было, как мне передавали, блестяще; сейчас же после обеда, часов в 6, начались танцы; веселились до 11 часов. К сожалению, я не мог быть, мое распухшее лицо не позволяло мне показаться в обществе.} Я провел день и вечер у Мензенкампа, который приезжал на несколько дней в город. 25-го я только из предосторожности был весь день дома и занимался тем, что приводил в порядок бумаги нашей миссии.

{В воскресенье 26-го⁸ я поехал в ближайшую колонию (которая называется Тифлисом⁹)}, в церковь, где слушал проповедь пастора Залтета, но мне она не особенно понравилась. {Возвратившись, я нашел приглашение на бал к Сипягину; в этот вечер он давал бал в честь молодоженов. Когда **после**¹⁰ 8 часов все собрались, перед домом зажгли чудный фейерверк, который был бы еще лучше, если б он не отсырел от выпавшего перед тем дождя; одна ракета упала среди дам, которые **только что вышли из дома**,¹¹ и после сразу же скрылись, и должны были наблюдать это зрелище из окон. Сейчас же после фейерверка Сипягин с мадам Грибоедовой открыли бал полонезом. Она в этот вечер была восхитительна и могла бы быть признана красавицей даже и в Петербурге. Она несколько похожа на мадам Поггенполь,¹² но гораздо красивей. После нескольких танцев был исполнен квартет, который едва не провалился. Сипягин только накануне пригласил музыкантов, и у них не было времени как следует подготовиться. Танцевали до часу ночи; мне особенно понравился грузинский танец}, который исполни-

ли некоторые из присутствовавших грузин и грузинок. Он состоит почти только из пантомим и исполнялся, по крайней мере в этот вечер, соло. {Ужин был блестящий; Сипягин не садился, чтоб лучше за всем смотреть; окончился ужин шампанским.} Потом исполнили поурри и мазурку; разошлись в 4 часа. Я получил большое удовольствие, т. к. беседовал со многими теми, которые не танцевали, и остался до конца бала. {Среди гостей был также **муджтахид**,¹³ или персидский муфтий, который перешел к нам в Таврице и назначен **муджтахидом**¹⁴ всех живущих в России шиитов. В нем не было ничего, что указывало бы на его сан; одет он был, как все персы, и даже носил богато украшенную саблю. На шее он носит золотой с бриллиантами портрет императора на Андреевской ленте. Он пил вино сколько только мог, называя его шербетом.}

В понедельник, 27-го,¹⁵ уехал П. Коцебу с полковником Ренненкампом в Абаз-Абад,¹⁶ где начинаются работы по определению границ. Я надеюсь увидеть Коцебу там и радуюсь этому уже сейчас. Бросается в глаза, как сильно его не хватает в доме. Я обычно с таким воодушевлением спускался к нему, чтобы поговорить, бывал по несколько часов, и мы беседовали о прошлом. Персидской стороной для этих дел назначен Мирза Масуд,¹⁷ который, по разговорам, довольно образован. Когда будет окончено определение — Бог знает; но я желаю для Коцебу, чтобы побыстрее. Он занимается этим неохотно. {О следующих днях нечего сказать; утро я провел за работой с Мальцовым, а вечер дома. К сожалению, бедный Грибоедов это время опять страдал лихорадкой; особенно позавчера, когда он целый день провел в постели. Естественно, это нас задерживает, и отъезд не может быть назначен. Сегодня, когда должен был бы опять быть припадок, он был здоров; дай Бог, чтобы так было всегда.}

Шаумбург, который получил разрешение на поездку в Петербург, только и ждет приказа, чтобы уехать. Он привезет тебе несколько монет, которые я насобирал здесь. Они, может быть, неинтересны и дороги, однако лиха беда — начало. В будущем будет лучше. Кроме того, Шаумбург обещал отвезти каламы, о чем я его просил; они здесь не редкость и только перевозка мешает их послать в Петербург.

О подвигах нашего небольшого корпуса, который едва насчитывает 12 тысяч человек,¹⁸ вы, наверное, уже слышали. Ахалцых, который еще не был взят ни разу, наконец пал. К сожалению, битва 9 августа и штурм крепости стоили многих жизней, но на этом, вероятно, кампания закончится. Возможно, на обратном пути возьмут Батум.¹⁹ Во всяком случае, ждут возвращения графа Паскевича со всем корпусом через 3—4 недели. Карс, Ахалкалак, Гертвис,²⁰ Ахалцых, Аджур-Ажур²¹ и крепость, которую взяли несколько дней назад²² и название которой я забыл, сохраняют гарнизоны.

Так как шах хочет оплатить также и последний курур,²³ то Хой²⁴ будет скоро оставлен. Этот курур будет частично в серебре, частично ша-

лями, шелком, бриллиантами и т. д.²⁵ Через несколько дней отсюда выедут чиновники, чтобы принять этот последний долг. {С окончанием установления границ выполнение трактата завершено; но оно вызовет большие затруднения. Грибоедов будет стараться представить нас к награде за это дело; но это должно остаться пока между нами.}

Я написал дяде Андрею.²⁶ В письме ему я сообщил обо всех нас и Шерерах. Он очень удивится, когда получит от меня письмо из Тифлиса. Мне кажется, я уже писал, что он — начальник Талышского ханства.²⁷ Это довольно важный пост в связи с соседством Персии, и у него много работы. Место его пребывания — крепость Ленкоран.²⁸ В Тифлисе я не смог узнать никаких подробностей о нем, т. к. он здесь не бывал.

Прилагаю список некоторых вещей, что я приобрел для поездки, с указанием цен. Я думаю, что маму, возможно, это заинтересует. Я заказал себе еще кожаную подушку, но, к сожалению, для нее нет наволочек. Может, мама будет так добра, что по присланным размерам закажет их. Узелки должны отделять длину от ширины. Если станете посылать, упакуйте получше, так как вещи доходят сюда плохо: думаю, лучше вложить наволочки между двух дощечек. Я хотел писать Александрине и Александру, но нет времени. Мне пришлось утро провести у Грибоедова за работой. Всем сердечный привет от

КА.

Выписка из моей расходной книги.

Цены пересчитаны в петербургские деньги и поэтому приблизительно.

	Руб.	Коп.
Утюг с двумя рукоятками	15	
Шелковая одежда, называемая архалук, состоит из очень короткого верха и панталон; ее носят дома утром	40	
Шлафрок из полушелка	30	
Пикейное одеяло белое	36	
Бурка	24	
Башлык — суконная шапка на мокрую погоду, которая покрывает шею и плечи	8	
Азиатская сабля	48	
Белая суконная фуражка с двумя <белыми чехлами>	18	
2 пуда сахара и 6 фунтов чая	216	
2 пуда мыла	46	
Пестрый персидский войлок для постели	31	
2 вьючных ящика: сюда относятся две штанги и широкий длинный ремень, для приторочивания постели	40	
Складной стол (предыдущее и его дала жена Коцебу)	20	
Маленькая кожаная подушка	20	

6 фунтов турецкого табака	13	
Медный <таз> и медный кувшин для умывания	22	
3 фунта свечей	7	20
Щипцы для снятия нагара и тарелки	1	60
Два медных светильника с одним держателем	1	20
Простыня из оленьей кожи	70	
Чайник	5	
Заварной чайник	3	

Из этого списка видно, как все дорого в Тифлисе.

¹ В переводе 1946 г.: продолжительным.

² Судя по сообщенным симптомам, это был неинфекционный паротит.

³ 22 авг. 1828 г.

⁴ В переводе 1946 г.: болезнь.

⁵ В переводе 1946 г.: проявляет живейшее сочувствие к этому союзу.

⁶ В переводе 1946 г.: прошли.

⁷ 24 авг. 1828 г.

⁸ 26 авг. 1828 г.

⁹ Колония называлась Новый Тифлис; ныне эта территория вошла в границы Тбилиси. В 1851 г. в колонии снимал комнату Л. Н. Толстой, дожидаясь определения в армию.

¹⁰ В переводе 1946 г.: около.

¹¹ В переводе 1946 г.: ушли в дом.

¹² До замужества — *Маргарет Баррон*, во втором браке — *фон Астон*; в первом браке — жена российского дипломата *Поггенполя Петра Васильевича* (1790—1853), в это время — генерального консула в Ливорно. Предположительно К. Аделунг имел возможность засматриваться на прекрасную Маргарет у Андерсонов, которые снимали квартиру в доме Поггенполей на углу Исаакиевской и Морской улиц.

¹³ В переводе 1946 г.: муштеид. *Мир-Феттах-Сеид* — мулла, имевший ученую степень «муджтахид», т. е. представитель высшего мусульманского духовенства.

¹⁴ В переводе 1946 г.: муштеидом.

¹⁵ 27 авг. 1828 г.

¹⁶ Абаз-Абад (Аббас-Абад) — крепость-цитадель, выстроенная французскими инженерами в начале XIX в. в Нахичеванском ханстве. План ее взятия был разработан посланным на Кавказ разжалованным декабристом, бывшим капитаном ЛГ Конно-пионерного эскадрона М. И. Пуциным. Крепость пала 7 июля 1828 г., а ханство по мирному договору отошло Российской империи. В крепости находилась комиссия, принимавшая выплачиваемую персиянами контрибуцию, до того работавшая в Хое.

¹⁷ *Мирза Масуд (Мас'уд)* (1781—1843) переводчик и секретарь Аббас-Мирзы, главный персидский комиссар разграничительной комиссии, участник «извинительной» миссии 1829 г. в Россию; министр иностранных дел Персии с 1832 г.

¹⁸ Точная цифра — 16 883 человек (*Черкасов А. А.* и др. Потери русской армии в Закавказье в Русско-турецкую войну (1828—1829 гг.): историко-статистическое исследование // *Русин*. 2017. № 4. С. 38—60, далее — *Черкасов*).

¹⁹ Батум находится в 110 км на запад от Ахалкацыха и в 260 км на юго-запад от Карса, взятых в 1828 г. Батум был завоеван в следующую Турецкую войну 1877—1878 гг.

²⁰ Гертвис (Хертвис) — крепость к югу от Ахалцыха, при впадении Тапаравани в Куру. Взята российскими войсками под командою Н. Н. Раевского 25 июля 1828 г. (*Помто*. С. 853).

²¹ Вероятно, К. Аделунг имел в виду крепость Ацхур (совр. Ацкури, Грузия), восточнее Ахалцыха, сданную турками после потери Ахалцыха.

²² Возможно, К. Аделунг забыл название крепости Баязет, взятой войсками под командой генерала А. Г. Чавчавадзе.

²³ См. прим. 17 к письму № 10.

²⁴ Хой — центр одноименной персидской провинции. После взятия Эривана Аббас-Мирза не смог удержать дезертиров своей армии и, вместо того чтобы отрезать от Нахичевана выдвинувшийся на восток отряд Эристова-Муравьева, засел в Хое, освободив небольшому российскому отряду дорогу на Тебриз, который легко сдался (*Помто*. С. 738, 745).

²⁵ В донесении Нессельроде из Тебриза Грибоедов, совершенно убежденный как в отсутствии золота у Аббас-Мирзы, так и в отказе шаха далее помогать наследнику в выплате контрибуции, предлагает принимать в оценку «хлопчатую бумагу, шелк и драгоценные вещи», а также «скот для армии, хлеб и прочее» (ПСС. С. 253—259).

²⁶ *Раль Гарри Фридрих Александр (Андрей Федорович) (Раль 5-й)* (1784 — после 1832) — брат матери К. Аделунга. Участвовал в Бородинском сражении, Кавказских войнах. Генерал-майор. С 1828 г. управлял Тальшским ханством. После гибели посольства в Тегеране в янв. 1829 г. война с Персией считалась неизбежной: турки осадили Ахалцых, в Тальшское ханство вошел с войском его прежний властитель Мир-Хасан-хан. Генерал Раль стянул войска к Ленкорану.

²⁷ Тальшское ханство на Каспии долго сопротивлялось персидским завоеваниям, Мир-Хасан-хан был лоялен к России, но в июне 1826 г. переметнулся к Аббас-Мирзе и вошел в свое ханство с персидской армией.

²⁸ Отлично укрепленная крепость Ленкоран была взята российскими войсками после 6-часового штурма 31 дек. 1812 г.

{№ 14.Тифлис 7-го сентября 1828.

Я все еще пишу из Тифлиса и **всякий раз полагаю**,¹ что это уже последнее датированное отсюда письмо; однако вопрос об отъезде опять осложняется; до вчерашнего вечера считалось, что мы выедем завтра. Лихорадка оставила Грибоедова, но вчера и позавчера ему было опять очень нехорошо; у него никогда не было полного лица, но трудно даже представить себе, как он сильно переменялся; он не только похудел, но у него цвет лица стал землистым, что придает ему совершенно больной вид. Дай Бог, чтоб он скорее поправился! Если сегодня или завтра ему не будет лучше, мы, конечно, задержимся здесь **снова**.² Во всяком случае, я окончу и отошлю это письмо тогда, когда смогу дать вам точные сведения об отъезде.}

В субботу, 1-го,³ после долгих споров Мензенкампфу удалось уговорить меня поехать с ним верхом в колонию; около 4 часов пополудни я сел на кобылу из колонии и мы поскакали, беседуя на разные темы, естественно, часто упоминался Петербург. За 3 часа мы доехали до Элизабетталя. Несколько стаканов горячего чая подкрепили нас, и, усталые, мы улеглись.

В воскресенье⁴ утром я пошел в молитвенный дом и *adinterim*⁵ слушал проповедь пастора Вёра. Перед обедом мы совершили довольно далекую прогулку вниз, в долину, к винограднику вместе с Мензенкампами и несколькими молодыми людьми, которые утром приехали из города и среди которых был адъютант Паскевича Фёлькерзам.⁶ Я впервые был в винограднике. Мы не преминули полакомиться великолепными ягодами; чего бы я только не дал, чтобы при этом были и вы, или, по крайней мере, виноградник был у вас! Про каждую съеденную ягоду я думал: ах, если бы я мог ее отправить в Петербург! Очень приятный час провели мы здесь и отправились обратно; после обеда все прилегли; я не ложился, т. к. я никогда не соблюдаю местный обычай, и, желая пошутить с господами, я встал на улице перед окном и стал дуть в губную арфу:⁷ я полагал, что всем она неизвестна; и как же я удивился, когда из комнаты услышал ответ, — я едва поверил ушам, увидев, что все мои арфочки при мне, и едва мог объяснить звук, поскольку ни один из господ не проживал в Грузии менее года. Наконец, все разъяснилось — Фёлькерзам получил одну арфочку в Ахалцыхе от одного офицера, привезшего ее из Петербурга. И таким образом она пределала еще больший путь, чем мои.

3-го сентября господа сели за карты, а я пошел снова с пастором Вёром в виноградник; он был любезен как всегда и показал мне лучшие виноградные лозы, и сам выискивал отборные гроздья. Прежде чем уйти оттуда, мы запаслись отличным виноградом и принесли его мадам Мензенкампф. После обеда партия бостона продолжилась, а я совершил прекрасную прогулку, во время которой я случайно опять встретился с Вёром, с которым вновь посетили несколько виноградников, лежащих поблизости, и приятно провел время. По возвращении мне удалось за несколько минут собрать кое-какие пожертвования на строительство местной церкви; я собрал 4 дуката, что очень обрадовало Вёра, т. к. сбор здесь идет очень медленно. Интересно, удастся ли нам получить что-нибудь из Петербурга, мы ждем с нетерпением первого сообщения. Книга Маккавейская, гл. 12, стих 18.⁸ Вечером из города пришло еще больше гостей. Княгиня Орбелиани⁹ с двумя дочерьми и одной молодой дамой — все грузинки, и молодой Демидов¹⁰ — городской архитектор; так что маленький дом из двух комнат был полон людей.

{4-го,¹¹ во вторник, я хотел пораньше поехать в город, **однако отпавился туда только**¹² в час, так как не мог найти лошади.} Один колонист, у которого были в городе дела, поскакал со мной. Когда я приехал домой (к Ховенам), у них я нашел нового флигель-адъютанта Опперманна¹³ (у Фр. Коцебу), который прибыл из императорской главной квартиры;¹⁴ прежде всего я хотел спросить о Фрице;¹⁵ однако я не получил ответа, т. к. Опперманн покинул лагерь под Шумлой¹⁶ еще до прибытия гвардии. {Сегодня вечером ненужные нам в пути вьючные лошади должны были отправляться; однако наши вещи не навью-

чены и, видимо, не уйдут **раньше нас**. Приведа себя в порядок, я пошел к Грибоедову, но его не видал, так как он был занят; я побеседовал с его женой и с Мальцовым и пошел домой.

В среду,¹⁷ после работы, я пошел обедать к Грибоедову; там подавали шампанское, которое подают теперь почти каждый день, **причем я один**¹⁸ пил за здоровье петербуржцев и ревельцев. После обеда я был занят с Мальцовым до вечера.}

О вчерашнем дне¹⁹ нечего сказать — я провел его дома.

{Я очень бегло набросал эти строчки, так как очень спешу; если мы в самом деле едем завтра, я сегодня должен укладываться и обедать у Грибоедова, где я узнаю что-нибудь новое.} Маме сердечный привет и уверения в моем здоровье и предусмотрительности. Шерерам и Пандерам²⁰ тоже привет, а также Мэтью и Карлу Коцебу. КА

{Позднее.

До сих пор (3 часа пополудни) говорят, что мы выезжаем завтра, после обеда.} Всем сердечные приветы.

¹ В переводе 1946 г.: думаю, что на этот раз.

² В переводе 1946 г.: опять.

³ 1 сент. 1828 г.

⁴ 2 сент. 1828 г.

⁵ В промежутке (лат.).

⁶ *Фёлькерзам Иоганн Фридрих Мельхиор Эдмунд (Иван (или Эдмунд) Егорович)* (1803—1869) выходец из Лифляндии. В 1827 г. — поручик ЛГ Конного полка, адъютант И. Ф. Паскевича. Доставил Туркманчайский договор для подписания шаху и подарки Николаю I Аббас-Мирзе (*Потто*. С. 759).

⁷ Варган (шипковый аэрофон).

⁸ «И вы хорошо сделаете, ответив нам на них».

⁹ Князья Орбелиани — многочисленный древний княжеский род армянского происхождения, давший воинов, священников, поэтов. Земли кого-то из Орбелиани соседствовали с участком, выкупленным казной для Элизабеттальской колонии (*Чернова-Дёке*. С. 40). В 1829 г. при антироссийских волнениях, возникших при формировании милиции в Картли, действия четырех князей Орбелиани остановили зарождавшийся бунт (*Потто*. С. 931). Однако в националистическом заговоре 1830—1832 гг., в планах которого было вернуть Грузии независимость и царя (бежавшего в Персию принца Александра Багратиони), кн. Орбелиани приняли активное участие.

¹⁰ *Демидов Петр Яковлевич*, коллежский секретарь.

¹¹ 4 сент. 1828 г.

¹² В переводе 1946 г.: но попал я туда.

¹³ *Оптерман Александр Карлович* (1803—1855) — сын инженер-генерал, члена Государственного совета и с 1829 г. графа *Оптермана Карла Ивановича* (1766—1831). С дек. 1821 г. — прапорщик ЛГ Саперного батальона, переведен из него в марте 1825 г. в ЛГ Измайловский полк поручиком, с 1825 г. — адъютант Ф. И. Паскевича. Участвовал в Персидской и Турецкой войнах. Был сослуживцем Ф. Ф. Аделунга в 1823—1825 гг. В конце службы, проделанной на Кавказе, — генерал-майор.

¹⁴ Дунайской армии у Варны.

¹⁵ Старшем брате, Фрице Аделунге.

¹⁶ Шумла (совр. Шумен) — турецкая крепость на территории нынешней Болгарии. Была блокирована российским отрядом летом 1828 г., но не взята. Осаждавшие ее войска понесли значительные потери из-за болезней и в сент. 1828 г. были отведены для подкрепления под Варну. Гвардия, включая ЛГ Саперный батальон, выступила из Санкт-Петербурга в апр.; в авг. вступила на территорию болгарской Турции и была двинута к Варне, куда добралась 1 сент. 1828 г.

¹⁷ 5 сент. 1828 г.

¹⁸ В переводе 1946 г.: я.

¹⁹ 6 сент. 1828 г.

²⁰ *Пандер Христиан Андреевич* (1794—1865) — выдающийся палеонтолог латышского происхождения, выходец из купеческого сословия. Окончил медицинский факультет в Дерпте в 1812 г.; степень доктора получил в Вюрцбурге в 1818 г.; в 1821 г. — адъюнкт, в 1826 г. — ординарный академик ИАН, с 1827 г. — служащий Горного департамента МВД, лауреат многих научных премий. В 1825 г. женился на дочери академика А. И. Шерера, кузине К. Аделунга *Шерер Амалии*. Участвовал в геолого-палеонтологических экспедициях при строительстве Петербурго-Московской железной дороги (ЦГИА СПб., ф. 963, оп. 1, № 4805; ф. 536, оп. 6, № 3026). У старших детей Пандеров воспитанниками были чета Аделунгов и двое их старших детей. Трое сыновей Пандера окончили ИМХА и некоторое время работали врачами.

Тифлис, 9 сентября 1828 г. 10 час. утра.¹

Я использую последние радостные мгновения, чтобы послать сердечный привет отсюда. Я буду писать по возможности чаще, но, вероятно, уже из Эривана. Всем сердечный привет, а маме и Александрине — поцелуи. КА

Молодой Питер Сиверс² недавно умер в Нухе.³ Гельмерсена⁴ это сильно расстроило.

¹ Письмо адресовано <Его превосходительству Федору Павловичу Аделунгу. В С. Петербург>.

² *Сиверс Питер* (1806—1828), правнук адмирала *Сиверса П. И.* (1674—1740).

³ Нуха (совр. Шеки) — древний (ок. 3 тысяч лет) город совр. Азербайджана; присоединен к России в 1819 г. в составе Шекинского ханства. Центр переработки шелка.

⁴ *Гельмерсен Петр Федорович (Петр Бернгард)* (1776—1860) — инженер-полковник, петербургский потомок лифляндских баронов, известен как автор первого проекта устройства курорта кавказских Минеральных Вод в 1810 г.; с 1822 г. работал в Одессе, в середине 1820-х гг. вернулся в Санкт-Петербург и держал частную литографию. В 1845 г. служил помощником по учебной части директора Института Корпуса горных инженеров (ЦГИА СПб., ф. 963, оп. 1, № 4805, л. 6). Его жена — *Августа-София*, урожд. *Сиверс* (1778—1863). Наверное, смерть П. Сиверса могла сильно расстроить кого-то из сыновей Гельмерсена, находившихся в то время на Кавказе: *Александра Петровича* (1797—1850), юного участника Бородинской битвы и в 1830-е гг. — полковника, преподающего в Санкт-Петербургской школе гвардейских подпрапорщиков; или *Павла Петровича* (1801—1894), офицера Генерального штаба, в 1860-е гг. занимавшегося освоением Дальнего Востока. Самый известный из этих братьев Гельмерсенов — *Георгий Петрович* (1803—1885), в будущем — академик-геолог, в 1828 г. находился на Урале.

{№ 15. Эриван 18 сентября 1828.¹}

Мне очень неловко, но у меня мало времени для подробного описания нашего пути из Тифлиса сюда: мы прибыли только вчера, а сегодня утром почта уходит в Тифлис. С завтрашнего дня буду писать так часто, как можно будет, и описание уйдет со следующей почтой, т. к. мы, вероятно, останемся здесь не менее чем на восемь дней.

{Мы выехали из Тифлиса в воскресенье² около часа пополудни, ежедневно делали по 25—40 верст и на 9-й день приехали сюда. Грибоедов сейчас в Эчмиадзине³ и сегодня приезжает.} Нам пришлось вынести сильный холод, когда мы утром покинули наши палатки на станции Акзибиюк,⁴ — все было покрыто снегом; когда мы выехали верхом, снова пошел снег, и эта плохая погода продолжалась целый день. Здесь, в Эриване, снова довольно тепло. Это первый по-настоящему азиатский город, который я вижу. В каждом доме — сад, так что все выглядит довольно мило и приятнее Тифлиса. Вчера, сразу после нашего прибытия, мы посетили Мухаммад-хана,⁵ который защищал Сардар-Абад⁶ и был бригадным генералом, а теперь член здешнего правительства и ругает все персидское; он предложил нам азиатский завтрак и был очень разговорчив. Спустя несколько часов он навестил нас и пригласил к себе на ужин. Это был очень странный, но приятный вечер: музыка и пение, которые резали уши, развлекали всех во время еды. Сам хан выпил больше, чем мы все вместе.

Обо всем этом подробнее я сообщу, а сейчас нет времени — запрягают, и мы едем навстречу Грибоедову. Всем самый сердечный привет из Персии, особенно Мэтью, Карлу Коцебу, а через Александрина — всем Коцебу.

Прилагаю три пара,⁷ которые Ваценко⁸ получил как трофеи в Карсе и подарил мне. Среди них один — египетский. До нашего отъезда я точно напишу. КА

{Вторник, 18 сентября. **Около**⁹ 10 часов утра мы, сотрудники миссии, собрались и поехали встречать Грибоедова, чтобы с ним вместе войти в Эриван. По дороге, в расстоянии в пол-агача от города (агач, или фарсах,¹⁰ — 7 русских верст), увидели мы старую башню и маленькое сводчатое здание, и то, и другое — из красного кирпича, украшенное разноцветной керамикой. Башня восьмиугольная; крыша тоже из кирпичей, сводчатая. Ваценко, которого я попросил объяснить многочисленные надписи на башне, не смог расшифровать их. Шарден,¹¹ в атласе которого изображена эта башня, разъяснит мне их (как только мы получим багаж, который идет водой¹²). {Едва мы покинули это интересное строение, как увидели экипажи;¹³ **и галопом поскакали им навстречу.**¹⁴ **Когда в отдалении мы увидели ханов, прочих персов и татар,**¹⁵ Грибоедов сел на свою лошадь; наши экипажи **остались,**¹⁶ а мы поскакали навстречу жителям Эривана. Самыми **знатыми**¹⁷ из них были вышеупомянутый сертип¹⁸ Мухаммад-хан, Ахмет-хан¹⁹ и Паша-хан,²⁰ прежний любимец Аббас-Мирзы; кроме названных,

здесь было еще около 500 всадников, частью свита трех названных выше, частью свита бека,²¹ остальные — жители Эривана.

Обменявшись приветствиями с Грибоедовым, вся кавалькада присоединилась к нам.

Когда Эриванский плац-адъютант²² (армянин) представлял Грибоедову ханов, он хотел как можно лучше выразиться по-русски и сказал следующее: «<Эриванское ханьё поздравляет> Ваше превосходительство и т. д.»; вероятно, он слово «ханьё» производил от слова «бабьё» и был очень доволен, что так выразился.

Все то время, пока мы были вне города, около 100 всадников, разделившись на две партии по обеим сторонам дороги, вели воинственные игры; они гонялись друг за другом галопом, стреляли из винтовок и пистолетов или бросали дротики. В последней игре отличился Ахметхан. {Внезапно я попал в сильнейшую перепалку: сражающиеся партии сшиблись на дороге с обеих сторон; они кричали мне свое «кабарда, кабарда» (прочь с дороги), но я не смог свернуть так скоро.} И оказался среди них. {Раздавались выстрел за выстрелом, пороховой дым обдал нас; я спокойно ожидал конца, который, однако, не последовал. Грибоедов был немало удивлен, **когда куча раздалась, и он увидел меня.**²³ При продолжающейся стрельбе приблизились мы к городу; мы должны были переходить через широкие каналы; так как с нами было по крайней мере 500 всадников, не обошлось без того, что мы были совершенно забрызганы водой; покрывавшая наши мундиры пыль, смешавшись с водой, образовала **густой налет**²⁴ и зеленый цвет наших мундиров переменяла на серый **с коричневыми** крапинками.

Когда мы проехали старый каменный мост через Зангу,²⁵ нас встретило армянское и русское духовенство с хоругвями, свечами, иконами, кадильницами и другими подобными вещами. Министр сошел с лошади, приложился к протянутому ему архиереем кресту и поехал дальше.

Помещение ему было приготовлено в доме сертипа Мухаммад-хана; перед домом была выстроена охрана с офицером стоящего в Эриване полка; при приближении Грибоедова стал бить барабан. Когда мы въехали во двор, или, вернее, в нечто вроде сада, нас встретил музыкой военный оркестр, который и играл весь день.

После того как Грибоедов и его жена все осмотрели, мы пошли на свою квартиру, чтобы устроиться и вычиститься. Прежде чем мы ушли обедать, мы посетили Мухаммад-хана, который нас очень приветливо принял и угостил фруктами.} Мы пообедали только около 5 часов; застольная музыка перенесла меня в Петербург — музыканты усердно выбирали те пьесы, которые мне были знакомы: «Волшебный стрелок»,²⁶ «Дон Жуан»,²⁷ «Волшебная флейта»,²⁸ «Весталка»;²⁹ кроме того, они играли для нас танцы, которые я знал; под конец мы услышали даже отрывок из «Творения»;³⁰ но я не критикую — я мог наслаждаться музыкой, хотя хор был несовершенен. Вечер мы провели дома в разговорах.

{Среда, 19-го.³¹ Мы только что напились чаю, как за нами прислал Ахмет-хан, приглашая нас к обеду. Я хотел до обеда немного поработать, но персы сочли это неслыханным и не допустили этого. Так и прошло время до обеда. Около двух часов в парадной форме мы пошли к Грибоедову, сели на лошадей и поехали к Ахмет-хану. Мы нашли здесь накрытый стол и стулья, на европейский лад. Обменявшись официальными приветствиями, все сели за стол. Министр сидел во главе стола, по обе стороны от него сидели персы и мы, а в конце стола разместились офицеры гарнизона. Обед состоял по меньшей мере из 30 блюд. Каждый раз вносили двухаршинную доску, на которой стояли блюда с пловом, долмой³² и т. д.; второе блюдо (долма) подавалось в 20 видах; конечно, я почти ни к чему не притронулся, так как от этого грязного персидского стола пропадет всякий аппетит. Все плавало в бараньем жире; тарелки с кушаньем отставлялись тотчас, чтобы дать опять место бесконечной долме; запах остывшего сала и неприятный вид этой кислятины были мне противны. В промежутках между блюдами персы хватали стоявшие на столе фрукты и сладости, и все это после того, как они опускали в жир свои грязные пальцы, с окрашенными в красный цвет ногтями.

Все время, кроме того, пили за здоровье всех кахетинское вино и шампанское. Наконец этот отвратительный обед окончился, все встали из-за стола, и после короткой беседы мы откланялись. Ахмет-хан подал каждому руку и сказал по-русски: «<Прощайте, до свиданья>». Только что мы приехали домой, как хан опять прислал за нами, прося нас тотчас прийти к нему. Насколько фатальным был для меня обед, настолько приятен или, скорее, интересен, был вечер, я увидел здесь впервые **персидских танцоров**.³³ Их танец состоит всего лишь из медленных движений, для чего они, после такта музыки, исполняемой на цитре и певцом, щелкают специально пальцами. Что Морьер³⁴ говорит о персидских танцах, подтвердилось. Но я не буду об этом.

{Через несколько часов, которые для нас прошли очень быстро, за нами прислал Грибоедов: к Паскевичу отправлялся курьер, и мы до поздней ночи писали донесения.

Четверг, 20-го.³⁵ Утро мы провели за работой, чтобы отправить курьера в главный штаб Паскевича. Появление и исчезновение персов сегодня было невыносимо: нельзя придумать ничего скучнее подобных визитов. Такой субъект сидит перед тобой час и молчит; тебе кажется время очень медленным и неприятным. Кроме персов, нас посещали русские офицеры: комендант князь Аргутинский,³⁶ полицмейстер Ерусалимский³⁷ и другие почтили нас визитами. Первый наполовину знаком по Павловску; это грузин, который в 1821 г. с конной гвардией находился в Павловске и тогда давал повод смеяться над его чопорностью, которую он до сих пор, уже полковником, не совсем потерял. Мне он показался слишком сухим для сближения. В полицмейстере мы нашли

веселого, чрезвычайно сердечного человека, который нам во многом помог; его все хвалят.

{Сегодня, как и все дни нашего пребывания в Эриване, обедали у Грибоедова эриванские чиновники; ни один день не обходился без музыки за обедом.} После обеда я ходил с Ваценко на базар; все палатки располагаются по обе стороны длинной сводчатой галереи, куда свет падает сверху; насколько это защищает от солнца и дождя, настолько это препятствует доступу свежего воздуха — это особенно неприятно там, где работают сапожники и мясники. Торговля не может восстановиться после взятия Эривана, и базар теперь небольшой. Половина лавок еще закрыта. Я спросил здесь у менял о пули-кадима³⁸ — но не нашел ни одной.

Вблизи базара находится мечеть, которую мы посетили. Снаружи — глиняный купол и минарет молельного дома. Мы через небольшой коридорчик вошли в четырехугольный двор с бассейном в центре, в каждом углу которого росло по роскошному старому вязу. На восточной стороне двора — мечеть, передняя сторона которой без стен и украшена двумя пилястрами; напротив находилась своего рода кафедра высотой приблизительно два фадена³⁹ с довольно красивой деревянной резьбой. Лестница ведет наверх. В остальном ничего нет в мечети — ни картин, ни надписей; ничего, кроме пустой белой стены. Помещение квадратное, и пол укрыт циновкой (так в Персии называют ковры), чтобы не касаться пола. После осмотра мы поднялись на минарет; каменная винтовая лестница едва в полтора фута⁴⁰ в ширину ведет на галерею, где мулла трижды в день возглашает. Сверху можно наслаждаться прекрасным видом Эривана с его садами, крепостью, деревьями, которые тоже в садах, и на горизонте — горы, среди которых великолепные Арарат⁴¹ и Арагац.⁴² Заходящее солнце освещало все это божественно — это был чудесный вид. Но такой далекий от всех моих близких! Вечерняя прохлада напомнила нам снова, что пора спускаться, хотя и не хотелось. Отчасти мне трудно было расстаться с этим видом; с другой стороны, и лестница меня пугала. Однако мы спустились.

От мечети мы пошли в сад бывшего эриванского сардара — он расположен по другую сторону крепости, с юга, мы прошли по мосту через Зангу, по которому мы в день прибытия ехали верхом; сам сад не имеет ни стен, ни другой ограды и состоит, как и все персидские сады, из рядов тополей, а между ними ряды винограда. Как я рассмотрел, виноград здесь выращивают так, как это делают и в Грузии, и в Персии: не на вертикальных опорах, а на горизонтальных, высотой в полтора аршина,⁴³ по которым распределена лоза. Это делается для удобства орошения. Колонисты в Грузии составляют исключение и выращивают его на немецкий манер, на вертикальных опорах. В центре сада находится увеселительный павильон, который очень красив. Наши добрые русские очень радовались, разрушая его; также среди тополиных аллей нет полноценных деревьев — это однолетние деревца-побеги высотой

в 10 футов,⁴⁴ выросшие из пней. Старые тополя были использованы для топки и на фашины. Мы полакомились виноградом, и я ел за вас всех. Вернулись домой почти в темноте.

{Пятница, 21-го.⁴⁵ Рано утром, когда все еще спали, приехал из Баязита⁴⁶ князь Чавчавадзе, отец мадам Грибоедовой, чтоб увидеть молодоженов до их отъезда в Персию: он начальник армянской провинции и поэтому не живет в Тифлисе; таким образом, он видел Грибоедова в качестве своего зятя в первый раз. Это очень красивый мужчина за 30 лет, и в нем нет ничего грузинского.

Перед обедом мы, сотрудники миссии, поехали на базар не столько из любопытства, сколько для моциона. Сегодня, по обыкновению, во время обеда играла музыка; в честь князя Чавчавадзе музыканты оставались во дворе у Грибоедова до темноты. Вечер мы провели в беседе.}

Суббота, 22-го.⁴⁷ Я снова ходил с Ваценко на базар и в сад бывшего сердара. Тут мы задержались — мы лежали на траве у канала с быстрым течением среди ив и поедали прекрасный виноград. Он такой сладкий, что вызывает жажду. К счастью, я обнаружил, что вода здесь превосходна, и осушил не один мой кожаный стакан. Этот стакан (если так можно назвать) сослужил мне большую службу по пути в Тифлис и по Персии — все завидуют мне. Кстати, я прошу прислать мне еще два таких же. После обеда Александр Сергеевич поехал с женой в коляске в крепость. Мы последовали верхом. Вначале мы осмотрели дворец⁴⁸ сердара Гусейн-хана; как во всех восточных домах, здесь снаружи можно видеть только непривлекательную глиняную стену; из темной прихожей входишь в красивую цветастую комнату, которая имеет такую форму □. Передняя, выступающая сторона представляет собой единственное окно с цветными стеклами в красивом обрамлении; отсюда открывается вид на двор. Сама комната в яркой и густой росписи цветами, птицами и т. п., а один карниз — из стеклянной (зеркальной) мозаики, потолок тоже разноцветный; прежде чем закрыли окно (персидские окна, как и английские, закрываются вверх), почти стемнело.

Тут и там я видел портреты — большинство в европейской одежде от современной до 300-летней давности. Говорят, что персы предпочитают такие картины; я увидел здесь 5 старомодных дам. Отсюда провели нас в роскошную комнату сердара — она такая же пестрая, как предыдущая, и той же формы и, пожалуй, перегружена золотом, но намного большего размера. В выступающей части расположен круглый бассейн из прозрачного мрамора, который добывают на озере Геламия⁴⁹ и доставляют оттуда по воде.

Однако какой вид открылся перед нами, когда окно открыли: прямо у подножья дворца, на 200 футов⁵⁰ ниже — пенная Занга со старым мостом, а за виноградником сердара и горой <и рзб 1 слово> — единственный в своем виде Арарат! В жизни своей не видал ничего подобного. Сегодня заходящее солнце освещало его великолепно. Если отойти немного от окна, зрелище выглядит как нарисованная картина! Ах,

если бы вы могли насладиться этим вместе со мной! Только Грибоедов, казалось, почувствовал эту красоту. Я видел так много красивого, но, к сожалению, видел один — насколько было бы лучше, если б вы могли любоваться этим вместе со мной. Остальные комнаты дворца посетить с дамами было невозможно. Русские солдаты почти везде оставили после себя памятники.⁵¹ Гарем, куда ведет сводчатый коридор из большого двора, был занят армянской милицией, которую здесь называют сарбазами,⁵² так как они одеты почти так же. Четвертую сторону двора занимает мечеть, мало отличающаяся от описанной. Наверху находятся только галереи и две открытые спереди маленькие комнаты, в одной из которых содержали в плену Хасан-хана, захваченного Сухтеленем.⁵³ Мы поднялись на плоскую крышу мечети, где особенно похозяйничали наши бомбы, в том числе 48-фунтовые. Купол из зеленых и белых плиток очень пострадал с одной стороны, так что четверть плиток отсутствует. На самой крыше много пробоин; когда мы снова спустились вниз, то нашли во дворе русское 48-фунтовое ядро⁵⁴ — оно было слишком тяжелым для меня (чтобы сохранить его на память). Больше во дворце примечательного ничего нет; спасибо большое победителям! Бывшую большую мечеть, которую переосвятили в собор,⁵⁵ мы не посещали.

{Воскресенье, 23}⁵⁶ рано утром я посетил персидскую баню, которая была заказана накануне, чтобы побыть в ней одному. Так как эта баня во многом отличается от тифлиских, то я расскажу о ней. Сначала входил в большой круглый зал со сводами, в центре которого бассейн; в стене оборудованы ниши, в которых раздеваются. Это и есть собственно публичные бани. Мы прошли отсюда через еще более просторный и темный зал, шесть сводов которого стоят на каменных колоннах, в маленькую комнатку, которая предназначалась для нас. Она была совершенно пуста, и только по одной стене стояла каменная ванна, куда напускали холодную и теплую воду. Мне пришлось лечь туда на спину на каменное дно, и меня терли волосняным мешочком. Также банщик начал мне вправлять лопатки, однако я запретил ему это. Чтобы не простудиться, я галопом поскакал домой, где согрелся чаем.

{Сегодня Грибоедов пригласил к обеду трех эриванских ханов, а также несколько знатнейших **персидских жителей**.⁵⁷ Конечно, обед подавался европейский, за исключением восточного шербета. Все шло прилично до тех пор, пока не подали два блюда с пловом; когда одно из них дошло до одного старого перса, он счел целесообразным взять себе его целиком: слуга сначала **воспротивился этому**,⁵⁸ но под конец должен был **уступить**,⁵⁹ так как перс не переставал повторять «давай, давай!» Во все время обеда блюдо оставалось у него, и он беспрестанно запускал в него пальцы. Музыка их совершенно не интересовала, они попеременно то ели, то болтали.} Вечером я приводил в порядок дневник (события до Эривана) и просидел до поздней ночи. {Наш отъезд в Таврис назначен на ближайший **вторник**.⁶⁰ 25-го.⁶¹}

¹ Письмо перфорировано для противочумного окуривания.

² 9 сент. 1828 г.

³ Эчмиадзин — армяно-григорианский монастырь IV в. в совр. г Вагаршапате, в 20 км от Еревана, резиденция католикоса. В это время владел большим хозяйством, включая перерабатывающие производства, школу и гостиницу. Вблизи монастыря неоднократно происходили сражения русской и персидской армий: в 1804 г. отряд наследного принца Аббас-Мирзы был разбит отрядом П. Д. Цицианова вчетверо меньшей численности. В апр. 1827 г. небольшой отряд К. Х. Бенкендорфа был блокирован в монастыре и обречен на голод, т. к. архиепископ Нерсес Аштаракеци убедил Паскевича в больших запасах монастыря, которые отсутствовали. Чуть позднее, в июле 1827 г., сердар Еревана блокировал монастырь, что вынудило поспешить на помощь небольшой отряд генерала А. И. Красовского. Отчаянное положение генерала (более половины его отряда погибли по дороге к Эчмиадзину) заставило основные силы И. Ф. Паскевича отложить движение к Тебризу и спешить к Еревану. Паскевич взял Ереван (и стал графом Эриванским), а Тебриз без боя взял отряд Эрнстова-Муравьева (позднее ставшего Муравьевым-Карским). Паскевич публично выразил свое неудовольствие и Аштаракеци, и Красовскому, и Муравьеву (*Потто*. С. 657, 660, 712). Действия и Красовского, и архиепископа Нерсеса, снабжавших провиантом не только русскую армию, но переселившихся в Армянскую область армян, вызвали сильное раздражение Паскевича. К. Аделунг в описании встречи посольства с армянским духовенством у монастыря и у Джелал-Оглы (письмо № 16) передает некоторую натянутость; вызванную у Грибоедова, наверное, этим отношением Паскевича.

⁴ Акзибиюк (Ахзэбтук) — хребет, поселок и перевал в Карабахе.

⁵ Предположительно, этот *Мухаммад-хан* (*Мамад-хан*) был сыном предпоследнего ереванского сардара хана Мусы (Мухаммад-хана, род. в 1760 г.). Последний был смещен в 1805 г. и заменен Гусейн-ханом Казвини, после чего переметнулся к русским и в Тифлисе интриговал против Персии (*Тунян В. Г.* «Защитник отечества» — каталогос всех армян Нерсес Аштаракеци. 1826—1857. Ереван, 2007, С. 78. Эл. ресурс, дата доступа 11 авг. 2020 г., <http://armenian-church.org/images/books/4bk13katolikos.pdf>, далее — *Тунян*).

⁶ Паскевич, осадив Ереван, остерегался иметь поблизости хорошо укрепленную персидскую крепость Сардар-Абад (совр. Армавир в Армении). После трех суток интенсивного обстрела, 15 сент. 1827 г., Сардар-Абад, оборону которого держал внук Хасан-хана, был взят. Из крепостной тюрьмы освободили много пленных армян и грузин и немало женщин из Катариненфельдской колонии. В благодарность епископ Нерсес Аштаракеци основал в крепости церковь Св. Николая (*Потто*. С. 726, 808).

⁷ Парá — мелкая разменная монета в Египте, Турции, Молдавских княжествах, Сербии.

⁸ *Ваценко Василий Яковлевич*, сын *Якова Кирилловича Ваценко*, бывшего консулом в Османской Порте в 1802 г., главным приставом над калмыками и туркменами в 1814—1817 гг., участником посольства Ермолова, генеральным консулом в Тегеране в 1824—1825 гг. Мать Василия Яковлевича была неграмотна; судя по тому, что сестры его воспитывались в закрытых учебных заведениях Санкт-Петербурга, он получил сходное образование (ЦГИА СПб., ф. 2, оп. 1, № 2972, л. 3). Василий Яковлевич — один из первых выпускников УОВЯ при МИД; переводчик генерала Красовского во время Персидской войны, с авг. 1828 г. — переводчик генерального консульства в Тебризе (ПСС. С. 183; АИВР РАН, ф. 17, оп. 1, № 189, л. 9). В мае 1829 г. участвовал в перенесении гроба с телом Грибоедова для панихиды в Нахичеванскую церковь.

⁹ В переводе 1946 г.: В.

¹⁰ Персидские меры длины: фарсах (в разное время и разных районах — от 5,5 до 8 км). В. Даль определяет агач как расстояние в час ходьбы (5 км) или езды (8 км).

¹¹ *Шарден Жан* (1643—1713) — французский ювелир и путешественник, дважды посетивший Персию и проживший в ней более 15 лет. По пути на Восток посетил и Грузинские царства. Издал в 1686 г. книгу (три тома мелкой печати, 1200 страниц большого формата) о своем путешествии «Путешествие шеваля Шардена в Персию и другие страны Востока».

¹² Багаж доставили в Тебриз только в апр. 1829 г., после гибели К. Аделунга.

¹³ В переводе 1946 г.: всадников и экипажи.

¹⁴ В переводе 1946 г.: они мчались навстречу нам.

¹⁵ В переводе 1946 г.: мы узнали персидских ханов.

¹⁶ В переводе 1946 г.: несколько отстали.

¹⁷ В переводе 1946 г.: знаменитыми.

¹⁸ Сертип — генерал.

¹⁹ Ахмет — сокращенное от Мухаммед, Мухаммад. Один из членов существовавшего в 1828—1830 гг. коллегиального Армянского областного правления был некий Ахмет-хан.

²⁰ Возможно, Паша-хан — высокопоставленный чиновник Аббас-Мирзы, муж одной из его внучек.

²¹ Бек — дворянин.

²² Плац-адъютант — офицер, подчиненный коменданту крепости; ведал арестованными, командированными, караульными.

²³ В переводе 1946 г.: увидел меня под грудой этих тел.

²⁴ В переводе 1946 г.: тесто.

²⁵ Занга (совр. Раздан) — река, берущая начало из озера Севан (Гокча) и впадающая в Аракс.

²⁶ «Волшебный стрелок» — опера Вебера 1821 г., в Санкт-Петербурге поставлена в 1823 г. немецкой труппой и в 1824 г. — русской труппой.

²⁷ «Дон Жуан» — опера Моцарта 1787 г., в Санкт-Петербурге поставлена 21 апр. 1828 г.

²⁸ «Волшебная флейта» — опера Моцарта 1791 г., в Санкт-Петербурге поставлена немецкой труппой в 1791 г. и в 1818 г. — русской.

²⁹ «Весталка» — опера Г. Спонтини 1807 г., в Санкт-Петербурге поставлена в 1812 г.

³⁰ «Сотворение мира» — вокальная оратория Гайдна 1798 г.; впервые исполнена в Санкт-Петербурге в 1800 г.; с ее исполнения в 1802 г. ведет историю петербургское Филармоническое общество, основанное Ф. П. Аделунгом и А. А. Ралем.

³¹ 19 сент. 1828 г.

³² Долма — блюдо тюркских народов на основе риса, завернутого в виноградные листья; много вариантов также с овощным и мясным фаршем.

³³ В переводе 1946 г.: персидские танцы.

³⁴ *Мориер Джеймс Юстиниан* (1780?—1849) — английский посол в Персии в 1814—1815 гг., путешествовал по Передней Азии. В 1812 г. опубликовал «Путешествие по Персии, Армении и Малой Азии до Константинополя в 1808 и 1809 годах»; в 1824 г. — «Похождения Хаджи-Бабы».

³⁵ 20 сент. 1828 г.

³⁶ Подполковник (позднее генерал) князь *Аргутинский-Долгоруков Моисей Захарович* (1797—1855) — участник Персидской, Турецкой и Кавказской войн. Ак-

тивно способствовал переселению армян с персидских и османских территорий в Армянскую область.

³⁷ *Ерусалимский Карапет Габриелович* (1796—?) — капитан, с 1816 г. служил в Ереванском карабинерском полку, участвовал в Персидской и Турецкой войнах, был членом Комитета по переселению армян с персидских на российские территории в 1828—1830 гг.

³⁸ Искаженное персидское «старые деньги».

³⁹ Немецкая мера длины, соответствующая русской маховой сажени (около 1,8 м).

⁴⁰ Чуть более 45 см.

⁴¹ Арарат — гора в совр. Турции в 30 км от границы с Арменией высотой 5137 м. По поверью, прибежище ковчега Ноя. Осенью 1829 г. с третьей попытки естествоиспытатель *Паррот Иоганн Фридрих (Иван Егорович)* (1791—1841) взлез на его вершину и оценил высоту.

⁴² К. Аделунг здесь употребил армянское название Арагац вулканической горы с 4 вершинами на территории совр. Армении высотой 4092 м. Далее (см. письмо № 16) он использует тюркское название — Алагёс.

⁴³ 106 см.

⁴⁴ Чуть более 3 м.

⁴⁵ 21 сент. 1828 г.

⁴⁶ Баязит (совр. Догубаязит) — турецкий город-крепость с преимущественно армянским населением; взят российскими войсками под командованием кн. Чавчавадзе 28 авг. 1828 г.; позднее почти месяц отражал попытки турецкой армии отвоювать его и был возвращен Турции 2 сент. 1829 г. по Адрианопольскому миру.

⁴⁷ 22 сент. 1828 г.

⁴⁸ Дворец существовал до 1914 г.

⁴⁹ К. Аделунг приводит древнеармянское название озера Севан (исток реки Раздан), называемого тогда по-азербайджански и по-курдски Гокча.

⁵⁰ Чуть более 60 м.

⁵¹ После штурма Эриван несколько дней подвергалась грабежам; об этом свидетельствуют приказы об их прекращении, отданные командиром ЛГ Сводного полка.

⁵² Пехотинец регулярной персидской армии.

⁵³ *Сухтелен Павел Петрович* (1798—1833) — сын генерал-инженера и дипломата голландского происхождения, в 1827 г. — начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса. Раненый и попавший в плен под Аустерлицем Сухтелен своей цитатой из Корнеля («Я юн, <...> но храбрости не грозит долголетие») привлек внимание Наполеона и стал героем полотна, размещенного в Тюильри (*Лотман Ю. М.* Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Об искусстве. СПб., 1998. С. 636—637). Осенью 1827 г. при взятии Ардебилля Сухтелен распорядился забрать из городской мечети библиотеку древних книг и рукописей Шах-Аббаса, пообещав ее вернуть по снятии копий. Библиотека вошла в фонды ИПБ. См. также прим. 18 письма № 11.

⁵⁴ Почти 20 кг, диаметром около 18 см.

⁵⁵ По желанию Паскевича главная мечеть Эривана, построенная турками в 1582 г., была переосвящена в православную церковь Покрова Пресвятой Богородицы, так как в день этого церковного праздника была взята городская крепость в 1827 г. (*Потто*. С. 808).

⁵⁶ 23 сент. 1828 г.

⁵⁷ В переводе 1946 г.: персов.

⁵⁸ В переводе 1946 г.: ждал.

⁵⁹ В переводе 1946 г.: сдаться.

⁶⁰ В переводе 1946 г.: четверг.

⁶¹ 25 сент. 1828 г.

{№ 16. Эриван 22 сентября 1828.}¹

Я хотел после моего письма № 15 от 18-го, в котором я сообщал о моем прибытии в Эриван, описать все дни до прибытия сюда, по крайней мере кое-что сообщить вам. Однако до сегодняшнего дня все еще не успел, т. к. все дни тут бегают туда-сюда всякие персы с визитами. Также и сейчас был тут один, однако это мне больше не мешает оттого, что время нашего пребывания здесь продлено до вторника,² так что я закончу это письмо завтра. Сначала говорили, что мы пробудем здесь 4 дня; наш отъезд был назначен на позавчера, но каждый день его откладывали, и еще не ясно, состоится ли он во вторник; но мы вовсе не расстроились, если б могли остаться и подольше, оттого что нам здесь очень нравится: особенно привлекательны здешние фрукты, которые в Персии превосходны. До сих пор я не встречал таких прекрасных дынь, персиков и винограда. Здесь много сортов винограда разных цветов; в частности, я ел здесь продолговатый розоватый с ягодой приблизительно полтора дюйма в длину.³ Он превосходен. Маме не нужно волноваться обо мне — я очень умерен во всем и вообще слежу за собой. Все находят что я, особенно после Тифлиса, поправился, и я сам чувствую это, так как одежда стала тесной. Я чувствую себя совершенно здоровым, и здешний климат, пользующийся дурной славой, мне — полезен. Последний раз я дошел в письме до 7 сентября (пятница), и теперь продолжаю.

{Пятница, 7-го.⁴ Утро прошло в хлопотах перед отъездом; проведя несколько часов в лавках, я пошел обедать к Грибоедову. Это был их последний обед в Тифлисе, и никого из чужих не было, обедали только родственники его жены. Было заметно, как ей, бедняжке, трудно; она в первый раз в жизни покидает родительский дом и Тифлис и идет навстречу, несомненно, нелегкой жизни: у нее не будет никакого женского общества в Тегеране, так как жена тамошнего доктора МакНила⁵ недавно уехала в Англию. В Таврисе она найдет нескольких англичанок, и я желаю ей и всем нам провести зиму там. Зима подходит, и **нам**⁶ предстоит очень трудное путешествие, если мы поедem в Тегеран, но это совершенно невероятно; у Грибоедова очень много дела в Таврисе, и мы не надеемся выехать в Тегеран раньше марта.

Наш отъезд из Тифлиса сегодня назначен⁷ на воскресенье.⁸} После обеда мне нужно было кое-что купить, и за сухарями мне пришлось поехать в Тифлисскую колонию⁹ (4 версты от города); за это я был вознагражден превосходными сухарями и даже более — пирогами. Как и все, здесь они дороги: мне пришлось заплатить 5 рублей за 10 фунтов.

{Суббота, 8-го.¹⁰ Рано утром пришел мой Семён, чтоб уложить мои вещи.} Тут я еще больше его оценил — он превосходно запаковал все менее чем за час. Я увидел, что в этом он знает толк. Он паковал¹¹ 7 лет непрерывно Мазаровичу, которому он прежде служил и который почти все время был в пути. Бреясь сегодня, я впервые не тронул усы, так как говорят, что в Персии это придает важности. {В 12 часов за мной прислал Грибоедов, так как до отъезда оставалось еще много дела. Он сам сегодня не обедал дома, а я к Ховенам опоздал, поэтому я должен был обедать в **трактире**¹²}, единственном в Тифлисе. Я нашел его довольно приличным и для дорогого Тифлиса вполне приемлемым, т. к. заплатил 1 рубль серебром. Вечером с Коцебу я пошел в последний раз в баню, т. к. волосяной мешок всегда убирает полдюйма с тела.

{Воскресенье, 9-го.¹³ Рано утром ко мне пришли пять имеретин, чтобы отнести мои вещи к Грибоедову.} Невероятно, чего только не приходится тащить с собой; в Тифлисе часто видишь полные бурдюки, или узкие мешки из овечьей шкуры, в которых держат вино и которые носят на спине. После прощания с Ховенами и поблагодарив за дружеский прием, я не без сожаления покинул этот дом, так как вряд ли увижу их снова в Тифлисе, — старый Ховен, вероятно, будет сенатором в Москве. {Я застал у **Грибоедова**¹⁴ много людей, пришедших с **ним**¹⁵ проститься. Так как экипажи должны были ехать по другой дороге, чем мы (дорога для верховых лошадей до Код на 15 верст короче), **мы**¹⁶ выехали на час позже. Наше общество состояло из Мальцова, Мирзы-Наримана (штаб-капитана и переводчика) и Ващенко, также переводчика; за нами следовали наши слуги. Когда экипажи Грибоедова подъехали к шлагбауму, заиграл в честь его отъезда полковой оркестр. Кроме двух колясок Грибоедова было еще две, из которых одна принадлежала его теще, **княгине**¹⁷ Чавчавадзе (которая провожает нас до Эривана), другая же была нанята провожавшими нас до Кодов. Длинный поезд замыкался значительным количеством всадников. После ожидания¹⁸ в течение нескольких часов в винограднике Кодов к нам присоединились, наконец, наши начальники. Множество экипажей и всадников сообщали поезду очень красивый вид.

Так как мы с самого утра не ели ничего, кроме винограда, нас стал слегка мучить голод: к тому же, выехав из Тифлиса раньше, мы не успели пообедать у Грибоедова.} К счастью, мы нашли в деревне баранину, из которой велели сделать <шашлык>. Это самое популярное блюдо у татар и персов: мясо режут на мелкие куски, насаживают на шампур и жарят на углях. Вкус превосходный. В Петербурге я вас этим угошу.

{Около 8 часов вечера прибыли наконец наши вьючные лошади с поклажей; нам поставили раскладные кровати под навесом, и, напившись чаю и насытившись превосходным пловом, приготовленным моим Семёном, мы легли спать. Грибоедовы заняли целую так называемую <саклю>; это было почти подземное жилище; снаружи, за исключением передней стены, не видно от этого дома ничего, так как все

остальное покрыто землей.} Спереди — крытое помещение, открытое с одной стороны, или, как наше, с трех сторон. Мы разделили комнату с нашими конями и спали в передней ее части. Этот вечер мы впервые ели по-азиатски: мы лежали на ковре под открытым небом и поглощали наш плов пальцами, которые мы очищали, вытирали о лаваш (хлеб в виде лепешки); по правде, очищали не начисто); луна освещала эту странную компанию. Я многое бы дал, чтобы показать это вам. Путь из Тифлиса в Коды не дает ничего интересного.

{Понедельник, 10-го.¹⁹ В пять часов утра мы встали. Пока упаковывали наши вещи, мы напились чаю, после чего отправились в путь.} Не доезжая деревни, лежали 400 пленных турок из Карса и Ахалкалака с признаками чумы, хотя они и прошли полный карантин в Гумрах.²⁰ Ради безопасности мы пронесли мимо них галопом. Путь до реки Храм проходит почти непрерывно по равнине без особых красот; на обочине около 9 часов мы остановились, разожгли костер, на котором Семён сделал нам <шашлык>. Этот <шашлык> и грузинское вино подкрепили нас, и через несколько минут отдыха мы снова были верхом.

{Около 2-х часов мы прибыли в деревню <Шулаверы>, которая находится в 25 верстах от Кодов; вскоре сюда приехали и Грибоедовы с княгиней, остальные расстались с Грибоедовым в Кодах.} Шулаверы лежат живописно между гор, на двух вершинах которых сохранились руины старых замков. В центре деревни — заброшенная крепость; виноградники окружают ее. Прежде чем прибыл багаж, мы насладились прекрасным виноградом. Ах, если бы я мог вам послать бочонок такого винограда!

{После того как пришел наш багаж, и были разбиты палатки, мы сели за работу. Мы готовили почту в Тифлис и в Таврис. Только в 6 часов вечера был готов обед. Мы обедали в палатке, на земле, не исключая и обеих дам. Я познакомился здесь с молодым врачом **Умисса**,²¹ которого Сипягин до приезда в Эриван прикомандировал к Грибоедову. Мы целый вечер беседовали с ним о Петербурге, где он прожил несколько лет. Ночевали мы в палатках; их было четыре; в одной спали Грибоедовы, в другой княгиня, в третьей Мальцов и я, в четвертой Мирза-Нариман и Ваценко.

Вторник, 11-го.²² Напившись чаю и запаковав вещи, мы **поскакали**²³ дальше. Грибоедов проехал с нами 15 верст верхом. Около одного ручья в кустарниках мы сделали привал и позавтракали; завтрак наш, как и всегда, состоял из шашлыка. Нам предстояло сегодня проехать 40 верст, поэтому на полдороге мы остановились на <Сомийском> посту, который состоит всего из нескольких комнат. Грибоедовы остались в коляске; мы расположились на траве,} где оставались недолго; ливень загнал нас в дом. {Около 3-х часов **тучи рассеялись**,²⁴ и мы поехали дальше.} Местность отсюда до горы Акзибиюк очень приятная — здесь много леса, в котором можно встретить красивые платаны; яблони и груши, увешанные плодами, и земля под ними тоже усея-

на ими. Груши довольно сносные, хотя дикие; яблоки, напротив, были несъедобны. Чтобы подняться на гору Аквибиюк, нужно пройти вверх три версты; дорога вьется петлями, что делает ее более пологой. На вершине нас настиг сильный холод, так что и в пальто я мерз. Чтобы добраться до казачьего поста, носящего название горы, не нужно с нее спускаться, т. к. плато за перевалом лежит высоко. Был холодный, дождливый и оттого неприятный вечер; мы немного согрелись в постели, и крепкий сон возместил нам все.

{Среда, 12-го.²⁵ Утром мы увидели, что все покрыто инеем, так как ночью был сильный мороз. Нам предстояло в этот день проехать до Джелал-Оглу²⁶ 20 верст;} дорога туда почти ровная, {и мы в пути сделали привал} на речке в одной армянской деревне; {едва мы сошли с лошадей, как несколько священников пригласили нас к себе, чтобы нас угостить,} но так как мы отказались, то они принесли нам на завтрак курицу, яйца, кислое молоко и виноград, за что мы добрым людям дали 4 рубля сер. {Когда Грибоедов подъехал, они вышли ему навстречу с **крестом**,²⁷ в облачении; Грибоедов дал им дукат, и **мы** поехали дальше.} Они подошли и к нам, когда мы расположились на завтрак. Мы сказали, что принадлежим к свите Грибоедова, и таким образом избавились от них. На отрезке пути до Джелал-Оглу мы увидели массу скворцов, которые время от времени опускались среди стада. Мальцов и Мирза Нариман подстрелили около 10 штук — было странно смотреть, как появлялись несколько ястребов, тогда скворцы поднимались в воздух, разделились и выделывали в воздухе разные маневры; иногда они сбивались так плотно друг к другу, что казались единой массой; мы смотрели на них довольно долго, пока они, преследуемые своими врагами, не скрылись вдали, после чего мы поскакали дальше.

Недалеко от крепости Джелал-Оглу течет речка, которая носит то же имя и течет между очень высоких скалистых берегов; деревянный мост ведет на противоположный очень крутой берег. {Джелал-Оглу — **небольшая**²⁸ крепость с госпиталем на 400 коек.} Летом 1826 г. персы осадили крепость, но через 3 недели сняли осаду, хотя крепость защищала лишь одна рота с одной пушкой. {Мы пообедали здесь на европейский лад, но без дам, так как они обе чувствовали себя нехорошо, у мадам Грибоедовой болели зубы. После обеда я долго разговаривал с Грибоедовым, он многое рассказал мне о положении в Грузии. Я слушал его с удивлением и **сожалением**.²⁹ Жаль, я не могу³⁰ этим поделиться, так как **хочу быть по возможности**³¹ осторожнее. Остальной день мы провели в палатках за беседой и очень рано улеглись спать.}

[13 сентября.]³² Четверг 24 сент. 1828.³³

Только что Грибоедов передал мне письмо Александра от 4-го (понедельник);³⁴ из него я вижу, что не хватает почты, т. к. у меня нет сообщения о приезде из Ревеля мамы и Александрины; а из этого письма я вижу, что их ждут уже из Павловска в Петербург. Т. к. у Грибоедова

тоже не хватает той же почты, то надеюсь, что это письмо не потеряется; было бы хорошо, если б Александр в будущем адресовал конверты Грибоедову; возможно, так я получал бы письма надежнее. Я благодарю Александра за все его сообщения и надеюсь, что он будет и дальше посылать их. Сегодня не буду писать Александрине, так как хочу продолжить свой дневник — мы завтра точно выезжаем.

{Четверг, 13-го.}³⁵ Мы хотели сегодня посетить руины старой столицы Армении — Лори,³⁶ которые лежат в нескольких верстах от дороги, но потом отказались, так как пришлось бы делать длительную остановку и взбираться на тяжелый подъем Безобдала.³⁷ Как ни жаль мне, но я не мог это сделать один, т. к. не рекомендуют ездить без сопровождения. После того как поднимаешься на не очень высокую гору, попадаешь на равнину с постом Гергер, в 7 верстах от Джелал-Оглу. Это расстояние невелико оттого, что здесь идет подъем, который трудно преодолеть. По дороге я увидел, спустя продолжительное время, березы³⁸ и рябины, которые перенесли меня в Россию. Эта местность расположена так высоко, что эти чужаки здесь встречаются; они стоят одинокие и покинутые среди дубов и платанов. «Везде хорошо, а дома лучше», — думают, разумеется, они.

У подножия Безобдала мы спешились и поели наш обычный шашлык и снова отправились в путь и поднялись на Безобдал. Я не мог представить себе такого трудного перевала: иногда путь был так крут, что невозможно было идти; идешь 3 версты то по лесу, то по пустоши — непонятно, как сюда было доставлено осадное орудие прошлым летом. До этой горы персы в 1826 г. сопровождали Меншикова,³⁹ когда он возвращался из Персии, — он здесь встретил первых русских солдат. Как только начинаешь спускаться с этой горы, открывается прекраснейший вид: справа и слева — красивые долины вдоль реки, и возвышается во всей своей красоте высокая, сплошь заросшая гора. Осень украсила кусты самыми пестрыми красками; все оттенки зеленого, красного и желтого играли друг с другом наипрекраснейшим образом. После того как мы спустились, дорога пошла полого; спустя несколько верст повстречали татар, которые гнали ослов, груженных дынями и арбузами; мы их остановили, купили самые лучшие и насладились дынями с большим аппетитом.

{В три часа приехали мы в **Кишляки**,⁴⁰ где был назначен ночлег. Вскоре после нас прибыли и Грибоедовы. Они **велели впрячь**⁴¹ в коляски 5 пар быков и **мулов**⁴² и **благополучно преодолели перевал Безобдал**.⁴³ **Ели мы сегодня снова по-азиатски, в палатке**,⁴⁴ **а вечером мы беседовали с 4 <чиновниками> до двух ночи.**} Обычно мы останавливаемся в палатке Ваценко, хотя и очень маленькой, но теплой, т. к. в палатке Мальцова много входов и прорезей, как в большинстве персидских палаток. Вечерами все закрываешь, тепло одеваешься и спишь хорошо. Ночами, как поясню дальше, я защищен от холода: во-первых, я одеваю свою шерстяную куртку, своей архалук (шелковый

стеганный халат), и после этого укрываюсь пикейным одеялом, пальто на подкладке и буркой. Голову защищает моя красная турецкая шапочка или ермолка и мой башлык (шапка, которая покрывает голову, шею и плечи). И так я сплю, не шевелясь (это почти невозможно), но очень хорошо. Этой ночью мне мешали шакалы, спящие стаями вокруг и плачущие, как дети. Вначале я пугался, т. к., просыпаясь, не мог понять, где я; однако, совсем проснувшись, я вспомнил об этих животных и потом больше не думал о них.

Пятница 14.⁴⁵ Наш путь сегодня вел по долине вдоль речки Абаран в направлении поста Хамамлы, или, как русские пишут, Амамлы. Приблизительно на полпути, где долина сильно сужается, стоит разрушенный монумент отважному офицеру Монрезору⁴⁶ — к сожалению, разрушенному два года назад персами. Куча камней указывает его прежнее положение. Князь Цицианов⁴⁷ послал его в 1805 г. из лагеря под Эриваном со 100 солдатами и пушкой в Тифлис за провиантом; персы напали на него в этом ущелье и уничтожили всех солдат — остался он один, но, когда он увидел безнадежность своего положения, он кинулся к пушке, и ему удалось самому сделать 3 выстрела, но заряды кончились, он обхватил пушку и был на ней изрублен. Его имя известно во всей Грузии и служит ему памятником, что простоит долго и нерушимо. Так как расстояние до станции составляет 21 версту, то уже в 11 мы добрались до Хамамлов и разбили палатки в поле за деревней. Наш день прошел как обычно.

Суббота, 15.⁴⁸ Очень рано холод разбудил меня, несмотря на все принятые предосторожности. Мы поднялись в темноте. Когда стало светать, мы увидели, к удивлению, что все горы покрыты снегом, и едва мы проехали версту, как густой снег окутал нас. Снежинки были такие большие, что вся земля побелела, и мы попали в зиму, и в таких условиях мы проделали 40 верст; местность была неинтересная, холод и снег испортили нам настроение, и молча мы пролагали путь. Наконец, в 4 часа мы прибыли в татарскую деревню Гюллиджа. Мы попросили устроить нам здесь жилье, которое, как и везде, было под землей, и согрелись хорошей порцией плова и чаем. Так как мы находились под крышей, от холода мы не страдали. Также и Грибоедовы ночевали не в палатках, а в комнатах.

{Воскресенье, 16-го.⁴⁹ Мы проезжали сегодня те места, где в прошлом году было пролито много крови.} В частности, место, где Красовский был разбит 17 августа 1827 г.⁵⁰ Ваценко, который был переводчиком у этого генерала, рассказал мне много об этом времени. В месте, где тогда 2 месяца находился лагерь,⁵¹ мы ели наш шашлык. {Объехав одну гору, увидели мы **древний**⁵² Арарат во всей красе.} Солнце осветило его седую вершину так, что сделало его невероятно прекрасным; на его вершине я увидел углубление, в котором, говорят, находился ковчег Ноя. Вид этой горы пробудил во мне смешанные чувства: мне

трудно представить, что я действительно вижу святой Арарат. До сих пор я смотрю на него каждый день и наслаждаюсь его красотой.

{Мы разделились здесь на три партии: Грибоедов поехал **в деревню Аштарак**,⁵³ от которой до Эривана две станции, так как эта дорога удобней для колясок. Мальцов и Мирза-Нариман поехали прямо на Эчмиадзин, который на 15 верст дальше; мы с Ваценко поехали **в деревню Егварт**,⁵⁴ которая отстоит от Эривана на 15 верст, туда же **ранее** был направлен и наш багаж.} Я выбрал этот путь, т. к. все мои вещи были во вьюках, и в Эчмиадзин я решил поехать из Эривана, т. к. это в двух агачах, или 14 верстах отсюда. К сожалению, этого не случилось, и теперь я очень жалею, что упустил случай.

Неподалеку от Егварта, который по-армянски означает масличная роза, на одном холме находится старое армянское кладбище, что позволяет предположить, что когда-то здесь был город. Тут довольно крупные памятники, с большим мастерством высеченные из камня; к сожалению, надписи плохо видны; наш кассир и фактор Дадашев не смог их разобрать; на некотором расстоянии стоит еще полусвод церкви с высеченным в камне крестом. Удивила церковь в самой деревне — как говорят жители, она была построена в IX в.; ее древний облик и большое количество подобных церквей в этих местах подтверждают это предположение. Внутри церкви — высеченные в камне украшения, но без надписей; здесь еще проходят порой службы, но она пустует. Сама деревня почти уничтожена персами; нам показали комнату в башне, в которой ночевали Мазарович и Меншиков и которая была предназначена для гостей — она была теплой и чистой, и в ней был портрет (гравюра на меди) Артемия Араратского;⁵⁵ я хотел ее купить для Александра, однако хозяин не продал. Здесь, в Эриване, я приобрел другой его портрет, который пошлю при следующей okazji.

Понедельник 17.⁵⁶ В 6 часов мы отправились по дороге в Эриван. Я смотрел на восход солнца и любовался великолепием Арарата. Все еще было в тени, когда его вершина уже осветилась. Потом осветилась и гора напротив — Алагёс,⁵⁷ а потом и остальные горы. Путь от Егварта до Эривана очень трудный, так как на дороге — сплошные камни. Эриван можно заметить, только приблизившись к нему почти вплотную, но вокруг него — сады; тополя, персиковые деревья и виноградники. Кроме того, здесь растет, как и в Грузии, неизвестное дерево: оно очень напоминает иву, и на нем мучнистые сухие плоды, которые похожи на маленькие финики и имеют похожий вкус. Татары называют их егда;⁵⁸ говорят, они своим действием противоположны вареным сливам. Множество каналов орошают эти сады; они часто пересекают дорогу. Под стенами крепости течет Занга, у которой здесь быстрое течение. По обе стороны — высокие скалистые берега, каменный мост с четырьмя пролетами, который очень стар и ведет на противоположный берег, где находятся крепость и город. Внутри крепости — дворец прежнего сердара Гусейн-хана, а ныне он сердар Хорасана,⁵⁹ собор, который был

прежде мечетью и до сих пор имеет минарет и много других зданий, в которых сейчас разместились разные административные учреждения. Сам город совершенно не укреплен; его вид не представляет ничего привлекательного, т. к. все дома расположены во дворах, а улицы кривы и имеют только голые стены по обе стороны.

Это первый персидский город, который я вижу; мне все здесь в новинку; мы ехали верхом к Мухаммад-хану, который был при персидском правлении сартибом, или бригадным генералом; он остался в Эриване и теперь член местного правительства. Тем временем наши люди отыскивали указанное нам пристанище. Ваценко познакомился с Мухаммад-ханом в прошлом году и представил ему меня; тот был очень любезен, и через Ваценко мы обменялись вежливостями. Его комната находилась наверху дома, т. к. свою обычную квартиру из двух комнат он предоставил Грибоедову. Мы сидели по-персидски на коврах, и он просил меня не стесняться и располагаться удобно. Маленькие разноцветные оконные стекла делали комнату приятной и веселой — они всего лишь 2 дюйма шириной и 4 высотой и, наверное, нужно несколько сотен для одного окна; особенно для среднего, которое обычно имеет высоту комнаты и шириной 10 футов. Он предложил нам завтрак, поданный на большом нарядном круглом блюде; завтрак состоял из фруктов, свежего масла и сыра, который похож на сыр Кноппа,⁶⁰ и персидское кислое молоко, которое густое как масло и превосходно на вкус. Все это мы ели, сидя на полу, без ножей и вилок. Мне очень понравилось у хана — он веселый, забавный и пьет вино и коньяк, как европеец. Мы отправились затем в отведенное нам помещение, куда вскоре прибыли вещи и Мальцов с Мирзой Нариманом из Эчмиадзина. Помещение состояло из трех комнат — одну занял Мальцов, вторую заняли мы втроем, а третью — наши люди. И в этих комнатах также были цветные окошечки; окна выходили, как обычно, в сад, в котором росли только фруктовые деревья. Едва мы устроились, как нас посетил сартиб и пригласил на ужин, что мы и приняли с благодарностью.

В 7 вечера мы отправились к нему. Мы нашли там стол и стулья. На столе стояли два роскошных блюда с разными кушаньями: плов, долма (рис, горох и всякие разности, завернутые в виноградные листья, плавающие в растопленном масле). Кроме того, стояли две вазы с шербе-том, несколько бутылок вина и в маленькой вазочке сладкий, очень хороший сироп из винограда. Во время трапезы играл музыкант-татарин, который пел под цитру, а точнее, кричал; для азиатских ушей этот ужасный шум, по-видимому, служит музыкой, но мне это было не по вкусу. Grimасы певца украшали всю картину. Но за столом было весело; когда сартиб услышал, что я родственник Амбургера,⁶¹ он обнял меня и сказал, что я ему как сын, т. к. и Амбургер ему как сын. Я поблагодарил его за эту честь. Каким бы приятным и интересным ни был этот вечер, я был душевно рад уйти, и мои уши нуждались в тишине.

Пока на этот раз это все, уже поздно, я еще ничего не упаковал, а мы завтра утром едем в Таврис, куда мы прибудем, вероятно, в понедельник, 1-го октября; я сразу при первой возможности напишу оттуда тебе; но до этого пройдет 14 дней, но вы не должны беспокоиться обо мне. Вирстам, Шерерам и Коцебу — привет и мое почтение, Александрина, Александру, Мэтью и К. Коцебу я напишу из Тавриса. Я здоров и доволен. И желаю вам того же. Маму и Александрину сердечно целую. КА

Понедельник 24-го.⁶² День, о котором мало можно сказать. Как до, так и после полудня работали над документами; то небольшое время, что у меня было, я использовал для дневника; у Грибоедова я познакомился с членом армянского правительства,⁶³ который расхваливал все в этой стране; только он жалуется, что государство не поставляет хороших палок для солдат; они не столь эластичны, как в России. Мне для составления мнения о нем⁶⁴ этого было достаточно, чтобы оценить его как филантропа, или, словами Мэтью, как палкотропа. Таких людей посылают в новые провинции, чтобы они нам нравились.

{Вторник, 25-го.⁶⁵ Мы встали с постелей рано, чтобы все уложить и навьючить на лошадей.} Добрый Бернарден де Сен-Пьер составил мне компанию в это время. В этой местности не так, как у нас: господам нельзя ни до чего касаться, если они хотят быть оценены высоко. При этом мне живо припомнились упаковка и хозяйственные дела при переезде в Павловск: как все были заняты, и как все делалось быстро, а здесь все нужно предоставлять слугам. Еще счастье, если они умеют паковать искусно, так что на них можно положиться; {так как буфетчик Грибоедова перебил почти весь фаянс и стекло, а новую посуду придется долго ждать, Грибоедов просил меня уступить ему моего Семёна, что я сделал охотно, хотя и знал, что такого слугу найти будет очень трудно. Вместо него я нанял одного грузина. К 10 часам мы были приглашены к князю⁶⁶ Чавчавадзе на прощальный завтрак. Он был персидско-грузино-русским и длился почти 2 часа; мадам Грибоедова видалась в последний раз с родителями; она была заметно огорчена: в первый раз расстается она с матерью и покидает ее для того, чтобы следовать за мужем в страну, которая не обещает ей общества и развлечений. В 12 часов расстались мы с Чавчавадзе и Грибоедовыми, чтобы раньше выехать в дорогу.} Путь вел нас влево от крепости прямо к Арарату; земля была почти вся обработана и покрыта именно теми растениями, которые все были мне неизвестны; особенно интересны поля, занятые хлопком. Хлопок в коробочках уже довольно зрелый; и я думаю, тут есть два сорта — высокий и поменьше. Тот, который высаживают здесь, относится к последнему, он едва высотой 2 фута; кроме того, я увидел здесь первые рисовые поля и сезам, масло которого здесь используют часто. Это то самое растение, которое мы вырастили из египетского семечка.

Мы проехали 3—4 деревни, которые находятся неподалеку от крепости, в нее крестьяне в опасное время скрываются с пожитками. Сами крепости пусты, и у них только единственный маленький вход; более печального зрелища, чем персидская деревня, трудно представить: одни глиняные стены и плетни; в комнатах даже нет окон во двор; свет падает через отверстие в потолке. Посреди пола находится круглое отверстие шириной в 2 фута и около 4 футов глубины, которое служит очагом. Дым выходит через отверстие в потолке; сады, которые окружают деревню, позволяют заметить ее с большого расстояния; кроме этого, никакой зелени не видно. В почти бесконечных равнинах, прерываемых иногда голыми горами, сады смотрятся приятно. {В пять часов вечера достигли мы **Камарлу**,⁶⁷ наполовину армянской, наполовину татарской деревни, которая находится на расстоянии 4-х **агачах**⁶⁸ от Эривана.} Раньше там жили только татары, но с тех пор, как армяне в большом числе прибыли сюда из Азербиджана, осенью невозможно стало размещать их иначе, как распределяя по деревням; это привело, конечно, к недовольству, однако ситуация сохранится такой и до весны, когда им обещают выделить новые места для проживания. {В южной части деревни находились два довольно приличных дома, из которых один был предназначен для Грибоедовых, другой для нас; в обоих не было окон; а так как в нашем не было и передней стены, то мы и были как будто под открытым небом}, но под теплым персидским небом, и хотя к утру холодает, однако в это время года сухо. {Коляски прибыли вслед за нами. Чавчавадзе провожали дочь до первой, не доезжая **одного агача**⁶⁹ от⁷⁰ Эривана, армянской деревни; в деревенской церкви они выслушали обедню и простились. Перед нашим **домом**⁷¹ росло несколько тополей и верб, которые делали вид очень приятным. Вечером мы поужинали с Грибоедовым, который пришел к нам, а потом **я лег**⁷² спать}, закутавшись одеялом так плотно, что не мог пошевелиться.

{26-го, среда.⁷³ От **Камарлу**⁷⁴ до **Садарака**⁷⁵ 5 агачей. В 4 часа утра мы должны были покинуть наш лагерь, чтобы **отправить**⁷⁶ вьючных лошадей.} До 9 часов утра мы были заняты и не могли даже присесть, так как расстеленные ковры были очень грязные. Наконец, все отослали, и мы могли присесть. Ахмет-хан, которого я часто упоминал, провожал нас из Эривана и расположился в палатках за деревней. Мальцов ехал верхом в сторонке, чтобы пострелять дичь, которой здесь невероятное количество: дикие утки, гуси, чибисы (схожи с <куропаткой>), только намного красивее, и много мне не известных птиц. Однако, по неизвестной причине, он ничего не подстрелил.

Большую часть пути до привала я проделал один, сопровождаемый татаринном, и этот путь показался мне очень долгим, т. к. после двух печальных деревень по пути нет ничего, что могло бы развлечь. Вначале мы забавлялись невероятным количеством ящериц, непрерывно перебегающих дорогу; трудно вообразить их число. Я заметил два вида

при выезде из станции: большие (5—6 дюймов) и некрасивые, серые; один вид похож на наших ящериц, а другой особенно нехорош: широкая плоская голова и бесформенное широкое тело;⁷⁷ мне кажется, ее изображение я видел у Бертуха; и оба вида очень проворны. К концу пути мы снова были вместе со всеми.⁷⁸ {Здесь мы увидели курдов, которые ожидали Грибоедова, чтоб его приветствовать. Их вождь был весь в **шелках**⁷⁹ и к тому же очень красив}. Лучшее изображение этого костюма я видел в книге «Путешествие по Персии» Джонсона.⁸⁰ Оно удивительно верное. {Для Грибоедова **были разбиты палатки**⁸¹ **в чем-то**⁸² вроде сада (если так можно назвать зеленую площадку с несколькими фруктовыми деревьями). Мы выбрали себе комнату, которая была попросторнее и почище.} Татарская деревня Садарак находится в нескольких агачах от Аракса; персидское правительство заставило старейшин деревни перебраться в Персию, что они сделали за несколько дней до нашего прибытия; но неподалеку переправы через Аракс их догнали наши, которые помешали уйти и вернули их. Мы нашли деревню пустой; ни души было видно; имущество они забрали с собой; только было много самана⁸³ (резаная солома), чем здесь кормят скот, — они его не смогли забрать с собой; я посетил несколько домов: все пусто и разрушено. В этой деревне нас нагнал врач, который должен сопровождать миссию до Тавриса. Это молодой человек из Эстляндии, его зовут Мальмберг,⁸⁴ так как мы оба немцы, мы сразу с ним познакомились; и Ревель — нередкая тема наших бесед. С первой минуты знакомства мы все время вместе и, как мне кажется, взаимно понравились друг другу.

Сегодня был очень хороший обед; все были особенно разговорчивы, много смеялись и после обеда добрый час болтали. Вскоре после обеда Ахмет-хан позвал нас к себе в палатку; некоторые из нас пошли туда, среди них и я; мы провели здесь целый вечер; подавали сладости, а потом и ужин, который состоял из плова и жареных на вертеле перепелок; из блюд мне особенно понравились перепелки, которых нам приносили все на новых и новых вертелях, мы поглощали их с аппетитом. Кислое эриванское вино служило для провозглашения взаимных тостов. В одном углу палатки сидел певец и еще татарин, который играл на тамбурине; время от времени один и даже два танцовщика развлекали нас на площадке максимум в 4 фута. Для меня это был интересный вечер, поистине персидский; все сидели на коврах; кальян, мундштук во рту; до 10 часов мы просидели так; время прошло быстро.

Когда мы вернулись к себе, мы нашли полковника Ренненкампа, который прибыл сюда с Малого Арарата,⁸⁵ с нашей границы с Персией, которую он вместе с П. Коцебу отмежевывал. Он прибыл, чтобы поговорить с Грибоедовым. Мне было очень приятно встретить немца из Эстляндии; мы проговорили долго и отправились спать. От него я узнал, что Павел Коцебу лежит в Нахичеване⁸⁶ большой с температурой. И, как я ни радовался встрече, меня огорчило известие о болезни.

{Четверг, 27-го.⁸⁷ От **Садарака**⁸⁸ до **Карачамана**⁸⁹ 4 агача.} Сегодня нам дали немного отдохнуть и разбудили только в 6 часов. {Пока упakovывали наши вещи, я пошел с Ренненкампом пройтись по деревне.} Великолепный Арарат придавал виду нечто приятное, а все кругом было однообразно и печально. {Сегодня мы были все вместе, вместе с Грибоедовыми. Едва мы выехали из деревни, как курды и персы (приблизительно 50—60 человек вместе с персами, которых Ахметхан взял с собой из Эривана) начали различные игры.} Носились туда и сюда, преследовали и стреляли, и все это исполняли на наших глазах. В какой-то момент мы оказались среди этих парней; камешки и пыль летели в лицо, глаза и рот наполнились пылью, от пыли потек нос; наконец, остановились; коляски нас скоро догнали, и мы сделали <привал> для завтрака. Ренненкампф покинул нас вскоре за Садарак, чтобы вернуться в Малый Арарат, где он должен ждать персидского комиссара Мирзу Масуда.

{Мы с доктором Мальмбергом выехали раньше, так как оба не были голодны. Проехав около агача, мы встретили до 100 человек курдов и персов, которые, как представители магала (магал — округ, включающий около 50 деревень и обычно имеющий свое собственное имя), называемого **Шурутом**,⁹⁰ изъявили желание принять Грибоедова. При въезде в деревню **Норашен**⁹¹ нас догнали остальные в сопровождении по крайней мере 500 человек; так вошли мы в деревню. Грибоедов с женой заняли две комнаты в разрушенном караван-сарая; нам отвели помещение в самой деревне. Сопровождающие расположились лагерем за деревней. Мадам Грибоедова сегодня нездорова и не обедала с нами; однако это не помешало нам веселиться. После обеда мы немного отдохнули от путешествия, а потом пошли к Грибоедову в палатку, которая была разбита во дворе караван-сарая; мы встретили здесь Ахмет-хана; нам подавали чай с соком граната и ромом; последний особенно понравился хану; он отпивал немного чаю, беспрестанно доливая стакан ромом. После его ухода мы посидели еще часок у Грибоедова, который нам рассказал много интересного.} Едва мы вернулись в свой дом, к нам прибыл фараш⁹² (слуга) от Ахмет-хана с приглашением на ужин. Мы нашли его в его палатке совершенно пьяным. Персидский ужин с жареными перепелками на вертеле и музыка нас развлекли. Однако мы решили долго не задерживаться: хан заснул, и мы тихонько удалились, так что он и не заметил.

Пятница 28.⁹³ От Норашена до Киврага 4,5 агача.

Продолжение последует сразу.

¹ Письмо перфорировано для окуривания.

² Ближайший вторник — 25 сент. 1828 г.

³ Почти 4 см.

⁴ 7 сент. 1828 г.

⁵ См. прим. 20 к письму № 12.

⁶ В переводе 1946 г.: вам.

⁷ В переводе 1946 г.: назначен твердо.

⁸ 9 сент. 1828 г.

⁹ Единственная городская колония швабских немцев в Грузии. Тогда — в пригороде Тифлиса, ныне — в черте города. Там поселились 30 семей ремесленников; их земельные наделы были меньше, чем у сельских колонистов, но и они развели сады и виноградники, выращивали картофель (новую культуру в Грузии), держали молочное хозяйство.

¹⁰ 8 сент. 1828 г.

¹¹ В переводе 1946 г.: паковал вот уже.

¹² В переводе 1946 г.: ресторане.

¹³ 9 сент. 1828 г.

¹⁴ В переводе 1946 г.: у него.

¹⁵ В переводе 1946 г.: с нами.

¹⁶ В переводе 1946 г.: они.

¹⁷ В переводе 1946 г.: кн.

¹⁸ В переводе 1946 г.: нашего ожидания.

¹⁹ 10 сент. 1828 г.

²⁰ Гумры — город совр. Армении в 250 км на юго-запад от Тбилиси, в 65 км от Карса. Тотчас после взятия Карса 23 июня 1828 г. среди турецких пленнх и раненых появилась чума, принесенная подкреплениями, пришедшими из Арзерума. Срочно всех пленнх турок отправили в Гумры, но 27 июня появились и заболевшие русские. Санитарные меры, принятые по требованию Паскевича, были признаны европейскими медиками образцовыми для того времени (см.: *Черкасов*).

²¹ В переводе 1946 г.: Омисса. *Умисса Иван Иванович* (до 1803 — между 1836/1850 гг.) выпущен лекарем из ИМХА в 1824 г.; с этого же года его имя появилось в Российских медицинских списках; в них же с 1826 г. стал фигурировать и лекарь *Умисса Фома Иванович* (1804 / 1808—1875). Оба брата-врача трудились в Крыму, на Кавказе, в Бессарабии, так что точно указать, кто из них сопровождал миссию, затруднительно.

²² 11 сент. 1828 г.

²³ В переводе 1946 г.: поехали.

²⁴ В переводе 1946 г.: рассвело.

²⁵ 12 сент. 1828 г.

²⁶ Джелал-Оглу (совр. Степанаван) — одноименные село и крепость. Последняя была стратегически важным пунктом, т. к. здесь находилась речная переправа, открывающая путь из Лорийской степи (Персия) в Грузию. Сюда, обманув охрану, удалось вырваться посольству А. С. Меншикова в 1826 г.

²⁷ В переводе 1946 г.: свечами.

²⁸ В переводе 1946 г.: незначительная.

²⁹ В переводе 1946 г.: огорчением.

³⁰ В переводе 1946 г.: не могу с тобой.

³¹ В переводе 1946 г.: должен быть как можно.

³² Дата зачеркнута К. Аделунгом.

³³ Эта вставка, которая возвращает из описания путешествия Тифлис — Эриван, сделанного во время пребывания в этом городе, для К. Аделунга прошла не гладко: поставив текущее число получения петербургской почты (24 сент., понедельник), он оставил день недели описываемого в письме дня путешествия — 13 сент.

³⁴ Письмо А. Ф. Коцебу от 4 авг. 1828 г.

³⁵ 13 сент. 1828 г.

³⁶ Крепость Лори в Мешкинском округе находилась рядом с разрушенной в XIV в. древней армянской столицей, давшей название Лорийской степи. Ханы этого округа принесли присягу России в янв. 1827 г. (*Потто*. С. 565, 641).

³⁷ Хребет Безобдал лежит на юге Лорийской степи; до 1826 г. — пограничный с Бомбакской провинцией Персии (*Потто*. С. 565).

³⁸ Березовая древесина высоко ценилась в Закавказье: еще в начале XX в. стоимость ее равнялась с сосновой; с высокогорья ее поставляли в густонаселенные долины.

³⁹ Из Тегерана через Тебриз посольство А. С. Меншикова проехало благополучно, но в Ереване их удерживали под арестом почти 6 недель. Меншикову удалось дать знать англичанам, английский посол потребовал их освобождения у шаха. В Джелал-Оглу посольство, ненадолго оторвавшееся от своего персидского конвоя, упорно направлявшего его к турецкой границе, встречали русские казаки, направленные Ермоловым (*Потто*. С. 563).

⁴⁰ В переводе 1946 г.: деревню Коишлак. На картах вплоть до середины XIX в. множество населенных пунктов закавказских территорий обозначены без их названий как «Киш.», «Кишляки» или «Кишлак». Одно из подобных селений, расположенное на полпути от Караклиса к Амамлам (Хамамлам) в Бомбакской провинции на границе с Эриванским ханством, полностью было разорено курдами в самом начале войны, 28 июля 1826 г. (*Потто*. С. 572).

⁴¹ В переводе 1946 г.: впрягли.

⁴² В переводе 1946 г.: буйволы.

⁴³ В переводе 1946 г.: были очень счастливы, что добрались до.

⁴⁴ В переводе 1946 г.: Обедали мы опять по-азиатски, в палатках.

⁴⁵ 14 сент. 1828 г.

⁴⁶ *Монтрезор Иосиф Антонович* (1767—1804), потомок графа Бурдейла де Монтрезора. Погиб с отрядом в 124 человека Тифлисского мушкетерского полка в бою против 48-кратного по численности противника, доставляя продовольствие осаждавшим Ереван войскам Цицианова. Памятник возобновлен и существует.

⁴⁷ *Цицианов Павел Дмитриевич* (1754—1806), участник Турецких и Польских войн, с 1802 г. — главнокомандующий в Грузии. Своим решительным и последовательным администрированием переломил ситуацию в Грузии и за ее границами (договорами присоединил Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства), силой оружия ломал сопротивление горских народов; войска под его командой взяли персидские крепости Ганджу и Баку, где он был убит и расчленен 8 февр. 1806 г. во время церемонии сдачи крепости. Тридцать лет спустя после его убийства английские дипломаты-восточники считали его «единственным правителем, заложившим достойные, мудрые и прочные основания русскому владычеству...» (см.: *Толстой*. С. 889).

⁴⁸ 15 сент. 1828 г.

⁴⁹ 16 сент. 1828 г.

⁵⁰ *Красовский Афанасий Иванович* (1781—1843) в конце войн с Наполеоном был в звании генерал-лейтенанта. Прибыл на Персидскую войну вместе с Паскевичем, но, не поладив с ним в качестве начальника штаба Кавказского корпуса, стал командиром 20 пехотной дивизии. Движение 3-тысячного отряда Красовского на помощь Эчмиадзину, осаждаемому 30-тысячной армией Аббас-Мирзы, привело к потере более половины отряда, ранению генерала, но и снятию осады с монастыря. Паскевич, поспешивший к Еревану, осудил решение Красовского, но Николай I, несмотря на отрицательный отзыв командующего, наградил Красовского (*Потто*. С. 670, 707—711). После взятия Еревана Красовский стал первым военным губернатором Армянской области, но был быстро смещен Паскевичем за то, что помогал

провиантом голодающим армянским переселенцам из Персии, а не отсылал его весь в армию, которой приходилось продовольствоваться из Тифлиса.

⁵¹ Башарабанская возвышенность.

⁵² В переводе 1946 г.: старый.

⁵³ В переводе 1946 г.: через Ачтарак. Селение известно несколькими российско-персидскими сражениями. В сент. 1808 г. армия Гудовича под Аштаракком победила персидскую. 17 авг. 1827 г. непрерывный многочасовой бой, ведшийся отрядом Красовского при движении к монастырю Эчмиадзин, получил название Аштаракского.

⁵⁴ В переводе 1946 г.: через Тугварт. Егварт — армянский город V в., пришел в упадок от многочисленных войн и завоеваний; население в 1830 г. — менее трех сотен человек.

⁵⁵ *Артемий Арапатский* (1774—1831) — армянский писатель и общественный деятель, получивший образование в Санкт-Петербурге. Его первая книга 1813 г. «Жизнь Артемия Арапатского» впервые на русском языке знакомила с общественно-политической ситуацией в местах проживания армян.

⁵⁶ 17 сент. 1828 г.

⁵⁷ Алагёз (совр. Арагац) — название горы с 4 вершинами, по которой проходила российско-персидская граница до начала Второй персидской войны.

⁵⁸ Егда — зизифус, или лох, — плодовое растение сем. крушиновых.

⁵⁹ Хорасан — древняя, богатейшая и культурная область Персии, ныне части ее расположены в Иране, Афганистане, Таджикистане и Туркменистане. В то время представляла собой множество плодородных долин, отделенных друг от друга горными кряжами на пространстве между Индией и Туркестаном. Долины населяли арабские, иранские и туркменские племена. Здесь находится один из религиозных центров шиитов (могила имама Ризы). Лишившись Эриванского ханства, преданный шаху Гусейн Казвани Девелу Каджар получил достойную компенсацию в экономическом плане, но трудно управляемую область из-за ее этнической и географической раздробленности.

⁶⁰ *Кноп Христопор-Иоганн* (1788—1864), уроженец Нарвы, купец 3-й гильдии.

⁶¹ Амбургеры — многочисленный купеческий род, торговавший в XVIII и XIX в. в Санкт-Петербурге и Архангельске. В начале XIX в. представлен уже и государственными служащими: генерал-майором *Амбургером Федором Карловичем (Фридрихом)* (1790—1859), служившим на Кубанской и Кавказской линиях; дипломатом *Амбургером Карлом Федоровичем* (1815—1879), сделавшим карьеру от переводчика в консульствах Эрзерума и Бейрута до консула в Галаце. Здесь упомянут *Амбургер Андрей Карлович* (1794—1830) — с 1818 г. — сослуживец Грибоедова по секретарской работе у консула Мазаровича; в 1826 г. встречал посольство А. С. Меншикова в Тегеране. В 1828 г. — коллежский советник, генеральный консул в Тебризе. Подобно многим, служившим на Кавказе, узнав о гибели миссии, посчитал неизбежным ответные военные действия России и, не дожидаясь приказа из Санкт-Петербурга, покинул Тебриз, за что получил выговор Нессельроде (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 45—48 об.). Много лет, как и Грибоедов, страдал от малярии и вскоре скончался в Персии.

⁶² 24 сент. 1828 г.

⁶³ Впервые после взятия Еревана и Карса для управления соответствующими административными единицами (пашалыками) были организованы комитетские правительства, куда входили и представители местного населения. Непривычная эта мера вызвала недовольство офицеров Кавказского корпуса, привыкших к единоначалию исполнительной власти (*Муравьев-Карский Н. Н.* Первое взятие рус-

скими войсками города Карса (июнь 1828 года) // Русский Архив. 1877. Кн. 1. С. 350–351).

⁶⁴ В сформированное при А. Г. Чавчавадзе в марте 1828 г. Эриванское областное правление от военных входили подполковник Н. И. Кошкарёв (комендант крепости), майор В. Медокс и полковник Хомутов (см.: *Тунян*. С. 83). Капитан Кошкарёв был сослан на Кавказ в февр. 1826 г., после суда и почти 5-летнего заключения как командир первой из взбунтовавшихся в окт. 1820 г. рот ЛГ Семеновского полка. За Персидскую кампанию он выслужился до подполковника. Судя по тому, что разжалованный декабрист П. П. Коновницын служил под началом Кошкарёва, а неразжалованный декабрист А. С. Гангеблов был назначен им эриванским плацмайором, маловероятно, чтобы Кошкарёв был палкотропом (*Гангеблов*. С. 170).

⁶⁵ 25 сент. 1825 г.

⁶⁶ В переводе 1946 г.: кн.

⁶⁷ В переводе 1946 г.: Камарту. Совр. город Арташат в Армении.

⁶⁸ В переводе 1946 г.: верст.

⁶⁹ В переводе 1946 г.: одной версты.

⁷⁰ В переводе 1946 г.: до.

⁷¹ В переводе 1946 г.: квартирой.

⁷² В переводе 1946 г.: легли.

⁷³ 26 сент. 1828 г.

⁷⁴ В переводе 1946 г.: Камарту.

⁷⁵ В переводе 1946 г.: Цадарака. Садарак — река (приток Аракса) и одноименное древнее село на территории нынешней Нахичеванской автономной республики Азербайджана. Находится неподалеку от совр. Ирана, Турции и Армении. Место боевых действий в Персидскую войну.

⁷⁶ В переводе 1946 г.: приготовить.

⁷⁷ Возможно, К. Аделунгу не приглянулась одна из обитающих в Армении круглоголовок (семейство Агамовых), облик которой отличен от обычных обитателей Северо-Запада — прытких ящериц.

⁷⁸ В переводе 1946 г.: При выезде со станции мы все собрались ненадолго.

⁷⁹ В переводе 1946 г.: шелку.

⁸⁰ Не удалось установить иллюстрированную книгу о Персии Джонсона, однако, возможно, тут слутан автор. До настоящего времени не утратил справочной ценности двухтомник с 87 гравюрами К. Портера «Путешествие в Грузию, Персию, Армению и Древний Вавилон» 1821–1822 гг., явившийся результатом путешествия, инициированного в 1817–1819 гг. директором Публичной библиотеки А. Н. Олениным.

⁸¹ В переводе 1946 г.: была разбита палатка.

⁸² В переводе 1946 г.: где-то.

⁸³ К. Аделунг приводит буквальный перевод с тюркского — саман = солома; сегодня под словом *саман* понимают строительную композицию на основе глины и соломы.

⁸⁴ Лекарь *Мальмберг Франц Август* (1800–1829) присутствует в Российском медицинском списке только в 1828 г. (с. 131 2-й паг.). Сын ревельского литейного мастера Йенса Мальмберга; учился в Ревельской Г убернской гимназии в 1814–1816 гг. Не позднее 1822 г. — казеннокоштный воспитаник Московского отделения ИМХА. Возможно, до этого вместе со своим старшим братом Вильгельмом работал помощником фармацевта в Ревеле. По результатам экзаменов вошел в 3-е (слабейшее) отделение выпускников академии 1827 г. и как казеннокоштный студент был направлен ординатором военного госпиталя в Старую Руссу, в то время бывшую закрытым городом, центром военных поселений Новгородской губернии (Военно-

Медицинский журнал. 1827. Ч. X. № 1. С. 145). Возможно, был командирован на Кавказ вместе со 2-й Уланской дивизией или 7-м Карабинерным полком, входившими в структуру военных поселений. Из писем Грибоедова известно, что ординатор ереванского военного госпиталя Мальмберг должен был сопровождать посольство от Еревана до Тегерана, куда предполагал прибыть желаемый Грибоедовым опытный доктор Александр Семашко из Астрахани (ПСС. С. 252, 224—226).

Во время Персидской и Турецкой войн последний раз в русской истории произошла острая нехватка врачей, для ликвидации которой провели не только досрочный их выпуск из учебных заведений, но и их массовую зарубежную вербовку (Прейсман А. Б. Московская медико-хирургическая академия. М., 1961. С. 77—78).

Франц Мальмберг погиб с оружием в руках во время нападения на посольство в Тегеране 30 янв. 1829 г., избегнув, возможно, схожей участи во время бунта военных поселен в Старой Руссе летом 1831 г., во время которого погибли не только почти все врачи, фармацевты, но и лекарские ученики (см.: Богданов Л. П. Военные поселения в России. М., 1992. С. 71—73). Уместно заметить, что семья профессора-археолога, второго директора музея Изыщных искусств, умершего от недоедания в Москве буквально у порога этого музея, Мальмберга Владимира Константиновича (1862—1921), считала ординатора Ф. Мальмберга одним из своих предков (см.: Дружиловский Л. Б. Главный хранитель. СПб., 2011. С. 8—10).

⁸⁵ Малый Арарат — меньшая из вершин двух вулканов; по Туркманчайскому договору, в этой точке сходились границы России, Турции и Персии; Большой Арарат отошел к России.

⁸⁶ Нахичеван — древний (XVI в. до н. э.) армянский город, ныне — в составе Азербайджана. По Туркманчайскому договору, Нахичеванское ханство (сателлит Персии) перешло к России и образовало вместе с Эриванским ханством Армянскую область. Во время вступления в Нахичеван российской армии 26 июня 1827 г. крепость сдалась без боя, а город представлял собой развалины с 5 тысячами жителей (Потто. С. 672—673).

⁸⁷ 27 сент. 1828 г.

⁸⁸ В переводе 1946 г.: Цадарака.

⁸⁹ В переводе 1946 г.: Курачина. Совр. Курачин — центр Шаумяновского района непризнанной Нагорно-Карабахской республики.

⁹⁰ В переводе 1946 г.: Шаруром. Совр. Шарур — древний (VII в.) город со смешанным армяно-азербайджанским населением, после присоединения к России стал уездным городом Эриванской губ., ныне в составе Азербайджана.

⁹¹ В переводе 1946 г.: Нурамин.

⁹² Фараш — по-персидски ковер; также — низший слуга или в армии — обозный служитель.

⁹³ 28 сент. 1828 г.

№ 17. Таврис, 15-го октября 1828.¹

{С воскресенья 7-го² мы находимся здесь, в столице Азербиджана; путешествие из Тифлиса сюда берет 6 или 8 дней, иной раз даже 4, нам же потребовалось на него 4 недели, в чем виноваты болезнь добрейшего Грибоедова, его жена³ и две коляски. Я не пишу о поездке из Эривана сюда, о жизни в Эриване и в Таврисе, о двух аудиенциях у Аббаса-Мирзы и так далее. Обо всем этом расскажет мой дневник (если я посмею так его назвать). Я пользуюсь командировкой в Тифлис од-

ного офицера, которому я передам эти строки. Не рассчитывайте на регулярное получение от меня известий; я смогу использовать только курьеров и случайные возможности, которые я, конечно, не упущу — это я могу обещать с уверенностью. Я в Персии, и мое трехлетнее желание наконец исполнилось. Не знаю почему, но все, что я до сих пор увидел и узнал в этой стране, говорит мне многое; но самое замечательное из того, что я здесь видел, это, без сомнения, сам Аббас-Мирза; трудно себе представить, в каком угодно другом лице, что-либо более **располагающее**.⁴ Но обо всем этом подробней сообщит в ближайшее время мой дневник.}

С поиском монет дело идет чрезвычайно успешно. Я купил здесь уже около 300 (трехсот) монет, которые стоят около 30 дукатов. Эта сумма включает также 20 резных печатей, в том числе и талисман. Я надеюсь, что цена не слишком высока. Резные печати, которые тебе не нужны, возьмет мадам К. М.⁵ Завтра я попрошу у Грибоедова 50 #⁶ и буду вести точный счет, а затем буду продолжать собирать. Пока мне приносят монеты в дом ежедневно. И так как эти люди думают, что я могу быть им полезен, они стараются; один армянин старается особенно — большая половина идет от него.

Поскольку говорю о деньгах, я пользуюсь случаем попросить кое-что, из-за чего спадет камень с моей души. Ты знаешь, что первоначальное устройство всегда дорого, я ничего не взял с собой для хозяйства и должен делать покупки здесь. Так, например — постель, кровать и многое другое. Кроме того, устройство каждой квартиры требует ковров; необходим кальян и многое, что стоит больших денег. Иванов,⁷ который едет в Санкт-Петербург, уступает мне свои вещи, которые здесь необходимы, и я обещал ему, что ты в Санкт-Петербурге отдашь ему деньги, т. к. я не могу заплатить, я и так задолжал Мальцову за путешествие в Тифлис 600 руб. Других средств я не вижу, т. к. мне приходится просить у Грибоедова для покупок. Если это невозможно сделать, то мне придется тратить свой капитал.

Я с нетерпением жду твоего решения — могу тебя заверить, что ни один дукат напрасно на ветер не бросаю. К сожалению, в Персии, как известно, много значения придается показному — список с ценами прилагаю, и я желаю от всего сердца этому списку удачи.

У меня нет слов, чтобы поблагодарить вас за ваши письма, последнее из которых от 10 сентября. Также отсутствующую почту от 28 августа я тоже получил. Я не знаю, чем заслужил эту любовь, которую вы мне выказываете своими письмами. И я стараюсь ее заслужить, и Бог свидетель тому. Я не мог сдержать слез радости; и каким счастливым я себя чувствовал, хотя и в разлуке с вами — я не могу описать. Всегда бы такие письма — и я всем доволен буду. К сожалению, я снова не могу написать Александрине; Грибоедов посылает с завтрашним курьером бумаги, которые нужно еще написать; в частности, один документ дяде Андрею,⁸ которым Паскевич, по словам Грибоедова, очень дово-

лен. Через П. Коцебу я посылаю Фрицу⁹ прекрасный персидский кинжал. Этот кинжал я нашел в Нахичеване; П. Коцебу прикомандирован ко 2-й армии и уезжает из Тифлиса в ближайшее время; в Тифлис он возвратился 2 недели назад. Всем, кто меня любит, — сердечный привет из Персии. Николая¹⁰ поздравляю с днем рождения. Небольшой подарок последует в ближайшее время, как и всем остальным небольшие подарочки от твоего вечно благодарного сына КА.

Я не могу найти свою папку с письмами, поэтому это письмо без №.

- Сабля, которую я забыл взять с собой — 80
- 6 ковров — 250
- Кровать с матрасом и проч. — 30
- Кальян — 100
- 2 большие подушки, которые кладут к стене — 30
- Стеклянная посуда — 70
- Кухонная посуда — 40
- 2 скатерти — 35
- Новый черный фрак и панталоны — 175
- Шуба или <тулуб>¹¹ для поездки — 80
- Новый черный сюртук — 120

Итого 1000 руб. ассигнациями.¹²

¹ Письмо перфорировано для окуривания.

² 7 окт. 1828 г.

³ В переводе 1946 г.: жены.

⁴ В переводе 1946 г.: захватывающее.

⁵ Возможно, это Коцебу Мими. «Мими» — домашнее имя *Коцебу Вильгельмины Фридрики* (1812—1853), дочери Августа Коцебу от 3-го брака, с 1832 г. — жены будущего контр-адмирала *Крузенштерна Пауля* (1809—1881) и невестки И. Ф. Крузенштерна.

⁶ Наверное, 50 дукатов, т. к. жалованье дипломатам выплачивалось в этой валюте.

⁷ Секретарем консула в Тебризе *Иванов Илья Архипович* был назначен 8 мая 1828 г.; а уже 30 окт. 1828 г. он просил об увольнении (ПСС. С. 269—271); 9 нояб. 1828 г. Грибоедов предложил перевести «ревностного чиновника Иванова» на службу к Паскевичу, на место Шаумбурга, а последнего определить секретарем консульства к Амбургеру (ПСС. С. 277—279). По-видимому, это предложение не было принято, и 13 нояб. 1828 г. Иванов получил открытый лист для следования из Тебриза в Санкт-Петербург. В 1829 г. в штате МИД Иванов отсутствует. В МИД служили и его два брата: в Стамбуле помощником секретаря посольства в 1828 г. трудился коллежский ассессор Павел Архипович, а в Смирне генеральным консулом в 1830—1840 гг. был Федор Архипович.

⁸ Генерал Георг Раль 5-й.

⁹ Старшему брату, Ф. Ф. Аделунгу.

¹⁰ Младший брат Николай родился 23 окт. 1809 г.

¹¹ Не тулуп (как в письме № 4), а «тулуб».

¹² В своих письмах К. Аделунг не выглядит расчетливым. В письме № 10 он сообщил о покупке снаряженного коня за 240 рублей, в письме № 13 — о потраченных на походную экипировку и одежду 734 рублях; в письме № 17 — о 1000 рублей

на хозяйственные товары и одежду. Однако о схожих суммах сообщает более опытный (не годами, а испытаниями) декабрист *Пуцин Михаил Иванович* (1800—1869), участвовавший и в Персидской, и Турецкой кампаниях. Когда после тяжелейшего ранения под Ахалцыхом 15 августа 1828 г. Пуцин чудом через полгода поправился и просил об отставке, Паскевич, пользовавшийся его советами и трудами 2 года, отказал. Пуцин объяснил, что воевать по-солдатски у него нет сил, а нанять слугу, приобрести экипаж, лошадей, палатку и прочие удобства у него нет денег. Тогда главнокомандующий пожаловал ему безвозмездно тысячу червонцев (около 12 тысяч руб.), на которые поручик Пуцин обзавелся хозяйством и экипировкой (*Пуцин М. И.* Рассказ Михаила Ивановича Пуцина // Русская Старина. 1887. Т. 41, кн. 2. Стб. 325).

№ 18. Таврис, 30 октября 1828.¹

Сердечная благодарность за ваши письма, как я радовался, когда получил их — нет слов. Особенно меня обрадовало письмо мамы — я признаюсь, что читал его совершенно растроганным — Боже мой! Каким счастливым я себя чувствовал — меня так любят отец, мать, братья и сестра. У меня так часто бывали поводы быть недовольным собой. А теперь все забыто! Дай Бог, чтобы я заслужил эту любовь. Недостатка желания в этом нет. Вы простите мне, если я до сих пор не отослал вам свой дневник. (Он сейчас в Шуше.) Со дня нашего отъезда у нас очень много дел, но я напишу обязательно, когда только смогу. Я пользуюсь сегодня курьером, который завтра отправится через Хой в Тифлис. Если будет время, то напишу маме и Александрине; что касается проповедников в колонии, с которыми я познакомился в Грузии, то ты прав в своем мнении о них, особенно что касается старшего пастора Залтета, с которым я редко бывал вместе и был осторожен, общаясь с ним, так как он мне не понравился. Однако о пасторе Вёре в Элизабеттале я могу сказать только хорошее, и знакомство с ним я отношу к самым приятным, которые я имел. В нем не было ничего, что можно бы сказать о Залтете, Зарембе и прочих; с ним можно было рассуждать обо всем, и также в своих простых проповедях он никогда не выказывал себя миссионером; да и он часто говорил мне о Зарембе, и это не в пользу последнего. В эти дни я напишу Вёру и также Мензенкампу, чтобы сообщить хорошие новости о сборе пожертвований. Я тебе послал адрес последнего; ты, надеюсь, вышлешь деньги ему.

Слава Богу, пришли наконец вести от Фрица — могу себе представить, как беспокоилась мама; Бог даст, он вернется покрытый славой. У меня здесь для него персидский кинжал, который я хотел послать через Пауля Коцебу, но не сделал этого, т. к. не знал, куда его направят; и сейчас я отдаю его Иванову и надеюсь, вы сохраните его до okazji к Фрицу, или сам Фриц получит его в Петербурге. Иванов берет с собой и монеты, которые мне посчастливилось собрать в Тавресе; до сих пор я купил почти на 100 дукатов и надеюсь, что они в Петербурге будут стоить вдвое дороже.² О потраченных деньгах, а также количество

и точный расчет по каждой отдельной посылке я прилагаю в письме, приложенном к монетам.

{Теперь о нашем дальнейшем персидском путешествии. Через 4 или 5 дней мы едем в Тегеран. Мадам Грибоедова остается до нашего возвращения здесь, так как путешествие в это время года было бы для нее слишком тяжело; нашей же резиденцией остается, к счастью, Таврис. Шах ожидает только приезда в Тегеран министра, после чего уезжает на некоторое время в Исфахан. Подумай о моей радости; наше посольство, по всей вероятности, будет его сопровождать, и я увижу этот знаменитый город.} И так как это почти случилось, и будет Богу угодно, может, поедем и в Шираз,³ и в Персеполь.⁴ Может быть, мы вернемся из Исфахана в Таврис, и я снова окажусь в этой интересной местности, и в Хамадане⁵ — настоящем кладезе здешних древностей и монет.

{Кроме этой поездки, предвижу в будущем еще одну: Грибоедов и Завелейский⁶ (Тифлисский вице-губернатор) передали императору план Закавказской экономической и торговой компании,⁷ которая, вероятно, будет **учреждена**,⁸ так как и Паскевич⁹ написал об этом императору; если это произойдет, то Грибоедов пошлет меня в будущем году в Кашмир,¹⁰ чтобы там закупить шерсть и пригнать овец.} Сейчас все идет согласно моим желаниям, и я могу считать себя счастливым, однако путешествие в Исфахан пока секрет, и я сообщаю вам о нем, но вы не должны ни с кем об этом говорить, пока я не напишу что-то определенное. Александрина может, во всяком случае, сообщить об этом Ене, т. к. я знаю, какое большое участие она принимает в моих делах.

{По прибытии в Тегеран Грибоедов немедленно представит нас в кавалеры персидских орденов,¹¹ о чем он нам уже объявил. Как это будет прекрасно, когда персидский кавалер будет рассказывать в Петербурге о своем путешествии в Таврис, Тегеран, **Исфахан**,¹² Шираз, **Персеполь**,¹³ **Хамадан**,¹⁴ Кашмир и т. д.¹⁵} Я так часто мечтаю, как буду рассказывать вам о своих приключениях, и когда я просыпаюсь, то вижу, что они только начинаются, однако до сих пор все шло по моему желанию, и продолжает идти также. До сих пор мне не на что было жаловаться: здоровье, начальник, товарищи, служба — все так, как только можно пожелать.

{Дяде Гарри¹⁶ я, конечно, напишу из Тегерана; так как Грибоедов состоит с ним в официальной переписке, как с начальником пограничной стражи, я смогу воспользоваться этим обстоятельством.} Однако степь Муган¹⁷ занимает большую часть этого ханства, и Ленкоран (новая крепость) вряд ли будет чем-то впечатляющим. Я отдаю с Ивановым маленький подарок Николаю — если даже он запоздает, то удовольствие ему доставит. Его изготовили здесь, в Тавресе. Позднее последуют еще некоторые мелочи вам — я экономлю для этого деньги и очень прошу не беспокоиться и не оплачивать их, — я радуюсь этому. Из Тегерана, может, пошлю еще шали. И под конец еще одна просьба — выписать мне через Грефа¹⁸ следующие книги: 1. Перевод 1001 ночи Га-

бихта;¹⁹ 2. Французский Хаджи-Баба.²⁰ 3. Разные переводы персидских поэтов.²¹ 4. Персидскую грамматику Джонсона (на английском).²² Расходи я, возможно, смогу возместить здешними приобретениями. Если что-то из этих книг можно получить уже сейчас, то это было бы хорошо. Эти книги и другие вещи, которые не захотел пересылать Департамент,²³ мог взять бы на себя наш комиссионер Булгарин.²⁴ Все же обычный путь намного предпочтительней. Всем, кто меня помнит, — сердечный привет; от ленивого Мэтью я уже ничего не ожидаю — у него ведь есть известия обо мне, а ему я уже не пишу. Также Кактусу мой привет и пожелание плодородия. Вечный твой сын КА.

¹ Письмо перфорировано для окуривания.

² Сомнительно, что расчеты К. Аделунга оправдались, т. к. контрибуционное золото, большая часть которого поступала в виде монет, сортировали, и монеты, имевшие нумизматический интерес, выделяли и продавали коллекционерам. В это время в Санкт-Петербурге нумизматический рынок был рынком покупателя (см.: *Спасский*. С. 146—147).

³ Древний (XX в. до н. э.) город на юге Персии, в 60 км от Персеполя, средневековый культурный центр, был столицей Персии в XVIII в. Центр садоводства, виноградарства, хлопководства и рисоводства.

⁴ Древний (2,5 тысяч лет) город на юге Персии.

⁵ Город в одноименной провинции Персии, с 3-тысячелетней историей, столица Мидийского царства. Расположен на половине пути из Тегерана в Багдад.

⁶ *Завелейский Петр Дамианович* (1800—1843) — один из способных чиновников-экономистов и финансистов польского происхождения. После успешно исполненной таможенной ревизии на западной границе, он прибыл в Тифлис в начале 1828 г. и стал начальником Тифлисской казенной палаты. Его способности, бескорыстие и знание местной специфики ценил тесть Грибоедова — А. Г. Чавчавадзе. С июля 1829 г. по янв. 1832 г. Завелейский — гражданский губернатор Тифлиса в чине действительного статского советника Его карьера прервалась в 1832—1835 гг. в связи с расследованием националистического заговора грузинских дворян 1830—1832 гг. Позднее занимался переселением крестьян в Западную и Восточную Сибирь, входил в Совет министра финансов.

⁷ План Грибоедова—Завелейского представляет собой химеру частной экономической инициативы (в стране с зачатками гражданских прав) и монопольных привилегий, гарантированных государством. Подобный симбиоз в это время уже уверенно вел к сокращению прибыльности Российско-Американской компании.

⁸ В переводе 1946 г.: основана.

⁹ План организации экономики Закавказья Ф. И. Паскевича вытекал из определения министром финансов Е. Ф. Канкриним Закавказья как колонии России (см.: *Зубов*. Ч. 1. С. 1). Этот план не содержал положений плана Грибоедова—Завелейского.

¹⁰ Провинция и город на северо-западе Индии, лежит на «шелковом пути» в долине, окруженной горами. До XIX в. — независимое государство. Древнейший центр земледелия, садоводства, животноводства и ткачества.

¹¹ Грибоедов исполнил обещание: накануне планировавшегося отъезда посольства из Тегерана оба его секретаря получили от шаха по ордену Льва и Солнца 2 степени с бриллиантами и по две шали (*Das Ausland*. 1830. 19.X. № 292. S. 1166).

¹² В переводе 1946 г.: Исфahan.

¹³ В переводе 1946 г.: Персеполис.

¹⁴ В переводе 1946 г.: Хомазан.

¹⁵ Здесь К. Аделунг подыгрывает бытовавшему представлению о дипломатах: «Секретарь посольства! Боже, как это хорошо звучит! Как это наряжает и причешывает в обществе молодого человека! Каким ореолом это украшает мечтательную голову! <...> Оставим в стороне людей с серьезным образованием, людей дела и труда; но кто не знает, каким вообще порядком текут дни молодого секретаря посольства. Спи себе до полудня; переписывай к почте бумажку, другую; а затем романы в книгах и жизни, визиты, катанья, обеды, вечера в посольствах, зеленые столы, курьерские поездки...» (*Барсуков Н. П.* Драгоман // Русский Архив. 1886. № 10. С. 214).

¹⁶ Генерал Георг Раль 5-й; здесь дядя Андрей превратился в дядю Гарри. После истребления посольства в янв. 1829 г. война с Персией считалась неизбежной: уверенные в возникновении второго фронта у русских турки осадили недавно ими утраченный Ахалцых, а в Талышское ханство вторгся его прежний правитель Мир-Хассан-хан (*Потто*. С. 929).

¹⁷ Равнина на западе Каспия, между реками Араксом и Курой.

¹⁸ *Греф Вильгельм* — книготорговец иностранной литературой в Санкт-Петербурге в 1807—1840 гг. Его магазин располагался на углу Невского и Адмиралтейского пр. К помощи Грефа регулярно прибегали сотрудники ИАН (см.: СПФ АРАН, ф. 5, оп. 1-1827, № 262).

¹⁹ Книга «1001 ночь» является либо сборником ближневосточных легенд, либо французской литературной мистификацией, публиковавшейся Галланом в 1707—1717 гг. Немецкий перевод, сделанный с псевдовосточной рукописи, публиковал Габихт в 1826—1843 гг.

²⁰ Хаджи-баба — герой нескольких романов английского писателя и дипломата Дж. Мориера, ставшего популярным в России благодаря вольным переводам Сенковского. Французские переводы вышли в Париже в 1813, 1818, 1820 гг. Имя героя стало нарицательным: в сообщении немецкой газеты о гибели миссии в Тегеране корреспондент, отдавая дань исключительным познаниям посла Грибоедова, замечает, что он мог бы дать фору Дж. Мориеру (*Beilage zur Allgemeinen Zeitung*. 1830. 29.I. № 29. S. 115).

²¹ Просьба эта свидетельствует о незнании К. Аделунгом персидского языка; и, возможно, о его намерении начать изучение, имея подстрочники. Однако выполнить его просьбу было бы непросто: отдельные русские переводы с персидского персидских поэтов стали появляться в журналах только после 1818 г. Возможно, помочь в этом К. Аделунгу мог бы *Ботьянов Иван Васильевич* (1802 — после 1866), сын молдавского дворянина, однокашник К. Аделунга по Санкт-Петербургской Губернской гимназии и один из первых выпускников УОВЯ, переводивший персидских поэтов всю свою жизнь. В 1825 и 1826 гг. он опубликовал в «Азиатском вестнике» свои переводы из Джамии. Летом и осенью 1828 г. драгоман И. В. Ботьянов был на русско-турецком фронте под Варной переводчиком и наблюдателем при размене пленных.

²² Ошибка К. Аделунга. *Джонс Вильям* (1746—1794) — английский лингвист и полиглот, знаток восточных языков. Первый указал на связи европейских языков с санскритом. Этим вопросом горячо интересовался и Ф. П. Аделунг. «A grammar of the Persian language» много раз переиздавалась в Лондоне в 1771—1828 гг.; последнее французское издание вышло в 1845 г.

²³ Департамент Азиатских дел — одно из подразделений МИД.

²⁴ *Булгарин Фаддей Венедиктович* (1789—1859) — беллетрист и предприимчивый издатель. В 1820—1830-е гг. регулярно публиковал в своих изданиях «Север-

ная Пчела» и «Северный Архив» востоковедческие материалы, в том числе А. С. Грибоедова и И. С. Мальцова. Друг и многолетний корреспондент Грибоедова; выполнял множество его поручений, включая денежные займы.

{№ 19. Таврис, 3-го ноября 1828.¹}

Дорогой отец!

Я пользуюсь отъездом Иванова, чтобы отослать монеты и резные камни, которые собрал здесь, в Таврисе. Одновременно я прошу также принять его, по возможности, хорошо; я знаю, что он и без моих просьб будет принят хорошо, т. к. он привезет самые свежие новости обо мне и сможет рассказать, как я здоров и доволен. И все же я считаю необходимым попросить, поскольку он сам не может расположить к себе. Ты позволишь мне напомнить, в связи с этим, о деньгах, которые я должен ему за купленные у него вещи, и я не придумал другого способа расплатиться, чем этот. Я думаю, что лучше всего ему заплатить из моих 1500 рублей; я очень прошу отдать ему эти деньги как можно скорее, т. к. он очень в них нуждается. Я понимаю, что для тебя этот платеж будет затруднителен, но мне ничего не остается другого. Вещи были мне необходимы, а денег у меня не было.

{Теперь о **купленных монетах**.² На каждом пакете указана цена **вложенных монет**:³ я их не сортировал, но так и завернул, как их покупал; мне было трудно достать денег на эту покупку, я просил у Грибоедова 100 р., чтобы заплатить за **монеты**;⁴ но хотя он сам сейчас стеснен в деньгах, однако все же обещает достать мне денег сегодня. **Мне пришлось эту сумму занимать у многих**.⁵ Булгарин, наверное, лучше знает, как перевести сюда деньги; лучше всего, если бы мне ежегодно была назначена сумма для покупок этого рода. Здесь много чего можно купить, а если границы расходов не обозначены, то я не могу остановиться. Что, если бы граф Нессельроде⁶ испросил бы у императора особую сумму на 2—3 года для таких расходов?⁷ Это было бы лучше всего. 4 или 5 тысяч рублей в год — и я бы приобрел прекрасные вещи. За мизерные деньги я мог бы послать людей в Хамадан и Керманшах,⁸ и они бы приобрели на эти деньги редкие и, возможно, единственные в своем роде экземпляры. К сожалению, я вынужден сейчас остановить свои покупки, т. к. для этого мне не хватает денег. Вчера мне принесли еще одну печать, которую я не смог купить — оттиск с нее я прилагаю; — и такое происходит ежедневно. Антики⁹ я могу получать в большом количестве, и я думаю, что их можно было бы выгодно продать в Петербурге. С нетерпением жду ответа на это письмо и с болью смотрю в будущее — когда мне принесут монеты и камни, которые я не смогу купить. Я могу точно сказать, что я мог бы ежегодно приобретать несколько тысяч монет, — эта посылка может быть пробной для моего будущего собирания; я надеюсь, что там находятся и несколько раритетов.

Иванов возьмет следующие вещи в Петербург: 1. Два пакета монет. 2. «Жизнь Фетх-Али-шаха»,¹⁰ изданную в Тавризе, — для Восточного института;¹¹ 3. Кинжал для Фрица; 4. Кольца для Николая; 5. Пакетик с розовым маслом, которым я прошу пользоваться; 6. Персидское зеркало для Мими Коцебу.¹² Все это я запечатал печатью миссии, чтобы не открывали при досмотре в карантине. Я б с удовольствием послал подарки всем, но мне не хватает вещей для этого. Я еще соберу кое-что и воспользуюсь следующей оказией.

Мне очень жаль, что все еще не могу послать вам свой дневник — мы отправили отсюда много курьеров и много работали; кроме того, здесь у нас проходной дом, так что если я и займусь чем-то, то мне мешает шум. Во всяком случае, дневник придет позднее. Послезавтра¹³ мы отправляемся в Тегеран, и, если угодно Богу, то оттуда — в Исфакан. Я буду использовать каждого курьера. Прощайте и думайте о вашем Карле. Прилагаю еще несколько вещиц, купленных вчера. КА

9 ноября.¹⁴

Мы не выедем раньше, чем через 14 дней, по причинам, о которых говорится в письме Александру. Я прилагаю еще несколько монет. Каждый день появляется что-нибудь, но я, к сожалению, покупаю немного.

¹ Письмо перфорировано для окуривания.

² В переводе 1946 г.: купленной мяте.

³ В переводе 1946 г.: вложенной мяты.

⁴ В переводе 1946 г.: мяту.

⁵ В переводе 1946 г.: Мне нужна эта сумма на многие расходы.

⁶ *Нессельроде Карл Васильевич* (1780—1862) — министр иностранных дел России в 1816—1856 гг. Во время его министерства существовала практика согласования с АН программ сбора экономических, исторических, географических и культурологических сведений для отъезжающих в восточные страны миссий. В авг. 1828 г. Конференция АН откликнулась на горячий призыв академика Х. Д. Френа, мечтавшего о расширении коллекций возглавляемого им Азиатского музея АН и воодушевленного созерцанием первых доставленных с турецкого фронта знамен, и приняла постановление: «О выдаче инструкций отъезжающим с дипломатическими миссиями на Восток предписаний <...> чтобы из библиотек тех городов, покорившихся в продолжении текущей войны российскому оружию, приобретаемы были все арабские, персидские и турецкие рукописи — за исключением Корана и сочинений, до магометанской веры относящихся — в особенности же исторические и географические сочинения и даже учения латинские, сирийские...» При этом как на прецедент указано было на составленный востоковедом О. И. Сенковским список из 500 книг «важнейших исторических и географических творений арабской и персидской литературы», включенный в условия мирного договора с Персией (СПФ АРАН, ф.1, оп. 2-1828, № 23, л. 48—50).

⁷ В это время ежегодные ассигнования на покупки для нумизматического отдела Эрмитажа (личного императорского музея) составляли 3 тысячи рублей.

⁸ Провинция на юге Персии, населенная курдскими племенами; там ныне проходит ирано-турецкая граница.

⁹ Древнегреческие и римские монеты, коллекционированием которых занимался Ф. П. Аделунг. Императрица Мария Федоровна приобрела у него часть кол-

лекции для своего собрания в Павловске. Позднее вся его коллекция была продана в Эрмитаж.

¹⁰ *Фетх-Али-Шах* (1772–1834), второй шах из династии Каджаров, правил с 1797 по 1834 гг. В русскоязычной литературе традиционно представлен как патологически корыстный, непоследовательный и слабый правитель.

¹¹ Очевидно, так Аделунги называли Учебное отделение восточных языков Азиатского департамента МИДа, открытое 29 мая 1823 г.; начальником его с 26 авг. 1825 г. был Ф. П. Аделунг. Особой заботой начальника был поиск для УОВЯ современных книг и документов на арабском, персидском, турецком языках для усвоения учащимися живых, а не только классических форм этих языков.

¹² Из 14 детей драматурга А. Коцебу, достигших взрослости, лишь три девочки: погодки *Амалия Софи* и *Элизабет Эмилия*, старшие сестры П. Е. Коцебу и младшая сестра Фрица Коцебу — в 1828 г. 16-летняя *Вильгельмина Фридерика*.

¹³ 5 нояб. 1828 г.

¹⁴ 9 нояб. 1828 г.

№ 20. 29 ноября 1828г. Таврис.¹

На этот раз вы надолго останетесь без вестей от меня, хотя я не пропустил ни одной okazji, которая появлялась после отъезда из Тифлиса. 30 октября я написал тебе и маме письмо под № 18; а 31 октября — Александрине; 2 октября² эти письма отправились с одним офицером вместе с большим количеством официальных бумаг. Теперь граф Паскевич пишет Грибоедову, что он уже долго не имеет от него сообщений — или этот курьер потерял все бумаги, или он, несмотря на курьерские исключения, был задержан в двух карантинах у Тифлиса; мы до сих пор ничего об этом не знаем. Кроме того, я писал через Иванова (письмо от 3 ноября, № 19, к которому приложил много монет и других вещей), который уехал отсюда 12-го этого месяца; а 9 ноября написал Александру. Может быть, Иванов остается пока в Тифлисе, и тогда эта посылка, естественно, запоздает. Завтра или послезавтра мы снова готовим курьера в Тифлис; он возьмет и это письмо. Это последний курьер, которого мы посылаем перед отъездом в Тегеран, т. к. в первые дни декабря мы выезжаем.

Эта поездка, естественно, доставит больше затруднений, чем предыдущая, т. к. наступает зима; однако у меня есть все необходимое для утепления; и когда вы будете читать эти строки, я буду уже в Тегеране. Еще 8 дней тому назад здесь стояли прекрасные теплые ясные дни, так что мы выходили из дома без пальто. Несколько дней были чрезвычайно хороши — таких я до сих пор не знал. Мэтью просит меня наслаждаться этими прекрасными днями, и я наслаждаюсь всем и за всех вас. Хотя, к сожалению, только в мыслях. Листья с деревьев только сейчас опали, и вот уже 2 дня лежит снег, который уже 3 недели как можно было видеть на горах, окружающих Таврис.

С последней оказией из Тифлиса 21 ноября я получил письмо Александрины и Николая от 1-го и твое № 6 от 15 октября. Почти 4 недели

я провел без известий от вас, что меня немало беспокоило; смерть Сипягина³ создала некоторые неприятные моменты в Тифлисе, и многое из этого продолжается;⁴ насколько приятными были сообщения о вас, настолько меня огорчила смерть Александра Энгельгардта.⁵ Я к нему очень хорошо относился и потерял в нем самого старого знакомого и друга. Уже первое сообщение о большой потере полка егерей взволновало меня из-за него; я читал ваши письма хронологически, и поэтому первым — письмо Александрины, где она пишет, что Энгельгардт особенно отличился в тот день; как я обрадовался, что мое предположение необоснованно; однако эта радость была недолгой — твое письмо подтвердило печальное предчувствие его смерти. Газеты (мы их имеем до 23 октября) меня радуют тем, что Саперный Батальон отличился; Георгиевское знамя,⁶ конечно, прекрасная награда! Если бы Фриц мог тоже что-нибудь такое же отхватить. Ах! — бедная мама так мучается из-за него! Господь, надеюсь, сохранит его нам, и позволит ему вернуться с наградой, и пусть ваши следующие письма, которых я поджидаю в эти дни от всех вас и Фрица, принесут хорошие вести.

Как мы здесь живем, вы узнаете из моего дневника, часть которого я прилагаю здесь. Я очень отстал в записях, однако все придет постепенно и будет приходиться регулярно.

В прошлое воскресенье, 25-го,⁷ в армянской церкви состоялось богослужение в честь взятия Варны⁸ и благополучного возвращения императора в Петербург. Миссия присутствовала во всем блеске, а Аббас-Мирза позволил в этот день звонить в колокол, чего до сих пор еще не бывало. В понедельник вечером у нас состоялся ужин, на котором он присутствовал, и такому тоже не было примера. Все это опишу подробно в моем дневнике. В этот вечер я немного простудился и не выходил из дома — я почти отболел, но вялость не дает писать много, поэтому я напишу Александрине, Александру и Николаю в следующий раз. Не беспокойтесь, через 2—3 дня я буду в порядке и готов ехать в Тегеран. Большой привет Шерерам, Вирстам и Гуллонам, а также Мэтью, К. Коцебу и Костаки. Стихотворение <Обод.>,⁹ касающееся последнего, я жду с нетерпением. Вечно ваш КА.

Посылку с наволочками для подушек и картами, посланную с okazji, я еще не получил. Я прошу Александра как можно скорей подписаться на журнал *Jour. de Petersb.*¹⁰ на 1829 год на имя Фрица Коцебу в Ревель; деньги я заплачу, как только позволят обстоятельства. Я полагаюсь на его быстрый заказ.

1 декабря.¹¹

Прежде чем отправить письмо, пользуюсь минутой до отъезда курьера, чтобы сообщить, что я совершенно здоров. Наш отъезд назначен на 4 или 5 этого месяца. Так что не ждите от меня скоро писем, т. к. я во время путешествия, которое продлится около 3 недель, вряд ли найду оказию. Прощайте все, всех благодарю. КА

Годятся ли приложенные предписания¹² для Института?

¹ Письмо перфорировано для окуривания.

² Описка К. Аделунга, верно — 2 нояб. 1828 г.

³ 10 окт. 1828 г. Н. М. Сипягин скончался от пневмонии, в которую перешла простуда, подхваченная во время долгого ожидания Паскевича у въезда в Тифлис.

⁴ После смерти Сипягина военным губернатором Тифлиса стал генерал-лейтенант С. С. Стрекалов (1782—1856). По старому, но действенному приему администрирования, особое внимание на своем новом посту он уделял тотальной критике действий своего предшественника. Его свойственник В. Н. Григорьев, служивший в это время в Тифлисе, характеризовал его так: «Стрекалов не столько был государственным человеком, сколько *bon vivant*: любил хорошо покушать, хорошо попить, спокойно поспать и при случае поиграть в карты» (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 55).

⁵ *Энгельгардт Александр Федорович* (1796—1828), племянник директора Царскосельского лицея и сын участника турецких кампаний подполковника Ф. А. Энгельгардта. 9 сент. 1828 г. батальон ЛГ Егерского полка был отправлен на замыкание южного участка окружавших Варну российских войск, но сбился в лесистой пересеченной местности и попал в центр 30-тысячного турецкого корпуса Омер-Врион паши, которому удалось «разрезать» колонну не успевших перестроиться егерей. Окруженные и артиллерией, и конницей, почти все пешие егеря погибли, немногие прорвавшиеся к своим были разгневанным Николаем I ошельмованы, а полк расформирован. На Фарфоровском кладбище Санкт-Петербурга родственники погибшего прапорщика П. П. Дивова установили кенотаф в память 15 погибших офицеров Егерского полка, включая штабс-капитана А. Энгельгардта. Немного позднее погиб и его младший брат, *Энгельгардт Федор Федорович* (1800—1828). С их кузеном, Максимом Егоровичем (1803—1858), сыном директора Царскосельского лицея, Карл Аделунг некоторое время учился в одном классе Санкт-Петербургской Губернской гимназии.

⁶ За огромный труд по взятии Варны ЛГ Саперный батальон был пожалован Георгиевским крестом на знамя. Кроме этого, все офицеры были награждены орденами и повышены чином: Ф. Ф. Аделунг стал кавалером ордена св. Анны 3 степени.

⁷ 25 нояб. 1828 г.

⁸ Российские войска осадили современно оснащенную турецкую крепость Варну с 15-тысячным гарнизоном в конце июля 1828 г. Осадой последовательно руководили П. П. Сухтелен, А. С. Меншиков и М. С. Воронцов; император Николай I находился на рейде Варны на борту корабля «Париж». 29 сент. 1828 г. гарнизон Варны капитулировал.

⁹ *Ободовский Платон Григорьевич* (1803—1864) — сын врача, учился в Санкт-Петербургской Губернской гимназии вместе с братьями Аделунгами; в 1823 г. поступил чиновником в Азиатский департамент МИДа; публиковать стихи начал еще гимназистом. Переводил пьесы и писал собственные. Упомянутая поэма «Хиосский сирота», посвященная «друзьям греков», изданная в 1828 г., монотонным ямбом повествует как о турецком насилии над Грецией и надеждах на ее освобождение, так и о судьбе сироты, спасшегося в Россию; полное имя К. Ламброса в поэме не названо.

¹⁰ Газета Министерства иностранных дел «*Journal de St.-Petersbourg*» была официальным органом МИД с 1825 по 1914 г. В этой газете 16 марта 1829 г. появилось сообщение о гибели посольства в Тегеране и о непричастности к трагедии властей Персии. Публикация отражала резолюцию Николая I (опасавшегося одновременной войны и с Турцией, и с Персией) на докладе министра иностранных дел: «При сем горестном событии его величеству отрадна была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу и что сие пришествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного

Грибоедова, не сообразавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской, а с другой стороны, известному фанатизму и необузданности сей самой черни...» (*Тархова*. С. 479–481).

¹¹ 1 дек. 1828 г.

¹² Особой заботой Ф. П. Аделунга было ознакомление студентов УОВЯ с современным деловым языком; поэтому он стремился найти и включить в пособия свежие документы различного характера. Очевидно, К. Аделунгу удалось исполнить просьбу отца и послать какие-то документы.

Библиографический список

1. *Абовян Х.* Раны Армении. Ереван, 1977.
2. Административно-территориальное устройство Ставрополя с XVII в. по 1920 год. Ставрополь, 2008. Эл. ресурс: http://stavarihiv.ru/userfiles/file/2018/%D0%90%D0%A2%D0%94%202008%20_FR12.pdf
3. *Апфельбаум А. С.* Участие народов Кавказа в Русско-турецкой войне 1826–1828 г. // *Кавказология*. 2018. № 4. С. 12–41. Эл. ресурс: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2018/12/apfelbaum_kavkazologija_2018_4.pdf
4. *Баддели Дж.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М., 2010.
5. *Волькенштейн А. Е.* История лейб-гвардии Саперного батальона 1812–1852. СПб., 1853.
6. *Гакстаузен А., фон.* Закавказский край. М., 2018.
7. *Голицын Н. Б.* Жизнеописание генерал от кавалерии Емануеля. СПб., 1851.
8. *Головки Ю. И.* Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVII – начало XIX в.) // *Труды исторического факультета СПбГУ*. 2014. № 17. С. 83–107.
9. *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: в 3 т. СПб., 2006. Т. 3.
10. *Дмитриев С. Н.* Последний год Грибоедова: Триумф. Любовь. Гибель: Историческое расследование. М., 2017.
11. *Зульхарнеев А.* Закавказье для России: «колония» или «губерния»? Имперские проекты освоения региона в 1820–30 гг. // *Электронный архив УрФУ. Уральское востоковедение: Международный альманах*. 2008. № 3. С. 72–84. Эл. ресурс: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56169/1/uv3-2008-09.pdf>
12. История Императорской военно-медицинской академии за 100 лет. 1798–1898 / Под ред. Ивановского. СПб., 1898.
13. История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. СПб., 1896. Глава 8. С. 199–229. URL <http://adjutant.ru/rtwar1828-29/leibeger1828.htm>.
14. *Кальма Н.* Коммерческие замыслы Грибоедова // *Литературное наследство*. Т. 19/21. М., 1935. С. 143–176.
15. *Карнеев С. Б.* Персидская поэзия. Материалы к библиографии русских переводов // *Библиография народов Востока*. 1936. Вып. 10. С. 101–110.
16. *Князева Е. Е.* Лютеранские церкви и приходы в Белоруссии, Молдавии, Закавказья и Средней Азии XVIII–XX в.: Исторический справочник. СПб., 2006. Ч. III.
17. *Кузнецова В. А.* Иран в первой половине XIX века. М., 1983.

18. Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982.
19. Манзей К. История лейб-гвардии Гусарского его Величества полка. СПб., 1859. Ч. 3.
20. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998.
21. Пестриков Н. С. История лейб-гвардии Московского полка. СПб., 1904. Т. 2.
22. Пиксанов Н. К. Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова. 1791—1829. М., 2000.
23. Попова О. И. Грибоедов в письмах К. Ф. Аделунга отцу // Литературное наследство. 1946. Т. 47/48: А. С. Грибоедов / Отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. С. 243—264.
24. Потто В. А. Кавказская война: В очерках, эпизодах, легендах и биографиях. М., 2014.
25. Почтовый дорожник. СПб., 1824.
26. Рахматулин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы. М., 2009.
27. Сайт МИД РФ. Раздел «Летопись дипломатической жизни МИД России в 1802—1856 годах». Эл. ресурс: https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoy-služby/-/asset_publisher/5H3VC9AbCvL/content/ministerstvo-in-ostrannyh-del-rossii-v-1802-1856-gg-?inheritRedirect=false.
28. Скрутковский С. Э. Лейб-гвардии Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. СПб., 1896.
29. Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. М., 2000.
30. Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 123—234.
31. Список учеников С.-Петербургской Губернской Гимназии, получивших за отличное благонравие и прилежание к наукам похвальные листы // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1817. № XLIII. Ч. 1. С. 270—279.
32. Тархова Н. А. Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790—1829. М., 2017.
33. Толстой В. С. Сер Джон Макнил // Русский архив. 1874. Кн. I. С. 884—898.
34. Тунян В. Г. «Защитник отечества» — каталикос всех армян Нерсес Аштаракец. 1826—1857. Ереван, 2007. URL:<http://armenian-church.org/images/books/4bk13katolikos.pdf>
35. Филиппсон Г. И. Воспоминания. М., 1885.
36. Чернова-Дёке Т. Н. Немецкие поселения на периферии российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818—1917) (к 190-летию основания немецких колоний). М., 2008. 208 с.
37. Kelly L. Diplomacy and Murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russia's Mission to the shah of Persia. NY, 2006. Эл. ресурс: <http://faravashi.ir/wp-content/uploads/2018/01/Diplomacy.pdf>
38. Кнеп J. R. A. S. Griboedov: His Life and Work as a Russian Diplomat, 1817—1829: Dissertation Ph. D. Ohaio, 1976. Эл. ресурс: https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?accession=osu148700497175106&disposition=inline